

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 28 ИЮЛЬ 1989

**ПОЛЕТ НА ЛУНУ,
ИЛИ
20 ЛЕТ СПУСТЯ**

**БОЛЬ
ПОСЛЕДНЕЙ
ВОЙНЫ**

**УРОКИ
ФРАНЦУЗСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ**

**КАКОЙ ДОРОГОЙ
ИДТИ К ХРАМУ?**

**Курс-
на
прозрение**

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЕК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан
1 апреля
1923 года

№ 28 (3233)

8—15 ИЮЛЯ

Главный редактор

В. А. КОРОТИЧ.

Редакционная коллегия:

Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ,

А. Ю. БОЛОТИН,

В. В. ГЛОТОВ

(ответственный секретарь),

Л. Н. ГУЩИН

(первый заместитель главного редактора),

Н. А. ЗЛОБИН,

В. Д. НИКОЛАЕВ

(заместитель главного редактора),

Ю. В. НИКУЛИН,

А. Г. ПАНЧЕНКО,

С. Н. ФЕДОРОВ,

А. В. ХРОМОВ,

Ю. Д. ЧЕРНИЧЕНКО,

В. Б. ЧЕРНОВ,

В. Б. ЮМАШЕВ.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

«Михаил Булгаков» — имя плавучей глазной клиники, совместного детища МНТК «Микрохирургия глаза» и Советского коммерческого флота. (См. в номере материал «Не быть нахлебником!».)

Фото Льва ШЕРСТЕННИКОВА

Оформление Н. П. КАЛУГИНА
при участии Г. Н. СИДОРОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.

Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп.,
на полгода — 10 руб. 38 коп.,
на квартал — 5 руб. 19 коп.

Сдано в набор 19.06.89. Подписано к печати 04.07.89. А 08875. Формат 70×108¹/₈. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 6,3. Усл. кр.-отт. 14,35. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 3 350 000 экз. Заказ № 770. Цена 40 копеек.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-23-27; Отделы: Публицистики — 212-21-88; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-59; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Секретариат — 250-46-98; Литературных приложений — 212-22-13, 212-23-07.

Телефакс (международный)

(095) 943-00-70

Телетайп (внутрисоюзный) 112349

«Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

ПОСЛЕДНИЙ ГОЛ

ОЛЕГА БЛОХИНА

Фото Николая
КОЗЛОВСКОГО

Сыграл последний матч
 Олег Блохин.
 И этим все сказано.
 Не будет больше
 его невозможной,
 немыслимой скорости,
 не будет его самых важных,
 самых нужных голов,
 не будет изящной,
 легкой,
 неожиданной обводки,
 не будет...
 А впрочем,
 почему не будет?
 Великий футболист ушел,
 но в нашей памяти,
 в наших сердцах
 болельщиков
 навсегда останется
 футбол Олега Блохина.
 Спасибо тебе, Олег!

Как мы радовались прямой трансляции Съезда народных депутатов! При всех издержках его работы это был форум подлинной демократии.

Поэтому предполагаемая открытая работа сессии Верховного Совета СССР как бы сама собой подразумевалась. Увы! 26 июня председательствующий А. И. Лукьянов сообщил, что по решению Президиума прямая трансляция отменяется. Давать отчет будут в записи, по вечерам, наиболее важные моменты. Все остальное — за семью печатями. Мол, народу знать без надобности.

Что ж, «демократизм нашей действительности» — лишняя иллюстрация известной китайской поговорки: «Кто долго стоит на цыпочках, долго стоять не может». Не посоветовавшись с народом, президиумно в очередной раз нам перекрыли клапан информации. И тут никакие аргументы, вроде тех, что слишком много людей сидит у телевизоров, вместо того, чтобы работать, неубедительны. Довольных прошедшим Съездом и так, дай бог, по пальцам пересчитать. Гораздо больше их. Так стоит ли множить их число? Пойдут слухи, домыслы... брожение. В итоге подобная выборочность в освещении сессии работает не на власть.

Ведь отбор информации (кто это, интересно, будет решать, какие заседания для нас важны, какие — нет?) — составленная прежнего мышления. А именно желание во что бы то ни стало отгородиться от народа и привести нас к нынешнему положению вещей: кризису власти, экономики, совести...

Л. ЖАВОРОНОК
Таллинн

Номер благотворительного валютного счета «АнтиСПИД» — 70000015 во Внешэкономбанке СССР. Этот счет журнала «Огонек» открыт после публикации в № 26 статьи «Лучше не думать?».

При перечислении денег необходимо указывать номер счета и его название — «АнтиСПИД».

Все поступающие на этот счет деньги будут незамедлительно направляться на закупку оборудования по производству одноразовых шприцев, одноразовых капельниц и диализаторов, различных одноразовых внутривенных катетеров и т. д.

Мы обращаемся к советским актерам, театрам, ансамблям, рок-группам, оркестрам — часть гонораров, собранных с гастрольных концертов и спектаклей, вы можете перечислять на счет «АнтиСПИД».

Обращаемся к писателям, публицистам, деятелям науки — вы можете часть валюты, полученной от издания книг за рубежом, перечислять на счет «АнтиСПИД».

Обращаемся к советским спортсменам — часть заработанной вами валюты вы можете перечислять на счет «АнтиСПИД».

Обращаемся ко всем художникам, скульпторам — просим часть валютной выручки от зарубежных выставок перечислять на счет «АнтиСПИД».

«Учительская газета» преподнесла сюрприз, объявив своеобразный конкурс под названием «Учитель года». Проблемы школы, оказывается, решаются удивительно просто: надо всего-навсего сосредоточиться и выбрать «премьера».

«Учитель года» звучит по меньшей мере оскорбительно. Как можно выбрать одного претендента, не обидев при этом всю учительскую массу.

Сегодня широко известны многие учителя-новаторы. Но где те весты профессионализма и высокой ответственности, которые могли бы отдать предпочтение, скажем, С. Н. Лысенковой или В. Ф. Шаталову?

Судя по замыслу организаторов конкурса, такие учителя-новаторы вообще не подойдут, потому что они учителя года прошедшего. Редакция предлагает искать достойнейшего среди молодых учителей, «со стажем работы, как правило, не менее двух лет», то есть из тех, которые стоят еще на пороге овладения профессией.

Устроители конкурса и сами толком не знают, каковы должны быть критерии оценки, чтобы определить победителя. Поэтому взывают к помощи читателей. Обращается газета и за поддержкой к высоким инстанциям — к Госкомитету СССР по народному образованию, ЦК ВЛКСМ, Советскому фонду культуры... Ищут даже спонсоров.

По здравому размышлению следует срочно распустить созданный сгоряча оргкомитет, отказаться от идеи, ничего общего не имеющей с проблемой воспитания учителя, действительно «с собственноручной, профессиональной позицией, носителя интеллектуальной духовной культуры». Только относятся эти слова не к одной личности, которую собираются выбрать и выделить, а ко всему учительству.

Дм. БРУДНЫЙ,
отличник народного
просвещения РСФСР
и Киргизской ССР

По достоинству оценив шаг Министерства обороны — студенты дневных вузов получили отсрочку от призыва в армию, — мы призываем сделать еще полшага: отпустить студентов, отслуживших в армии один год. Это никак не скажется на боеспособности армии. А как выиграют народное хозяйство и наука! Так хочется, чтобы в армии шла настоящая перестройка.

Наш сын успешно окончил два курса мединститута и служит землекопом в стройбате. Армия, как нам кажется, нисколько не пострадает от отсутствия такого «специалиста».

СЕМЬЯ ПОПОВЫХ
Ташкент

Во всех случаях возникновения СПИДа обвиняют лишь практических сестер и врачей, их снимают с работы, привлекают к уголовной ответственности. Мы не исключаем случаев недобросовестного отношения, но когда конструкция иглы для инъекций такова, что очистить ее от крови на сто процентов невозможно, когда красная пористая резина систем переливания «не хочет» отмываться от крови, — как соблюсти стерилизацию?! Изданный Министерством здравоохранения СССР отраслевой стандарт о стерилизации и дезинфекции изделий медицинского назначения не отвечает на многие вопросы практической медицины.

Мы считаем, что пора прекратить обвинять во всех грехах только практических врачей и сестер, начать наконец-то наказывать организаторов нашего здравоохранения, приведших нашу медицину в плачевное состояние, но сумевших защитить себя многочисленными инструкциями по стерилизации многократных шприцев, игл, систем.

В. МЕЛЬНИК, В. МАНЮК,
В. ЧАСОВСКИХ
(медработники)
(ВСЕГО 80 ПОДПИСЕЙ)
Калинин

Обращаемся к совместным фирмам, государственным предприятиям и кооперативам, занимающимся внешнеэкономической деятельностью, — часть валютной прибыли вы можете перечислять на счет «АнтиСПИД».

Обращаемся к соотечественникам, ныне проживающим за рубежом, а также ко всем людям, сочувствующим и разделяющим нашу тревогу, к религиозным и светским организациям — вы можете перечислять деньги на счет «АнтиСПИД».

Сообщаем, что в ответ на предложение журнала уже выразили желание сделать пожертвования Д. Лихачев, Р. Щедрин, А. Вознесенский, Е. Евтушенко, Г. Каспаров, Д. Гранин, Р. Паулс, А. Рыбаков, Б. Окуджава, Т. Толстая, А. Синявский, В. Войнович, В. Спиваков, А. Сахаров, Б. Ельцин.

«Огонек» выражает признательность им и всем будущим вкладчикам счета «АнтиСПИД».

Буквально в первые часы после выхода в свет 26-го номера журнала со статьей «Лучше не думать?» в редакцию начали поступать предложения иностранных фирм и совместных предприятий о немедленном начале сотрудничества. Они выражают готовность вступить в дело и поставлять как необходимое оборудование, так и сами одноразовые медицинские изделия.

Все ждали, что Главком ВМФ даст самокритичный, аргументированный ответ. Однако его интервью в «Красной звезде» и на телевидении свелось к оправданию нераспорядительности, медлительности. Наконец, это недостойные нападки на публикацию в «Огоньке» за ошибочный подсчет времени прибытия норвежского спасательного судна к месту аварии. Хотя в той ситуации для погибавших моряков было не важно, кто первым пришел на помощь: мы или норвежцы.

Лодка агонизировала 6 часов и затонула в 17.08. Советские спасатели подошли через 7 часов после аварии, когда люди находились в воде уже час. Семьи погибших подводников и весь мир хотят убедить в том, что норвежские спасатели, будь они немедленно оповещены об аварии, не сумели бы выиграть этот роковой час.

Автор публикации, не вдаваясь в технические детали (это не его дело), поставил лишь вопрос о гибели людей. Я же, как специалист, ставлю вопрос значительно шире.

Статья В. Юнисова в «Огоньке» о гибели советской подводной лодки вызвала странную реакцию у руководства ВМФ.

Мы, нижеподписавшиеся, считаем, что интервью, данное главнокомандующим ВМФ СССР корреспонденту «Красной звезды» (13 мая 1989 г.) в ответ на статью в «Огоньке», а затем и в выступлении по телевидению, в котором автор «Огонька» обвиняется в некомпетентности, субъективности и прочих «грехах», не что иное, как отголосок вчерашнего дня.

Перед тем как сдать свою статью в «Огонек», журналист проконсультировался с рядом специалистов в ВМФ, в том числе и с бывшими командирами подводных лодок, и юристами-международниками, и внес необходимые и важные, на наш взгляд, поправки. Статья получилась честная, боевая, и к вопросам, о которых репортер упомянул вскользь, мы считаем, надо вернуться еще раз.

И в данном случае статья, продиктованная горечью и состраданием, ставит вопрос: «Почему погибли люди, если они могли не погибнуть? Кто вернет семьям их отцов, братьев и сыновей?»

Нужно ли искать «соринку» в работе журналиста (например, что он неправильно высчитал время прибытия иностранных спасательных кораблей), не замечая целые бревна, скажем, в глазах конструктора, нашей промышленности, готовивших подлодку к плаванию.

Ряд последовавших после катастрофы предельно объективных публикаций показал, что и на этот раз гибель подлодки закономерна, что и на этот раз не менее закономерно

Причин гибели подводников несколько.

Первая — совершенно неграмотная оценка чрезвычайной обстановки высшим командованием ВМФ.

«Начальную ситуацию на «Комсомолец» представить было нетрудно — так прозвучали, казалось бы, успокоительные слова Главкома. Затем: «Замыкание в силовой сети вызвало много мелких возгораний почти по всей лодке... Все это происходило с разном в несколько минут».

Разве нам мало гибели от пожара большого противолодочного корабля, когда от высокой температуры даже «закипал» соляр? Руководство ВМФ надеялось на русское авось: мол, если лодка всплыла, несколько часов держится на плаву, значит, не утонет, подождет своих спасателей.

Вторая причина — пренебрежение двусторонним советско-норвежским соглашением, а также многосторонней Конвенцией 1974—1978 гг. об охране жизни человека на море. Для этого с подводной лодки нужна была подача сигнала «SOS!» (коман-

диру это запрещено), но этот сигнал своевременно должен был подать по радио штаб Северного флота в АСС Норвегии. Но этот механизм не был запущен в действие. Почему? Секретность лодки и ее действий? А может, боязнь захвата натовцами аварийной лодки? Или возможность разглашения военной тайны спасенными моряками? Но даже мысли об этом кошмарны. Подводники умирали со словами святой для всех нас песни «Варяг». Да и при чем здесь Норвегия. Стоило ли и говорить, что они не успели бы. Вот если бы не успели, тогда другой разговор.

И, наконец, причина третья — безобразное состояние спасательных средств, а порой и полное их отсутствие. Советские самолеты сбрасывали плоты в... 300 метрах. А норвежцы говорят, что могли бы сбросить в 5 метрах. Но ведь танки-то сбрасывают на парашютах. Неужели же мы не способны сбросить самоходный катер, который намного легче танка? Или у нас нет таких катеров?

И самое удивительное то, что в на-

шей стране за все ЭТО никто не несет ответственности. Зато министр обороны Норвегии Ю. Й. Хольст подвергся критике в норвежском парламенте «за медлительность в действиях» во время аварии «Комсомолец». В то время как в нашей печати не было ни одного слова о том, что руководителей ВМФ критиковал Верховный Совет. У НИХ за провалы и гибель людей чиновники добровольно уходят с занимаемых постов, У НАС как ни в чем не бывало продолжают сидеть в своих креслах...

Более того, советскому народу даже не было сообщено о гибели в 70-х годах нашей ракетной дизельной подводной лодки в Тихом океане, которую впоследствии американцы подняли с глубины порядка 5000 метров. Останки советских моряков они похоронили с воинскими почестями. А знают ли семьи погибших место захоронения своих отцов, мужей и сыновей? Кому-нибудь из них было разрешено побывать на могиле родного человека? Почему не опубликованы списки погибших героев?

Какую помощь получают семьи погибших? Почему нельзя обратиться к президенту США с просьбой вернуть их прах на Родину, чтобы можно было бы поклониться им и положить цветы к памятнику? Горько нам — подводникам — говорить об этом, но нужно, чтобы не было повторений подобных трагедий.

Мы были бы непоследовательными, если бы не сделали однозначного вывода: СПАСТИ ВСЕХ ЛЮДЕЙ МОЖНО БЫЛО! Причина их гибели — медлительность, неграмотные действия и нерешительность в экстремальных условиях высшего командования ВМФ, пренебрежение международным механизмом спасания. Я настаиваю на создании специальной независимой от ВМФ комиссии Верховного Совета СССР нового состава для расследования причин гибели людей.

Г. МЕЛКОВ,
капитан II ранга запаса,
юрист-международник, кандидат
юридических наук,
бывший командир подлодки

ЗАТОНУЛА СОВЕТСКАЯ АТОМНАЯ ПОДВОДНАЯ ЛОДКА, ПОГИБЛИ ОТ ПЕРЕОХЛАЖДЕНИЯ ЛЮДИ, УЖЕ ВЫШЕДШИЕ ИЗ АВАРИЙНОЙ ЛОДКИ ИЛИ, КАК ГОВОРЯТ ПОДВОДНИКИ, «РОДИВШИЕСЯ ВТОРОЙ РАЗ». СТРАНА И ВЕСЬ МИР СМОТРЕЛИ ПЕРЕДАЧУ В ПРОГРАММЕ «СЛУЖУ СОВЕТСКОМУ СОЮЗУ», ПРОЧИТАЛИ МНОГОЧИСЛЕННЫЕ СТАТЬИ И ИНТЕРВЬЮ ОБ ЭТОЙ ТРАГЕДИИ.

OS, КОТОРОГО НЕ БЫЛО

погибли люди. Много, очень много сделано нашей наукой, промышленностью вкуче с покладистым руководством ВМФ застойных лет, чтобы атомные подводные лодки горели, взрывались, тонули.

21 мая сего года по телевидению показали блок «Шаттла», где предположительно поставлено несколько некачественных болтов. Если это подтвердится, комментировал диктор, то непосредственные виновники получат по 170 лет тюрьмы, а соответствующая фирма заплатит сотни миллионов долларов штрафов. Это совершенно нормальная постановка дела.

А ведь таких «болтов» тысячи на каждой нашей подлодке. Спросите у любого офицера-подводника, уже не обремененного страхом за выдуманную объективную оценку состояния дел в ВМФ, он ответит, что порой можно подумать, что лодки строятся не для того, чтобы защищать Родину, а для того, чтобы всего несколько десятков человек от флота, промышленности и науки наконец-то увесили себя «Героями» и другими высокими наградами.

«Наши сукины сыны» — так на флоте называют тех, кто загубил на флоте все, что можно было загубить, но ни за что до сих пор так и не ответил. Зачем же обижаться на догадливость и пытливость журналиста и уводить таким образом суть дела в сторону?

Мы, напротив, считаем, что В. Юнсов, опубликовав в «Огоньке» свои соображения, чересчур мягко и лояльно поднял вопрос о возможном подъеме лодки. Ни у нас, ни в других странах нет сил и средств, чтобы

поднять со дна океана АПЛ, которая весит не одну тонну. Вопрос в другом: нужно ли вообще поднимать АПЛ? Если б мы даже и подняли этот радиоактивный хлам, то рассмешили бы весь мир. Потому что эти деньги надо затратить на другое: на то, чтобы лодки не горели и не тонули в мирное время, чтобы подводники не шли в огонь и в ледяную воду без надежды на спасение.

В связи с этим повторим вопрос, поставленный журналистом и вызвавший такое раздражение у тех, кто должен ответить за гибель лодки: надо или нет командирам кораблей давать сигнал «SOS!»?

Итак, в 11.14 7 апреля АПЛ «Комсомолец» всплыла аварийно, подняла перископ и антенну связи. Передавай «SOS!». К 11.20 он был бы уже повторен многократно. И тогда гидрографическое судно «Колгуев» было бы у борта АПЛ через 4 часа 43 минуты, то есть в 16 часов 13 минут! Погибшие подводники — на совести «запрета-убийцы».

Решительно просим Главкома ВМФ В. Чернавина личной властью отменить этот запрет! Мы опросили 47 командиров атомных подводных лодок: надо или не надо отменить запрет на «SOS!». 46 — за безусловную отмену.

Ставим вопрос не менее важный: можно ли оставлять отсеки АПЛ в море на принципе периодических осмотров? Подобное обслуживание отсеков и отдельных помещений решительно ничем и никем не обеспечено: ни конструкцией АПЛ, ни качеством строительства лодок, ни надежностью технических средств, ни автоматизацией на судне, ни уровнем

пожаробезопасности. Ничего, кроме волонтеризма и махровой безграмотности, в принятии окончательного решения по этому вопросу нет. Еще в 60-х годах, когда начали вступать в строй АПЛ 2-го поколения, флоту пытались навязать периодическое обслуживание помещений АПЛ. Тогда командиры решительно отвергли такую экономию численности личного состава. Штат АПЛ был увеличен в среднем на 15 процентов, тех самых, что потом предотвратят сотни серьезных аварий и, вероятно, ряд катастроф.

Это ли не парадокс — оставлять весьма пожароопасный кормовой отсек «Комсомолец» на периодическом осмотре? А ведь это один из трех отсеков живучести на подводной лодке. Там — резервное управление рулями, многочисленное электрооборудование корабля и несколько тонн топлива, масла, гидравлика...

Да конца нет того, что должно, вне всяких сомнений, постоянно контролироваться человеком в отсеке АПЛ для немедленной локализации любой аварии. Конечно же, необходимо вновь обеспечить все отсеки и этажи АПЛ постоянной вахтой, как это было предусмотрено на предыдущих поколениях подводных лодок.

Можно ли представить себе многомесячное подводное плавание, когда едва ли не ежедневно то что-то вспыхнет, то прорвется. Это уже не поход — сумасшедший дом. Вот такие нам, подводникам, строят АПЛ.

Не потому ли, что Главное управление кораблестроения длительное время возглавлялось далекими от флота людьми?

Зачем искать технические ошибки

в статьях журналистов? Может, журналисты виноваты в катастрофах? Может быть, это они конструируют, строят и принимают такие атомные подлодки?

Можно ли мириться с тем, что подводная лодка продолжает быть опасной для своего личного состава? Хочется верить, что народный депутат СССР В. Чернавин доложит Верховному Совету весь перечень того, что загублено на флоте. И если у него возникнет трудность в составлении столь мучительного перечня, то его можно взять из соответствующих наших докладов, представленных в Политбюро ЦК КПСС.

Что и говорить, трудное наследство досталось нынешнему Главнокомандующему ВМФ Владимиру Николаевичу Чернавину. Но стоит ли искать несущественные соринки в публикации «Огонька», в то время как горят, взрываются и тонут подводные лодки с лучшим запасом плавучести в мире (четыре только за последнее десятилетие). Почему, хотелось бы знать, и эта подводная лодка принята от промышленности с серьезными замечаниями и включена в боевой (!) состав флота?..

Ответа на этот и другие вопросы ждет народ от Правительственной комиссии — ждет с надеждой на то, что хотя бы на этот раз будет сказана вся правда и будет наконец сполна спрошено с конкретных виновников за конкретные «недокрученные болты».

А. ГОРБАЧЕВ,
капитан I ранга запаса,
И. КОЛТОН,
капитан I ранга запаса,
кандидат технических наук

Я ИСПОВЕДУЮ СОЦИАЛИЗМ.
И КОГДА СЛЫШУ ВОПРОСЫ ТОЛКА —
НЕ КАПИТАЛИСТ ЛИ ФЕДОРОВ? —
ЧЕТКО ОТВЕЧАЮ: «НЕТ».
И Я ТЕОРИЮ МАРКСА ПРЕТВОРЮ В ДЕЛО,
СОЗДАВАЯ ТОВАРИЩЕСКИЙ КОЛЛЕКТИВ.
ПРОВОДЯ ОПЕРАЦИЙ БОЛЬШЕ, ЧЕМ АМЕРИКАНЦЫ.
Я ДОКАЗЫВАЮ, ЧТО МАРКС ПРАВ:
ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ ОПРЕДЕЛЯЮТСЯ
ПРИНЦИПАМИ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ИЛИ
ПРИСВОЕНИЯ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ.

НЕ БЫТЬ НАХЛЕБНИКОМ!

Святослав ФЕДОРОВ,
профессор,
народный депутат СССР

Прежде чем стать врачом, я долго размышлял: стоит ли идти в медицину, в которой не существует четких критериев. Лучше или хуже чувствует себя больной, покраснел — побледнел. Расплывчатые определения хотелось выражать цифрами, а ими медицина почти не оперировала. А, как известно, где нет цифр, нет математики — там нет науки. Но сейчас хотелось бы мне говорить не о прекрасной логике математики, которой восхищаюсь, не о соседствующих с ней научной и социальной логиках, а о простой арифметике — заурядном умении считать. Неумение вести счет не только недостаток большинства людей, а тем паче руководителей, но и бич нашего хозяйства и всей экономики.

Цель нашего МНТК «Микрохирургия глаза» создать новые виды операций, а затем растиражировать их на самом высоком уровне по возможности шире, помочь большему кругу больных, обеспечив их при этом самой высокой по качеству и сервису медицинской помощью, которая только существует на этот момент в мире.

Сейчас уже действуют девять филиалов МНТК. Каждый филиал представляет собой огромную клинику, по оснащенности напоминающую космический корабль, а по уюту соответствующую уровню отелей неплохого класса. А недавно у нас появилось морское судно — плавучая глазная операционная.

Операции дадут «Флоксу» — совместному предприятию Советского коммерческого флота и МНТК «Микрохирургия глаза» — 10 миллионов долларов при работе за рубежом и на внутренних линиях до миллиона советских рублей. Если исключить расходы, то чистый доход составит около трети суммы. Из этих денег по утвержденным советским законам МНТК имеет право выдать в виде заработной платы сотрудникам 32 процента. Таким образом, заработок получается достаточно большой, и если сейчас весь корабль получает заработную плату 317 тысяч в год, то, как мы подсчитали с капитаном, даже при работе не на полную мощность, а в стадии обкатки сумма для выплаты составит 675 тысяч рублей. Каждый сотрудник коллектива сможет иметь среднюю зарплату в месяц около 700 рублей. Капитан — 1500—1800 рублей, работники самой низшей квалификации — 350—400 рублей. А чтобы этого достичь, нужно сделать корабль постоянно работающей глазной клиникой, лечащей больных 300 или даже 320 дней в году. Тогда и государству мы будем давать неплохие деньги.

Но чтобы хорошие заработки распространились и на команду судна, она должна стать членом «Флокса», а не Одесского пароходства, иначе оно будет кормить моряков по своим законам — по тарифным ставкам, придуманным Сталиным в 1931 году. Объявив, что социализм — свободный труд

Фото Льва ШЕРСТЕННИКОВА

свободных людей, реально же создали несвободный труд несвободных людей: дали пайку хлеба, посадили на производственную и стали забирать все остальное. Но для того, чтобы провести такую политику в жизнь, нужно было отнять все орудия производства — корабли, землю, фабрики, заводы. Забрать все, а взамен посадить кучу надсмотрщиков, которые бы палкой и призывами понуждали к труду. Если же вместо подрастерстки — налог, и справедливый налог, — тогда каждый стремится произвести продукта больше, чтоб и налог отдать, и самому окануться в большем выигрыше. По этой системе живет весь мир, кроме Советского Союза...

Мне хотелось бы немного рассказать об аренде, на которую перешел МНТК, откупив себе у государства право жить по своему разумению. Из всей выручки, полученной за лечение больных, от выполнения госзаказа и работ по прямым договорам с предприятиями и организациями, мы вносим арендную плату, оплачиваем расходы на больных, труд работников, а оставшиеся средства направляем в свои фонды. Образно говоря, наполняем четыре корзины. Деньги из первой корзины предназначаются на развитие технологии и восстановление института. Сейчас там лежит 2,7 миллиона рублей. Вторая корзина — 2,5 миллиона — идет на строительство квартир для сотрудников, на пионерский лагерь. Сейчас собираемся строить двадцатипятиэтажный дом, с тем чтобы всем, кто работает, дать хорошую квартиру. Все квартиры будут трех- и четырехкомнатные, с огромными холлами, с нормальной сантехникой и всем прочим необходимым. В этой

корзине средства на социальное развитие.

Но более интересна третья корзина, где собираются деньги на так называемую социальную защиту. Ведь человек должен быть уверен в предприятии, на котором работает, уверен, что во всех бедах, в трудных случаях жизни оно его защитит. Из этой корзины мы платим женщинам, которые рожают. С рождения ребенка и до полутора лет его возраста матери получают по 150 рублей ежемесячно. Теперь они спокойно могут сидеть дома, воспитывать ребенка, растить его здоровым и сами не разрываться на части между ребенком и работой. Если кто-то из сотрудников серьезно заболевает и болеет больше двух недель, то за каждый день его болезни мы добавляем к больничному листу, который он получает от профсоюзов, по 5 рублей, или 150 рублей в месяц. Если же сотрудник уходит на пенсию, то за каждый проработанный у нас год он получает 10 рублей от МНТК дополнительно к своей основной пенсии. Если проработал 10 лет, будет ежемесячно до самой смерти дополнительно получать в месяц 100 рублей, если 20—200 рублей. Недавно у нас ушла на пенсию санитарка Александра Григорьевна Бондаренко. И хотя она ушла раньше, чем мы собрали эту корзину, трудовым коллективом мы ей выделили пособие, и сейчас она получает от нас ежемесячно 60 рублей, да к тому же ей идет и государственная пенсия 56 рублей. Таким образом, человек не боится необеспеченной старости.

Десять рублей — это мы приплачиваем сегодня, по сегодняшним деньгам. А если завтра наступит инфляция, то мы будем давать 11 рублей, если ин-

фляция пойдет дальше, то соответственно будем давать больше, с тем чтобы сохранить нормальный жизненный уровень.

И последняя — четвертая корзина. В нее мы кладем 15 процентов от нашей прибыли в так называемый фонд долевого участия. Поясню. Фонд создан, чтобы всех сотрудников независимо от должности и положения сделать заинтересованными в прибыли, чтобы никто ничего не крал, не расходовал без пользы, и раз в полгода раздаем из него как бы дивиденды. За прошлый год каждый сотрудник из этой корзины получил по 1652 рубля, дополнительно к зарплате, по 6 рублей в день. А всего в нашем коллективе — 1300 человек, так что общая сумма оказалась около 2 миллионов рублей.

За минувшее полугодие дивиденды составили рублей по 900 каждому. Это деньги за бережливость, за хозяйское отношение к имуществу. Результат — налицо, в институте сейчас резко сократились расходы и на электричество, и на ремонты.

Но главное наше достижение, считаем, в том, что арендованную собственностью мы сделали наследственной. Министерство нам разрешило, чтобы арендный сертификат, за который каждый заплатил по 520 рублей, по желанию владельца мог быть передан дочери, сыну или внуку, какой бы специальностью он ни обладал. По этому сертификату коллектив обязан принять его на работу, если у него окажется специальность, необходимая для коллектива. А так как наш коллектив огромен и вместе с филиалами уже сейчас включает 5,5 тысячи человек с различными специальностями: от библиотечкаря до программиста, от тракториста до нянечки, — то практически каждому молодому человеку — сыну или внуку ушедшего на пенсию от нас сотрудника — мы сможем дать работу. Причем работу интересную, творческую, которая к тому же благодаря средствам вот в этих четырех корзинах защитит его от любых невзгод.

Всем стало выгодно работать интенсивно. Когда мы только включились в хозрасчет, то оперировали 21 тысячу больных в год и думали, что больше нельзя. Уже в то время в мире не было клиники, работавшей с нами хотя бы соизмеримо по интенсивности. Лишь в одной из американских клиник делалось 9,5 тысячи операций (против нашей 21 тысячи!). Но когда мы стали считать деньги и стремиться, чтобы наши 32 процента стали больше, то резервы нашлись, и совсем немалые. В прошлом году мы сделали уже 63 тысячи операций, а в этом планируем выйти на уровень 72—73 тысяч, хотя количество и врачей, и медицинских сестер остается то же самое.

Оказывается, в нас, в советских людях, заложен огромный потенциал, мы работаем лишь в одну четвертую своих возможностей.

Сейчас производительность труда в нашем институте в 7,5 раза выше, чем в других глазных клиниках Союза. Значит, там просто ленятся? Нет, не позтому. Просто, когда за труд не платят, — зачем же трудиться? Труд без оплаты — бесполезный труд, унижающий

человека. Поэтому мы ввели такое правило, и нас поддержали и партийная, и профсоюзная организации. Это неотвратимость награждения труда. Сюда могут входить самые неожиданные ситуации. Был случай: сотрудник остановил грабителя. Часть стоимости спасенного имущества выдали задержавшему. Если кто-то придумал новый метод или отремонтировал аппаратуру, которую никто не мог отремонтировать и мы бы теряли 5—10 тысяч долларов (потому что оборудование импортное), мы тут же отдаем ему не меньше 10 процентов от сэкономленных денег. Инициатива, стремление что-то улучшить, усовершенствовать, придумать должны быть не наказуемы, а вознаграждаемы. Работа тогда становится по-настоящему и интересной, и творческой, и выгодной.

Люди не должны бояться чужих заработков; не завидовать им, а самим проявлять инициативу, расторопность, сообразительность. Например, есть у нас прекрасный автобус «Скания», в котором оборудован отличный операционный блок. Этот автобус ходит по всему Советскому Союзу с дальностью радиуса от точки 2500 километров. Больные обследуются в передвижной операционной, где при необходимости и оперируются. Хирурги зарабатывают за две недели поездки по 1800—1900 рублей, шоферы по 1500—1400 рублей, медсестры по 800—900 рублей. Каждый трудится по способностям, а получает по труду. Так от «утопического социализма» мы переходим к реальному.

На систему оплаты за конкретный выполненный труд мы перешли 2,5 года назад. За это время сумели создать фонды экономического стимулирования. Но если деньги лежат в чулке, без пользы, то проку от них мало. Они должны обращаться, и чем больше деньги обращаются, тем больше добрых дел делают. Мы подумали, а не использовать ли нам свою систему в сельском хозяйстве. И попросили Московский областной комитет партии (и он нам не отказал) передать нам отделение совхоза, в котором имеется 800 коров и 1253 гектара земли. Работали в этом отделении 95 человек.

Как и в МНТК, в хозяйстве мы тоже ввели систему коллективного подряда, при которой за каждую функцию отвечает бригада. Если бригада выполняет все, что ей предназначено, она получает свою долю дохода.

И что же стало происходить? Полгода назад доярки от всех коров надаивали за день 4,5 тонны молока. Зарабатывали люди относительно небольшие деньги: доярка—250 рублей, тракторист—160 рублей, скотник—130 рублей. Государство в лице совхоза давало крестьянину 18 копеек с рубля прибыли. Мы рассчитали и сказали: будем с рубля давать 42 копейки, то есть 42 процента от прибыли. Опять начинается счет—простая арифметика. Государство за литр молока платит 40 копеек. 22 копейки с этого литра берем мы, администрация, чтобы покупать новую технику и на прочие расходы, а 18 отдаем тем, кто добывает молоко. Крестьяне эти 18 копеек перераспределили между собой так, как сочли нужным. В дележку администрация не вмешивается. В итоге решили: доярка с литра получает 7,4 копейки, подвозчик коров—5 копеек, скотник—3 копейки, а руководитель, тот, кто организует все это дело,—2 копейки...

Систему свою мы начали применять со 2 января этого года. И оказалось, что ровно через два месяца удойность коров увеличилась на 62 процента, прошло еще два месяца—удой увеличился еще наполовину. Сейчас те же коровы дают около 10 с лишним тонн молока в день, и удойность все время растет.

Пока от хозяйства нам нет прибыли, но оно и не убыточно. Доярки, их у нас пять человек, получили зарплату по 1200 рублей за месяц, те, кто кормит коров,—950—1000 рублей, трактористы—по 600—700 рублей, руководите-

ли—900—1000 рублей. Некоторые думают, что мы уже полностью разложившаяся нация, которая не умеет работать, а может только пить водку, сачковать, бить морду друг другу и орать на площадях. Оказалось, что это совсем не так.

Существует мнение, что перестройку можно делать годами. Заблуждение! Человек устает ждать. Мы нашли возможность, чтобы за 5—8 месяцев работник смог накопить на машину, еще через такой же срок на хорошую мебель, на интересную поездку и так далее. Но работать для этого надо в 3—4 раза интенсивнее. Вот поэтому оплата порядка 32 процентов, которая у нас установлена, дает возможность реализовать задуманное в нормальные сроки.

Но, может, то, что выгодно людям, невыгодно государству?

Вернемся к нашему сельскому отделению. Во-первых, оно стало давать в два раза больше молока. Раньше директор совхоза отдавал крестьянам в виде зарплаты 9,5 тысячи рублей в месяц, а себе совхоз забирали 39 тысяч. Мы отдаем сейчас крестьянам 52 тысячи рублей, а получаем с них 68 тысяч. Что больше: 39 или 68 тысяч? Коровы накормлены, молока вдоволь! Разумное распределение денег, разумная оплата труда, которая дает человеку распрямиться, обрести собственное достоинство, выгодно всем.

Когда в нашу мытищинскую деревню приехал секретарь горкома Климов, удивившись, спросил: «В чем дело? Еще месяц-два тому назад все было плохо, а теперь стало так хорошо?» Ваня Пузаткин, пастух и хохмач, прекрасно ответил: «Геннадий Николаевич! Просто нас стали считать за людей». Как просто открывается ларчик! Нас стали считать за людей!

Построили мы в деревне детский сад. Закупаем для него самую лучшую мебель. Будем каждому крестьянину за счет доли прибыли строить добротные дома, стоимостью каждый по пятьдесят тысяч, в 120—130 квадратных метров площадью, с гаражом на две машины и участком земли в полгектара. Ведем строительство огромного механического двора. Собственно, это не двор, а настоящий дворец. В одну его половину будет уходить на зиму вся техника, во второй расположатся теннисные корты, залы для занятия атлетикой, бильярд, бар, сауна, и в будущем там же начнем строить двадцатипятиметровый бассейн.

Уверен, многие москвичи будут проситься сюда на работу. Уже сейчас приехали несколько человек, дети живущих здесь крестьян. А ведь всего-то прошло полгода, а не пятилетка.

Все это делает четкая оплата по труду, когда человек знает: потолка в зарплате у него нет. Будешь работать в десять раз лучше—в десять раз больше будешь и получать, в двадцать раз лучше работать—в двадцать и получать! Сейчас наши доярки уже обошли по заработкам Михаила Сергеевича Горбачева. И я просто поражен, почему мы в стране к этой идее не пришли, хотя постоянно говорим об экономическом управлении государством.

Деньги, собственно, чепуха, это лишь инструмент, позволяющий людям трудиться и лучше жить. Голова у русских работает не хуже, чем у американцев. Подчас даже лучше. И настрой на работу может быть более мощным. Потому что рабочие в капиталистических странах—наемники. Хорошо оплачиваемые, но наемники. А если мы наемникам противопоставляем хозяев (хозяев!), то этим доказываем главное, что коллективное владение собственностью со справедливым распределением более рентабельно, чем частная собственность, которой владеет пусть даже гениальный менеджер, но с армией наемников.

У нас в МНТК нет тарифной ставки, каждый получает по труду. А ведь тарифная ставка—это основа и государ-

ственного капитализма, ибо всегда в этой пайке заложено, что большую ее часть кто-то забирает. Будь Федоров не социалистом, а капиталистом, он прибавил бы ставки, стал давать премии, платил бы не из расчета приносимой пользы, а от своих щедрот, создал бы систему наказаний за нарушения. Но все время исходил бы из одного принципа: недодать заработанное, что и делает наше государство, являясь монопольным владельцем всех средств производства.

Когда мы решили перейти на хозяйственный расчет, то первое желание ведомств было удавить идею на корню, сделать так, чтобы Федоров со своим коллективом сразу разорился и опять перешел на тарифные ставки. Если во всех клиниках Советского Союза лечение человека с катарактой или отслоившейся сетчатки стоит от 350 до 500 рублей, то нам установили норму лишь в 214 рублей. Причем в эту норму включили и средства на развитие науки.

Практически на лечение нам оставалось лишь 150—160 рублей.

Мы выдержали. И таким образом, за прошлый год, когда провели 122 тысячи операций, только за счет разницы в затратах на лечение сэкономили государству 7,5 миллиона рублей. Кроме того, количество осложнений после наших операций в 15 раз меньше, чем в других глазных клиниках Союза. Меньше и инвалидов. А за инвалидность государству нужно платить больному до самой смерти 50—70 рублей. На этом мы еще 3,5 миллиона рублей сэкономили государству.

Если мы много оперируем и оперируем хорошо, это дает основание Минздраву сокращать количество «глазных коек». И величина возможного сокращения—10 тысяч коек. Каждая из них обходится в 4 тысячи рублей в год. Таким образом, мы экономим государству еще 40 миллионов. И это все в то время, как мы стали потреблять в связи с ростом количества вылеченных больных лишь на 20 миллионов больше. Таким образом, мы необыкновенно выгодная и рентабельная организация для Советского Союза. Кроме того, мы еще выгодны и тем, что совершенно не берем у государства валюты.

Для того чтобы советская медицина могла существовать, за границей нужно покупать все: шприцы, иглы, медикаменты, микроскопы, инструменты. И все это мы покупаем за доллары, которые сами же и зарабатываем. Мы имеем два своих завода, себя обеспечиваем продукцией и на миллион долларов в год продаем ее за границу. Таким образом, и в этом отношении государство полностью избавлено от головной боли. Оно нам платит только за качественную работу и не имеет дополнительных проблем.

Надо ответить и на другой вопрос: не являемся ли мы, несмотря на всю приносимую нами экономию, непосильной нагрузкой малосильному нашему бюджету здравоохранения, не прогрызаем ли мы своей экспансией в нем дыры?

Бюджет на медицину по Союзу сейчас равен 21 миллиарду, года через два он достигнет 31 миллиарда рублей в год, что будет соответствовать принятым решениям. Достаточно ли этих денег, чтобы вылечить всех советских людей? Таких денег недостаточно для кустарного метода производства лечения, которым пользуется сейчас медицина, причем не только у нас, но и во всем мире. Американский бюджет на здравоохранение составляет 458 миллиардов долларов. Это считается приблизительно равным 350—370 миллиардам рублей. На офтальмологию в Союзе отводится 240 миллионов рублей. Американцы тратят на нее 2,5 миллиарда долларов. Считайте, во сколько раз больше...

Если наш МНТК полностью развернет свои мощности, то бюджет будет составлять 100—110 миллионов рублей в год. Но прооперируем на эти деньги мы те 500 тысяч больных, которые сего-

дня оперируются во всех других клиниках и обходятся сегодня в 240 миллионов рублей. Перелечив основную массу больных, мы даем возможность остальным глазным клиникам отлучить от хирургии, а на оставшиеся деньги заниматься диагностикой, профилактикой, которые стоят значительно дешевле, чем проведение операций. Ведь клиники тратят много денег именно потому, что технология у них низкого уровня, операции дают огромное количество осложнений, процесс выздоровления затягивается на три-четыре недели. И поэтому каждый больной стоит государству не менее 400—500 рублей. Метод же индустриализации медицины при своем чрезвычайно высоком качестве необычайно выгоден.

Наш метод можно отнести не к одной офтальмологии. А сколько страна тратит денег на такую обыденную операцию, как аппендицит? Один миллиард рублей! Каждая операция стоит 500 рублей, но в год их проводится 2 миллиона.

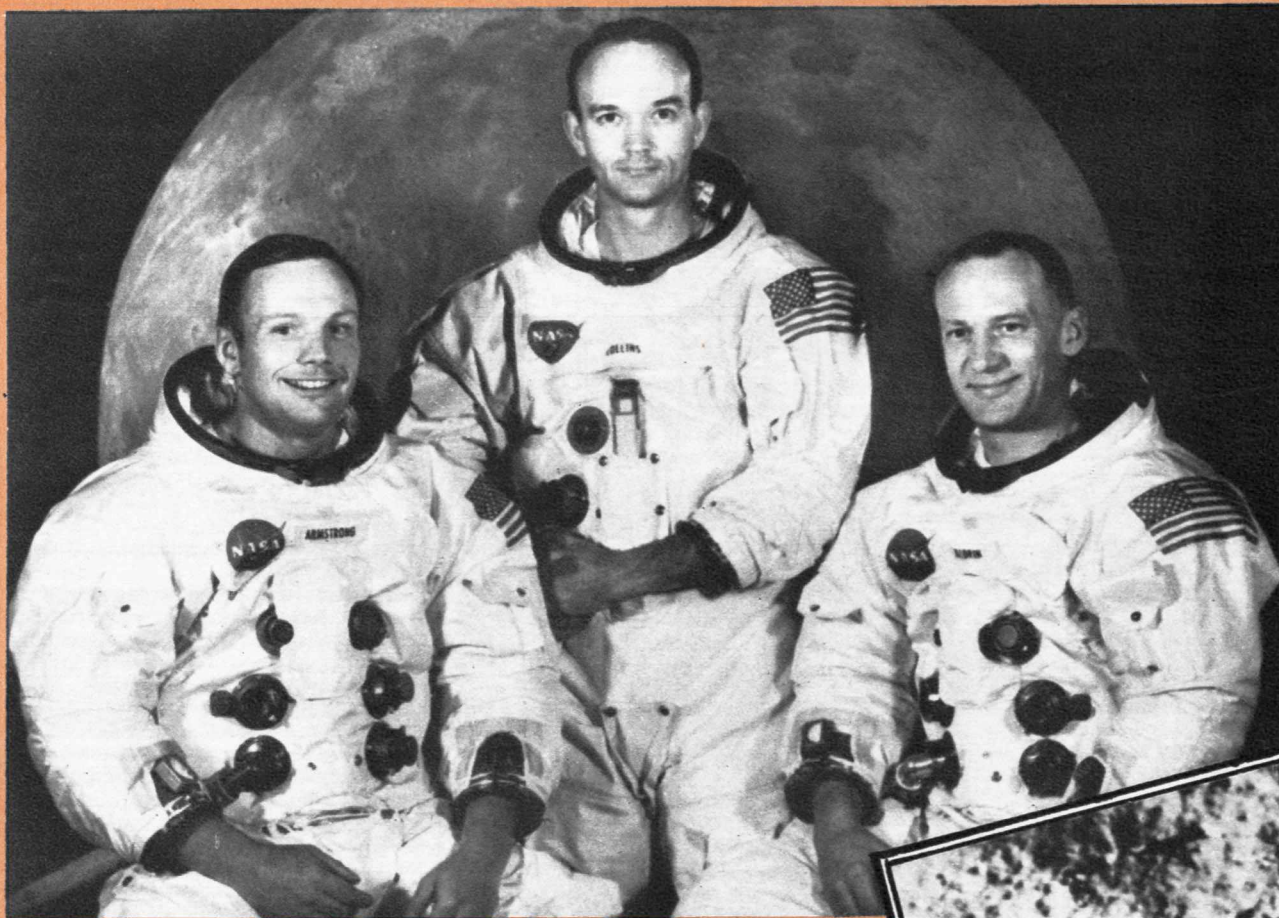
Необычайно дорогая сегодня и хирургия сердца. И опять же потому, что она абсолютно не индустриализована. Огромная клиника, в которой работают 200—300 человек, делает лишь 2—3 операции в день. 600 операций за двести рабочих дней, за год. Бюджет такой клиники, как правило, 6—8 миллионов. Каждый больной обходится государству в несколько тысяч рублей. Если бы здесь применялся метод, который мы используем, а именно—постатинность, когда главный хирург делал бы главную часть операции, находясь перед каждым больным не три часа, а тридцать минут, то два таких главных хирурга с командами смогли бы в день произвести 8—10 операций. Если другие области медицины перейдут на то же, что и мы делаем, то возросшая в пять раз эффективность, которая возникает при этом, даст возможность закупить экстра-класса оборудование и не вылезти из бюджетных средств.

Но в медицине—области чрезвычайно консервативной—мало кто хочет отказываться от системы «Один больной—один врач». Никто не хочет выходить из кустарного производства. При моей системе врач становится в какой-то мере частицей технологического процесса. И никоим образом не является магом и волшебником, а если хотите, и шаманом, который единственно сведущ в недомоганиях больного и является вершителем его судьбы. Кустарем быть выгодно не только в моральном плане. Можно сделать работу и похуже и просто плохо и тут же уйти от ответственности, сославшись на неизлечимость или особые сложности течения болезни. К тому же наши организаторы здравоохранения привыкли управлять именно кустарями. Да и организация технологического производства далеко не простая вещь.

Не меняя основных принципов в нашем здравоохранении, даже с несколькими возросшими бюджетными ассигнованиями, не суметь вылечить всех больных. При существующем уровне медицины на всех все равно денег не хватит. Министерство рассуждает примерно так: пусть будет вылечена половина больных, а для остальной половины создадим только видимость лечения, поскольку на них нет ни оборудования, ни лекарств, ни больничных мест. Этим и объясняются безумные очереди на операции, невозможность попасть в нужные больницы и так далее.

Да, половину больных мы обманываем, говоря, что лечим, не имея для этого нужных средств. Министерские чиновники не учитывают, что при индустриализации цена на операцию может быть снижена в два, а то и в два с половиной раза. И даже тех денег, которые сегодня есть, может и должно хватить на всех.

То, о чем я говорю сейчас, прорецируется не только на медицину, но и на любые отрасли экономики. Цифры все сразу ставят на место и показывают, кто чего стоит как руководитель.

Легендарное «трио» — экипаж «Аполлона-11»: Нейл Армстронг, Джеймс Коллинз и Эдвин Олдрин.

ПОЗДНО ВЕЧЕРОМ 21 ИЮЛЯ 1969 ГОДА ПО ЦЕНТРАЛЬНОМУ ТЕЛЕВИДЕНИЮ, ЕСЛИ МНЕ НЕ ИЗМЕНЯЕТ ПАМЯТЬ, ПОКАЗЫВАЛИ ПЕРЕДАЧУ «ПО СТРАНИЦАМ МУЗЫКАЛЬНЫХ СПЕКТАКЛЕЙ». В ЭТО ВРЕМЯ ВСЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО ЗАТАИВ ДЫХАНИЕ СЛЕДИЛО ЗА ПЕРВОЙ ВЫСАДКОЙ ЗЕМЛЯН НА ЛУНУ. МЫ ПРОЯВИЛИ ТОГДА НЕУВАЖЕНИЕ НЕ К АСТРОНАВТАМ, НЕ К СТРАНЕ, ИХ ПОСЛАВШЕЙ, А К СЕБЕ. НАШИ ЛЮДИ ЗНАЮТ ПРОГРАММУ «АПОЛЛОН» ПОНАСЛЫШКЕ, ВСЕГДА УДИВЛЯЮТСЯ, КОГДА ГОВОРИШЬ, ЧТО ПО ЛУНЕ ПУТЕШЕСТВОВАЛИ 12 ЗЕМЛЯН. ИСПРАВЛЯТЬ ОШИБКИ НИКОГДА НЕ ПОЗДНО. СЕГОДНЯ, ЧЕРЕЗ 20 ЛЕТ ПОСЛЕ ПЕРВЫХ ШАГОВ ПО ЛУНЕ, Я ХОЧУ РАССКАЗАТЬ ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ ПОЛЕТЕ «АПОЛЛОНА-11» И ЕГО ЭКИПАЖЕ.

СЛЕДЫ НА ЛУНЕ

ИЗ ИСТОРИИ
СОВРЕМЕННОСТИ

Ярослав
ГОЛОВАНОВ

В детстве Нейл и Баз любили верховую езду... на пони.

В один из первых дней января 1969 года Дик Слейтон, который формировал в Хьюстоне космические экипажи и назначал на полеты, сказал Нейлу Армстронгу, Эдвину Олдрину и Майклу Коллинзу:

— Ваш экипаж мы предложили для полета на Луну...

Нейл улыбнулся и промолчал. Молчаливый всегда, он, кажется, вообще лишился голоса в тот день. Даже не позвонил домой Жаннет.

Олдрин светился счастьем и не скрывал этого, Коллинз кричал, хлопал в ладоши и прыгал до самого потолка. «Я так боялся, что меня не выберут», — говорил он потом, вспоминая свою болезнь, которая помешала ему лететь на «Аполлоне-8».

Их радость можно понять: ведь большинство обозревателей утверждали, что на Луну полетят Чарльз Конрад, Ричард Гордон и Алан Бин. Называли и Бормана с Ловеллом. 9 января НАСА официально объявила состав первой лунной экспедиции.

Через несколько месяцев у нас в Звездном городке я спрашивал Фрэнка Бормана: «Почему именно они?» Вопрос ему не нравился. Он отвечал небрежно и раздраженно: «Очередь подошла...» Никакой очереди не было, но, удивительное дело, в американской прессе, нередко падкой на безапелляционный и нескромный комментарий как раз тогда, когда дело касается че-

повеческой личности, мне не удалось найти никаких объяснений именно такому назначению, хотя поверить в то, что экипаж этот выпал, как игральная кость, трудно. Столь ответственный выбор, когда чисто административный параграф вписывает человека в историю мира, всегда представляется случайным, и случайность эту при желании можно доказать без труда. Стремительные годы все дальше и дальше отодвигают от нас «Аполлон-11», и все яснее становится, что первый посол человечества на Луне оказался достоин этой высокой миссии. Нейл Армстронг, избежав бездны дьявольских соблазнов, не уронил чести и достоинства своей родины и всех нас, выдержав чудовищный гнет вселенской славы.

Этот стройный, спокойный, улыбающийся и застенчивый человек в молодые годы прославился рекордом среди любителей пива, что очень озадачило потом его биографов. Во всем остальном история жизни Нейла Армстронга довольно традиционна. Это типичный американец, помните, как писали у нас о Гагарине — «один из миллионов».

Он родился 5 августа 1930 года в скромной семье в более чем скромном городке Вапаконете (Огайо), который не на каждой карте найдешь и который знаменит только тем, что он там родился. Как и полагается «типичному американцу», в детстве Нейл был примерным бойскаутом и играл на трубе в самодеятельном оркестре. Как и полагается «типичному американцу», уже в семь лет он начал зарабатывать деньги, подстригая газон на городском кладбище. Потом поступил рассылным в аптеку. Деньги были очень нужны: он задумал летать.

Ему было всего два года, когда на аэродроме в Кливленде он увидел самолет. Это было потрясение. Подобные яркие впечатления бывают наверняка у каждого человека, потом они тушуются временем, забываются, а эта детская страсть горела в нем ровно и упрямо всю жизнь. Деньги, которые он зарабатывает в аптеке, он тратит в авиашколе: 9 долларов за час полета. Удовольствие пилота Нейл получил раньше шоферских прав.

Мама астронавта рассказывала, что комната его всегда была завалена книгами по авиации и рисунками самолетов. Потом, когда Армстронг уже стал Армстронгом, журналисты разыскали Якоба Зинта с его подозрительной трубой, в которую маленький Нейл так любил разглядывать Луну, и отвели душу на этой трубе.

Вот так рос этот славный, чистый провинциальный паренек, без особых талантов, но и небездарный, обладающий, к радости родителей, почти полным набором хрестоматийных добродетелей: не курит, редко и мало пьет, а если чем и отличается от других, то только скромностью и молчаливостью. Его жена рассказывает:

— Нейл — великий молчальник. Молчание — его обычный стиль беседы. Если он кивает головой или просто улыбается, это уже оживленная беседа. Если он говорит «да» — значит, беседа приняла бурный характер. Если же он говорит «нет», значит, что он ожесточенно спорит. Три года понадобилось ему, чтобы пригласить меня на первое свидание. Когда он сделал предложение, я сразу согласилась, ибо опасалась, что повторения этой фразы придется ждать еще несколько лет...

В Вапаконете старички вспоминали, какой скромный парень был их Нейл, никаких юношеских проказ за ним припомнить невозможно и даже за девушками не ухаживал, во всяком случае, пока не ушел в армию.

Он был совсем молоденький, худенький, когда привезли его в Корею и посадили в самолет... Потом в Калифорнии семь лет он работает летчиком-испытателем. Летает хорошо, умно, настолько хорошо, что ему доверяют драгоценный опытный экземпляр «сверхистребителя» «X-15», который мог подниматься

так высоко, что небо над головой было совсем черным.

Он жил тогда с Жаннет в уютном домике лесника у подножия горы Сан-Габриэль, и все летчики льюисского исследовательского центра пожимали плечами и недоумевали, что заставляло его забираться в такую глушь. Там он похоронил маленькую дочку и еще больше полюбил двух своих мальчишек. Ловил рыбу, слушал музыку, был как-то очень свободен внутренне и доволен жизнью. жажда славы никогда не преследовала его, и заявление, написанное в НАСА, было неожиданным для всех и для него самого тоже: вдруг захотелось попробовать.

Сначала Армстронг числился просто гражданским инструктором, потом стал тренироваться сам. Во время одной из тренировок он чудом остался жив, выбросившись из потерпевшего управление самолета. Все отмечали тогда удивительное хладнокровие Армстронга. Однако главный «космический» врач Чарльз Берри говорил о нем:

— Он только кажется бесстрастным. Чем ближе вы узнаете Нейла, тем лучше понимаете, какой это теплый человек...

В августе 1965 года Армстронг дублирует Гордона Купера, командира «Джемини-5», а в середине марта следующего года летит на «Джемини-8» вместе с Дэвидом Скоттом. Они впервые состыковались на пятом витке с непилируемой ракетой «Аджена», но еле сумели расцепиться. Корабль потерял управление, и Хьюстон дал команду на аварийную посадку. Скотт был особенно раздосадован, т. к. собирался выйти в открытый космос, а теперь прогулка отменялась. Эсминец «Леонард Мейсон» подобрал их через три часа после приводнения и доставил на Окинаву. Это была самая большая неудача программы «Джемини».

Через полгода он назначается дублером Фрэнка Бормана — тогда планировался облет Луны.

Еще до этого, в мае 1968 года, Армстронг попал в серьезную аварию во время работы на модели лунного модуля на базе ВВС Эллингтон. Утлая кабинка тренажера потеряла управление и начала падать. Нейл катапультировался в каких-нибудь 60—70 метрах от Земли, но все-таки парашют успел раскрыться, и спустя несколько минут он, по словам очевидцев, вернулся в ангар НАСА «явно в полном порядке, ходил вокруг и обсуждал этот инцидент». Тренажер стоимостью 2,5 миллиона долларов разбился в куски.

Вот этому человеку и сообщил Дональд Слейтон, что он будет первым землянином на Луне.

Высаживаться на Луну Армстронг должен был с Базом Олдрином. Имя Олдрин — Эдвин, но никто его так не звал. Прозвище Баз прилепилось к нему навсегда. Когда его сестра Фэй была совсем маленькая, она не выговаривала «базер» — «брат», говорила «базер», так и стал он Базом. Олдрин ровесник Армстронга, но в отряд астронавтов пришел позднее. Это был кадровый военный, более того — единственный сын кадрового военного полковника Эдвина Юджина Олдрин-первого.

Военная карьера Эдвина-второго была предначертана с младенчества. Воспитание суровое, спартанское, почти жестокое. Семь лет подряд он ездил каждое лето в специальный лагерь бойскаутов. «Это во многом сформировало мою личность», — говорит Олдрин. Вильям Филас, учитель математики, вспоминает: «Он великолепно учился, был честливым и иногда тщеславен». В 21 год уже окончил военное училище, потом — офицерскую школу авиационного университета, а потом защитил докторскую диссертацию по космонавтике в Массачусетском технологическом институте. Слыл в НАСА «ученым летчиком», даже прозвище у него было «доктор Рандеву». — «доктор Стыков-

ка», и действительно был очень грамотным специалистом, привлекался к разработкам программы «Джемини», но сам полетел лишь в последнем корабле этой серии вместе с ветераном Джеймсом Ловеллом. Более 5 часов работал в открытом космосе. Когда узнал о «лунном» назначении, сказал: «Надеюсь, у меня хватит адреналина в крови, чтобы выполнить эту миссию».

Они были очень разными людьми — два первых лунопроходца — Нейл Армстронг и Эдвин Олдрин. Говорят, так должно быть в хорошем космическом экипаже.

Баз был сложен атлетически, быстрый, ловкий, гимнаст, бегал на ходулях.

— У него лицо полицейского детектива, — сказал о нем друг юности.

Он и правда был немного похож на голливудского супермена. Любил аудиоторию, компанию, застолье, говорил точно, страстно и ярко, и сам был ярким, — пестрый пиджак, трубка в зубах, стакан в руке, перстни блестят. Носил три кольца: обручальное, масонского ордена и выпускника Вест-Пойнта. Для контраста Баз подчеркивал свою религиозность, был опекуном пресвитерианской церкви, говорил, что молился на Луне. Если Армстронг был стандартным американским «парнем», то Олдрин — стандартным «героем», разве что боялся воды: в детстве тонул и побороть в себе того ребячьего страха не мог.

Третий член экипажа — Майкл Коллинз также унаследовал военный мундир от отца, генерала и дипломата, и все его дяди и братья были людьми военными. Майкл родился в Риме, где отец в то время был военным атташе. В детские годы он много путешествует вместе с родителями. Любимчик семьи, может быть, потому, что был младшенький, чуть балованный, с ленцой, соня — последнее запомнилось всем, кто знал его в юные годы. В самодеятельном школьном журнале его попрекали «чарами Морфея», а атеистом он стал главным образом из-за того, что ненавидел церковную службу, которая начиналась в 6.30 утра.

Маленький, худенький, веселый, смешливый — при первом знакомстве его часто принимали за легкомысленного парня, а Коллинз был на самом деле человеком умным и серьезным, и хрупкое телосложение не мешало ему стать сильным и очень спортивным.

По окончании военного училища работает летчиком-испытателем на знаменитой базе ВВС Эдвардс, где служили многие американские астронавты. В нем ценили прямооту и откровенность, качества, обязательные для испытателя.

В отряд астронавтов он попал в марте 1963 года, а полетел летом 1966 года — вместе с Джоном Янгом на «Джемини-10». Он дважды выходил в открытый космос, подобрался к дрейфующей рядом с его кораблем ракете «Аджена», снял с нее анализатор микрометеорных частиц, работал уверенно и спокойно.

Один из его друзей так писал о нем: «Если бы в Хьюстоне был объявлен конкурс на всеобщего любимца, Коллинз обязательно победил бы и тихонько скрыл бы ото всех свою победу».

Его действительно отличает устойчивое отсутствие тщеславия. Сам Коллинз говорит:

— Существуют два типа людей: те, которые любят популярность, и те, которые предпочитают обходиться без нее. Я отношусь к последним...

Как видите, если искать аргументы январского назначения, один обнаруживается сразу: все трое имели опыт работы в космосе и выполнили эту работу хорошо. Теперь, перед новым стартом, они провели более 400 часов в корабле-тренажере и специальных макетах, имитирующих посадку на Луну. Около 40 процентов всего этого времени ушло на упражнения с бортовыми компьютерами, в технике управления которыми они достигли высокого совершенства.

Все шло гладко, но Томас Пейн, ставший в марте 1969 года директором НАСА, вновь и вновь призывал к осторожности.

— Мы не должны никогда забывать, что это крайне рискованное задание, — в сотый раз объяснял он журналистам. — Требования, предъявляемые к нашим астронавтам и оборудованию, очень высоки: люди направляются в такие места, где человек никогда не был прежде. Это неизбежно связано с риском. Мы приняли все возможные меры, чтобы свести его к минимуму, но мы не можем устранить его полностью...

Главной опасностью Пейн считал неисправность взлетной ступени лунного модуля. Действительно, в этом случае не было никакого, даже самого проблематичного, варианта спасения Армстронга и Олдрина.

— Главный корабль не сможет сесть, чтобы подобрать их, — объяснял Пейн. — Было бы весьма трудно послать «Аполлон-12» со спасательной миссией...

Мыс Кеннеди в июле 1969 года превратился в сущий Вавилон. НАСА пригласила на ожидаемый праздник множество конгрессменов, дипломатов, промышленников, банкиров, судей, священников. Около миллиона туристов приехали сами, не дожидаясь приглашения. В гостиницах и барах быстро подсчитали барыши — 5 миллионов долларов. Магазины были открыты всю ночь. У стойки пили аперитив «Старт», и, видно, пили много, поскольку табуретки оборудования привязаны ремнями. В окрестностях 75 миль не было ни одного места в гостиницах и мотелях. Спустили даже воду в бассейнах и поставили на дне кровати. Более 300 домовладельцев заработали хорошие деньги, сдавая комнаты по 20—25 долларов в день. Нужно было разместить 300 тысяч автомобилей и предусмотреть все, что может случиться при столь гигантском скоплении людей. В готовность привели тысячу лодок, 10 катеров, 30 санитарных машин, военный вертолет и тысячу полицейских. Известный психиатр доктор Б. Поднос свидетельствовал: «Даже и говорить не приходилось о возбуждении, — оно было в воздухе!»

В воздухе его поддерживали «профессиональные возбудители»: на мысе собралось три с половиной тысячи журналистов. Здесь была собрана газетная гвардия страны. В день старта «Нью-Йорк таймс», например, заняла материалы об «Аполлоне-11» более 100 колонок. Впервые в газете были опубликованы цветные фотографии.

Три «кита» американского телевидения: компании Эн-Би-Си, Эй-Би-Си и Си-Би-Эс, вложили каждая в рекламу полета по полтора миллиона долларов. Такого размаха даже Америка не знала. В качестве комментатора выступал экс-президент Л. Джонсон. Физик Гарольд Юри, Нобелевский лауреат, читал телелекцию. Астронавт Уолтер Ширра и писатель Артур Кларк вели на телеэкране дискуссию. «Король джаза» Дюк Эллингтон должен был занимать паузы, когда «Аполлон-11» будет уходить за Луну. Плюс к этому самые популярные комментаторы, любимцы страны. И каждый старался найти что-то свое в куче уже известных фактов, что-то предречь, на что-то намекнуть. Воистину сладкой костью, которую грызли и таскали с особым удовольствием, было сообщение о запуске советского космического автомата «Луна-15», писали о «роботеспернике», «космической дуэли», «бессонных кошмарах руководителей НАСА», которым якобы мерещились пробы лунного грунта на столе президента советской Академии наук.

Едва ли не самыми спокойными в этой предельно взвинченной атмосфере были сами астронавты. Покорно подчиняясь всем капризам жесткого карантина, они продолжали тренировки, перечитывали документацию, примери-

вались к скафандрам, терпели муки трех фундаментальных медицинских обследований — в общем, понимали: дело предстоит сложное, трудное — и готовились к нему серьезно.

Накануне старта они выступили на телевизионной пресс-конференции (журналистов не пустили. Они разместились в 15 милях от здания, где сидели астронавты). Отвечая на вопросы — их выбирали из трех тысяч присланных со всех концов страны, — Нейл Армстронг сказал:

— Страх не является для нас значимым чувством, но мы, в сущности, не испытываем страха перед этой экспедицией...

Им действительно было не до страха, было нечто поважнее страха.

Утром ясного, чистого дня 16 июля 1969 года «Аполлон-11» вышел на орбиту.

Время старта было выбрано баллистиками с таким расчетом, чтобы в тот момент, когда лунная кабина будет заходить на посадку, Море Спокойствия на Луне освещалось бы косыми лучами Солнца. Это делало лунный пейзаж более контрастным и позволяло лучше разглядеть все валуны и ямки.

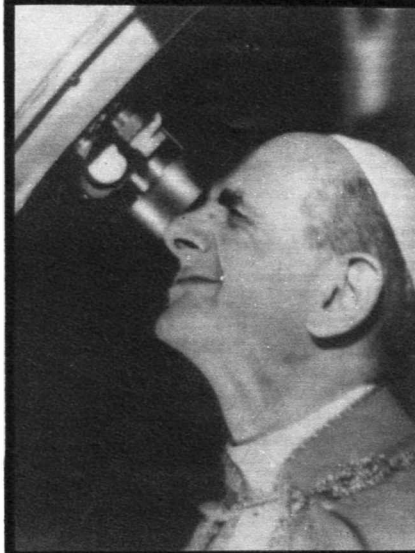
Совершив полтора витка вокруг пла-

•
Нейл Армстронг получил от Андрея Николаевича Туполева подарок.

•
Напряженно было тогда в Центре управления полетом...

•
Полет на Луну пробудил у Римского папы интерес к астрономии, к космонавтике.

неты, «Аполлон-11» ушел к Луне. Благополучное начало сняло первую волну напряжения с Центра управления. Сменные руководители отмечали, что экипаж почти не ведет «внеслужебных» переговоров с Землей. Был обычный космический быт, если космический быт может быть обычным. Армстронг и Олдрин навестили лунную кабину и убедились, что там все в порядке. Коллинз занимался навигацией, советовался с Хьюстоном — нужны ли дополнительные коррекции орбиты, выяснилось, что одной вполне достаточно.

Вечером 19 июля «Аполлон-11» ушел за Луну и начал торможение, перехода на орбиту лунного спутника. Они не торопились: около суток кружили вокруг Луны, словно прицеливаясь. Впрочем, они действительно прицеливались, посылая в электронные мозги Хьюстона все данные о своем движении и получая в ответ цифры будущих маневров: когда и на сколько времени включать двигатель, чтобы выйти на почти круговую орбиту вокруг Луны. Здесь Нейл и Баз должны были попрощаться с Майклом. Перед тем, как за ними закрылся

люк стыковочного узла, Коллинз крепко пожал им руки и сказал просто:

— До свидания. Жду вас через 30 часов...

Я потом часто думал, читая отчеты о лунных экспедициях, нет ли определенной рисовки в этой простоте слов и отношений при обстоятельствах столь непростых, просто фантастических. Говорил об этом с советскими космонавтами. И в конце концов понял, что никакой рисовки, позы, нарочитости здесь нет. Для этого просто нет времени, а с другой стороны, в звездные минуты своей жизни на Земле ли, или в космосе, в жарком ли бою, или в большой работе люди становятся лучше, как-то яснее и проще, и без громких слов чувствуют истинную цену этих минут.

С другой стороны, я уверен, что настоящий космонавт должен уметь управлять еще лучше, чем кораблем космическим, капризным парусником собственных чувств и эмоций. Иначе он не сможет летать. Я часто думал о том, что должен был ощущать Майкл Коллинз, которого покинули его товарищи, уходя на смертельно опасную и трудную работу, один в корабле — вдруг таком просторном — в сотнях тысяч километров от дома? Каково ему было видеть нашу Землю величиной с подсолнух, смотреть, как заходит она за лунный горизонт, и на долгие минуты, оставшись с глазу на глаз с мертвым, мрачным миром, погружаться в полное безмолвие и ощущать одиночество невиданное, потому что в любой точке Земли, в любой час, другой человек, ну, скажем, хотя бы теоретически, может протянуть тебе руку, а там это сделать невозможно... Как нужно обуздать свое воображение, чтобы сказать очень просто: «До свидания. Жду вас через 30 часов»!

Они летели в 110 километрах от Луны, но рассматривать мрачные пейзажи мертвого мира, проплывающие в иллюминаторах, времени уже не было: начинался самый важный этап, приближалась кульминационная вершина многолетней программы.

Когда шли над невидимой с Земли стороной Луны, лунный модуль расстыковался с основным кораблем. Летели еще вместе, метрах в 15—20 друг от друга. Подчеркивая значимость полета, еще на Земле основной корабль окрестили «Колумбией», а лунную кабину «Орлом». Орел, сошедший с герба Соединенных Штатов, садился на лунные кратеры.

— На «Орле»! — весело кричал Коллинз, осмотрев лунную кабину в иллю-

минатор и убедившись, что никаких наружных дефектов нет. — Похоже, что вам достался отменный летательный аппарат, хотя вы и летаете на нем вниз головой...

— Это еще неизвестно, кто движется вниз головой, — в тон ему отвечал Армстронг.

Постепенно они расходились все дальше и дальше друг от друга. Золотой паучок на глазах Коллинза превращался в яркую звездочку в черном небе. А когда они снова облетали лунный «затылок», звездочка превратилась в крохотную комету: огненный хвостик тормозного двигателя показывал, что «Орел» пошел на посадку. Он летел «ногами вперед», стремительно снижаясь, можно даже сказать, падая, если бы это не было именно так запрограммировано. Нейлу и Базу казалось, что не они движутся, а лунные кратеры несутся прямо на них. Баз следил за работой ЭВМ, за показаниями приборов и успевал успокаивать Хьюстон: «Все идет отлично и куда легче, чем на тренировках...»

Когда высотомер показал 150 метров, Армстронг переключил управление с компьютера на себя. Он считал и говорил на пресс-конференциях, что именно этот момент: переключение управления с автоматического на ручное — был самым опасным. Он весь сжался, собрался предельно. Кабина слушалась его, это он почувствовал сразу. Раньше они скользили вниз по кривой, теперь опускались почти строго вертикально. Нейл видел: прямо под ними довольно большой, «с футбольное поле», как вспоминал он потом, кратер. Вал крутой, а вокруг много больших валунов и ям. «Если одна из ног «Орла» попадет на большой камень, кабина может перевернуться или встать так криво, что взлететь с Луны не удастся. Допустимый наклон кабины — 30 градусов...» Для того, чтобы понять это, Армстронгу потребовалось меньше времени, чем вам, чтобы прочесть эту фразу. Он заставил кабину зависнуть, как зависает вертолет, а потом снова заскользил, повел ее в сторону, отыскивая глазами ровную площадку внизу. В его распоряжении было около двух минут. Стрелка расходомера топлива приближалась к нулю, и он ощущал это всем своим существом, словно не топливо из «Орла», а его собственная кровь уходила из тела. Если в посадочной ступени кончится топливо до того момента, как щупы на «ногах» коснутся грунта, выход только один — сбросить посадочную ступень и включать подъем, иначе падение, верная гибель, ведь конструкция хрупкая, как елочная игрушка. Это были самые главные, самые трудные секунды в жизни Нейла Армстронга, секунды, ради которых он родился на белый свет.

Медицинский контроль в Хьюстоне зафиксировал пульс Нейла: 156 ударов в минуту вместо 77 по норме и 130 — у Базы. Там понимали, что напряжение достигло предела. Доклады Армстронга были отрывисты и коротки: нет времени на рассказы обо всех этих ямах и валунах. Нейл видел, что они летят уже буквально в нескольких метрах от Луны, видел, как струя двигателя поднимает под ними пыль. И пыль тоже была неземной. Она не поднималась клубами, а разлеталась радиально, плоским полупрозрачным облаком у самой поверхности. Сквозь пыльную плену Нейл различал валуны и ямки, вот наконец подходящая площадка, ровенькая, пустая... Горючего оставалось на 49 секунд полета. Садитесь! Щуп ткнулся в грунт, мгновенно отдавая команду на выключение двигателей. Четыре ноги лунной кабины встали бесшумно: на Луне, лишенной атмосферы, все происходит бесшумно. Они слушали тишину, замерев, и даже не было сил доложить Хьюстону, успокоить Майкла, друзей, родных, планету Земля.

Люди прилетели на Луну. Сбылась мечта очень дерзкая и очень древняя.

(Окончание следует)

Когда-то мы учились в одном классе и жили по соседству. Река была в десяти минутах бега, от фонтана с чугунными танцующими девушками к ней спускалась несколькими маршами пыльная лестница с фонарями. А вокзал был похож на человека в габардиновом пальто. В наш класс приходил с лекцией старик, который видел Ленина. Потом стали говорить, что он не видел Ленина, а только читал о нем. Но все равно, он все правильно рассказывал.

Мы росли в городе, у которого как бы не было имени.

Наш город переименовывали дважды, второй раз — уже на нашей памяти. Причины переименований были нам понятны. В самом начале, когда был еще городок-крепость, его называли попросту по реке, но потом оказалось, что в названии реки, а, следовательно, и в названии города укоренилось слово «царь». Когда с нашими новыми взглядами стало несовместимо и второе название и нельзя было допускать, чтобы при помощи города осталась память о Сталине, нельзя было также и возвращаться к царю, а к тому времени речка Царца вся высохла, исчезла где-то в трубопроводах. И так было придумано новое, молодое словообразование, применимое к любому городу на Волге... зная, как губится сегодня Волга, можно представить себе, что вдруг и безобидное и безвкусное название когда-нибудь станет крамольно напоминать то, чего нет в природе и чего не следует помнить.

Город должен был знать свою историю разрешенными к публикации фрагментами. А мы были его дети. Волгу перегородили, чтобы нам жилось хорошо, богато. Рыба в Волге пропала при нас.

Один из моих друзей стал астрономом, другой — архитектором, а третий...

Военный хирург, он обещал мне писать из Афганистана часто и написал шестьсот писем.

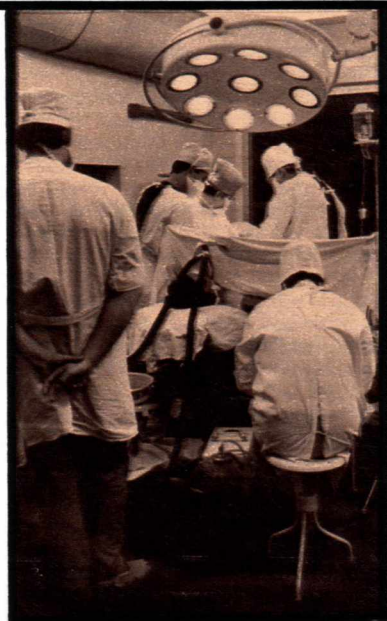
Теперь, читая эти чужие письма в том порядке, в каком их приносила Валентине почта (порядок часто нарушался), я вспоминаю наш город с названием, как у большого универмага, и неотвязно думаю о нем. Бесполезно было переименовывать! Ведь все равно написанные кровью имена и даты вслухают на лбах и в судьбах невинных поколений — не говорите мне, что зта война кончилась и, значит, нет на свете медицинской роты; той, где служил мой товарищ Виктор Кузнецов, в районе Кандагара, — и всех остальных.

Такие роты и медсанбаты называли «кровавыми», если хирургам в них было много работы. У моего друга было много работы.

Не о войне, которая кончилась, эти письма...

18.6.84. «Я считаю, что через год мы вновь увидимся. Хорошо об этом сказано у Экзюпери, — моряки, отправляясь в дальнее плавание, уже начинают приближать время встречи, хотя плывут от родного берега... За меня не беспокойся, со мной ничего не случится, ведь я же офицер».

22.6.84. «Вчера вечером прилетел в Кандагар. Город находится на краю большой пустыни, очень жарко — до +60°С, переносу неплотно. Сегодня с нами в течение шести часов без прерыва беседовало начальство, осталось недовольно медицинской ротой. Живем в общежитии, нас в комнате семь человек (счастливые число). Ребята хоро-

ВОЕНВРАЧА С ПОСЛЕДНЕЙ ВОЙНЫ

Фото
Павла КРИВЦОВА
и Бориса КУЗЬМИНА

шие, но работы серьезной здесь нет, всю серьезную патологию направляют в рядом стоящий госпиталь. Люди тут привыкли к ранениям и смертям. Вчера недосчитались двух офицеров, и восемь солдат ранены — обстреляли их колонну. ...Да, когда летели из Кабула, то поразило множество гор и почти отсутствие зелени. Мрачные серо-коричневые горы, дико — кажется, что жизнь здесь вообще невозможна».

24.6.84. «Наш старшина медроты сказал: ты, видно сразу, оптимист!.. Оптимизм и спокойствие — это очень-очень много значит здесь. Поэтому я бесконечно тебе благодарен».

Если встретишь хорошие стихи, напиши мне.

...Уже почти всех приучил к мысли, что я не пью, так что, думаю, два года пить вообще не буду — силы воли хватит. По вечерам занимаюсь с гирями немного, чтобы быть в форме».

25.6.84. «У меня все хорошо, все нормально».

21.6.84. «...назначили меня командиром приемно-сортировочного взвода в медроту в Кандагар. Конечно, о моем пребывании здесь не может быть и речи — все серьезнее, чем даже я думал в Ташкенте... Солнце тут очень яркое...»

29.6.84. «Вчера хотели измерить температуру у солдат, но все термометры показывали 42°С и выше. Это понятно, ведь температура воздуха выше 60°С. Вчера сделал себе вечером тройную дозу гамма-глобулина для профилактики гепатита, так как все врачи здесь уже переболели, а мне что-то не хочется».

2.7.84. «...Я сегодня дежурный врач, положил сегодня двоих, но это простые больные, раненные пока не поступают».

4.7.84. «Завтра начинаю оперировать сам в нашей операционной — кому-то надо начинать, возьму на себя смелость (прежде операции в медроту не делал. — Н. Ч.) — пойдем вдвоем со стоматологом Сухановым Иваном, из него помощник не очень, но ждать я больше не могу».

Сегодня ездил в госпиталь, знакомился с больными, — вчера к ним поступил солдат, наступил на мину, ему оторвало стопу и руку, вид очень неприятный, и это в 19 лет... из госпиталя решил идти пешком через селение афганцев, побеседовал с двумя мальчиками лет восьми и шести, удивительно, но они хорошо говорят по-русски.

...Очень понравились стихотворения, пиши их чаще. Цитаты из Омара Хай-

ма, особенно № 104 — как раз для Кандагара».

17.7.84. «...О пиве здесь только мечтают, я бы, наверное, с дрожью бы ел маленьких сухих рыбешек... но это все блажь».

27.7.84. «При работающем кондиционере днем в комнате +40°С, а на улице даже трудно сказать... Привезли 12 человек, очень интересные больные, работы прибавилось, и стало интересней. Вчера в своей комнате установил маленький рекорд — гирю в 16 кг поднял левой рукой 27 раз, правда, я не сказал, что я левша...»

13.7.84. «Вообще тяжело тут жить в том плане, что нет детей, их смеха, — правда, по дороге в госпиталь из машины видишь афганских ребят. Похожи на цыганят, черные, грязные, в широких штанах и рубашках длинных навыпуск».

11.7.84. «...в обед прилетела «вертушка» и привезла 3 раненых, один из них наступил на мину, двоих легкораненых я забрал к себе в медроту».

15.7.84. «Ездил сегодня на аэродром — привезли 6 раненых и два трупа. В этом году часть потеряла уже в десять раз больше солдат, чем офицеров».

16.7.84. «...поступило еще два раненых, легкие, пришлось повозиться в перевязочной с ними... В ДРА я почти месяц, осталось 700 дней».

18.7.84. «После обеда было много работы — поступило 6 раненых, 5 убито. Мы, врачи, видим самую неприглядную сторону войны... знаешь, я почему-то боялся, что здесь стану жестоким, циничным, но нет, слава богу и твоей любви. Посылаю тебе стихи Асадова, знаю, что ты любишь этого поэта»

21.7.84. «Сегодня было две операции. Почему-то очень ярко ощутил, как мы все стали спокойно относиться ко всему. Поступил раненый с ожогом, спрашиваю его, где это так, — а он спокойно так отвечает: «Да в броннике горел». Как будто об утюг обжегся. Или разговор в столовой: «Жаль парня». — «Сам виноват, погиб по дурацости». А может, это такая защитная реакция человека?! У нас в комнате шумно, как на вокзале...»

20.7.84. «Сегодня ездил в госпиталь, делал операцию по поводу ножевого ранения. Душман подошел сзади и, не говоря ни слова, стукнул ножом, хорошо парень немного ухнувшись, а удар должен был быть в сердце... вот такие тут коварные люди. Второй день дует «афганец»... ой, как жарко, голова почти не работает. Вчера читал краткую

биографию Асадова, оказывается, у него дед был вроде секретаря у Чернышевского.

...Безумно рад, что у нас будет малыш!»

22.7.84. «...Достоевский мне очень нравится, хотя читать его трудно и быстро читать нельзя — у него так много смысла в его произведениях. Достал «Записки из мертвого дома».

24.7.84. «Приехал вчера сосед по койке, ординатор-хирург Юра Елифанов, хороший парень, будем с ним бегать кроссы. Сам он из Астрахани».

26.7.84. «Зеленка» — это зеленая зона. Оттуда к нам поступает работа. Юра Елифанов нормальный парень, по утрам бегаем с ним кроссы, а по вечерам занимаемся гирей и штангой... когда приеду, буду носить тебя на руках в прямом смысле этого слова...»

28.7.84. «У нас появились арбузы, яблоки, виноград, скоро будут гранаты (фрукты, а такие у нас под тумбочкой)... Читаю А. Маршалла «Я умею прыгать через лужи».

31.7.84. «Дни похожи один на другой...»

1.8.84. «Прилетело молодое пополнение, проводили медкомиссию. Невольно возникла мысль: кто-то из них не вернется... Поступил интересный раненый: задел проволоку от прыгающей мины и получил всего-навсего осколочные ранения мягких тканей правой руки, это кажется невероятным, так как вчера одному ампутировали ногу и руки, и повреждения глаз, а другому ногу. А этот чудом уцелел».

5.8.84. «...пыль очень плотная, в пяти метрах не видно человека, пыль везде, даже на зубах, в закрытой комнате слой пыли, и никуда от нее не деться».

12.8.84. «...мы даже придумали ругательство: «Чтоб ты так потел, как я в Кандагаре». Для меня сейчас ничего не стоит выпить залпом 3—4 стакана воды».

Мне тут очень нравится звездное небо, до того оно яркое, и часто падают метеориты...»

13.8.84. «...поступило очень много раненых, много работы».

14.8.84. «Сегодня сделали две операции с Юрой — я сделал операцию по поводу нагноения раны при пулевом ранении, правда, пулю удалить не удалось... я отвечаю немедленно на запросы военкоматов по поводу ранений, так как этим ребятам положены льготы, хотя иногда пишут и те, кто не был ранен, тогда приходится отвечать по-другому».

17.8.84. «Вчера, когда пошел печатать фотографии, в аптеке оказалась гюрза — застрелили ее из автомата, длиной около 50 см. А сейчас поступил большой — укусил его тарантул, прижиг ему место укуса спичкой.

Вроде бы все хорошо, вроде бы все хорошо...»

19.8.84. «Сегодня воскресенье, но работы больше, чем в обычные дни. Сделал четыре операции, Юра сделал тоже четыре».

18.8.84. «Ребята привезли обезьянку — размером с кошку, вся чистенькая, пушистая. Сейчас изучал хирургию, а затем читал С. Есенина, очень хорошо пишет, только много у него грустных стихов, а в некоторых какая-то безысходность».

24.8.84. «Работаю сейчас один, все в рейде — сегодня уже были две «ласточки», два бойца с сотрясением головного мозга (подрыв). Оставили меня за всех начальников сразу, операционные сестры называют меня в шутку «полковником».

25.8.84. «Поступило 4 раненых и два больных. Тут есть особенность: лечить больного по поводу ранения, вдруг у него температура до 40° С, начинаешь думать, искать: почему? А у него малярия или брюшной тиф! Знаешь, очень волнуешь за наших ребят — как они там, в «зеленке»?».

27.8.84. «Работы сегодня море. Ночью ожидается еще поток раненых. Тяжело одному, но ничего, здоровья у меня хватит».

28.8.84. «Работы не уменьшается. Ранения очень интересные. Вновь стали поступать из «зеленки» ex letalis¹. Волнуюсь за наших ребят. Оперировал троих».

29.8.84. «Работы много. Сейчас веду сразу сорок раненых — такого у меня еще в практике не было. Ночью поступило 5. К утру закончил работу».

30.8.84. «Сейчас 22.00 — только закончил операции, описывать буду завтра, руку ломит. Раненых и больных в отделении перевалило за 50, теперь оперирую вволю, благо из хирургов я один. Знаешь, у меня даже какая-то жадность появилась на операции. Конечно, оперирую строго по показаниям, стараюсь сделать как можно лучше и нежнее. Операционные сестры считают, что я нежнее всех оперирую и делаю перевязки (вот видишь, опять хвалюсь, а хирургу ни в коем случае нельзя хвалиться и хвалить его — это только вредит!)».

31.8.84. «Работы у меня не убавляется. В день делаю по 3—5 операций, но больше всего утомляет писанина. Теперь поднимают меня и ночью, знаешь, что это очень хорошо, так как осознаешь ответственность за каждого. Сегодня чуть было не упустил гнойник, все же решился оперировать, вскрыл — получил много гноя. Все время надо быть начеку. А вообще все хорошо, жив, здоров. Очень рад твоим письмам.

...Ты спрашиваешь, что за строения на заднем плане фотографии. Это модули, сборно-щитовые домики типа бараков. Мы не живем в палатках».

1.9.84. «Вернулись наконец-то ребята из рейда — теперь будет легче. Операций сделал за эту неделю столько, сколько за все предыдущее время здесь...»

2.9.84. «Сегодня воскресенье, но работы целый день. Свыше сорока перевязок — такого еще не было при мне. ...Знаешь, последнее время стал замечать за собой, что иногда, правда, редко, стал кричать в перевязочной на больных.

Хорошо, что я сам это заметил и уже осмыслил, так что теперь буду следить за собой. Хотя все это можно объяснить утомлением, напряженной работой; а также тем, что новокаин плохо обезболивает тех, кто курил «травку», а такие попадают — они похожи на истеричек. Но обещаю, что, несмотря ни на что, буду вести себя с больными корректно... а вообще я всю эту неделю рабо-

тал за шестерых — видишь, опять хвалюсь».

4.9.84. «Родная моя, не беспокойся за меня. Видишь, как получилось — одного врача из батальона отвезли в госпиталь (наркомания), я тебе вскользь писал, Юра поехал вместо него. Я остался один. Читайте сейчас рассказы Юрия Нагибина. Хорошо пишет».

8.9.84. «У нас изменения: сегодня приехал новый нач. мед. — уже третий за этот год. Остальные в основном спились. Беседку мы построили из бомбо-тары.

...Как я вам завидую белой завистью, что можно гулять по лесу, дышать осенним воздухом. Вообще всегда хочется того, что недоступно».

10.9.84. «Начали строить свою кухню, чтобы готовить для больных. Узнал, что в Америке Достоевский стоит на голову выше американских классиков, а затем идет Л. Н. Толстой и А. П. Чехов. У нас сменился распорядок, то есть перешли на зимний период».

13.9.84. «Вчера была попытка обстрела. Захватили снаряды китайского производства».

14.9.84. «...мы тут с Юрой обсуждали вопрос недавно и пришли к выводу, что здесь смерть воспринимается философски, хотя страха нет только у дебилов. А у меня больше всего страх остаться калекой».

12.9.84. «...Ты знаешь, горжусь, что служу в самой боевой части, — не стыдно будет смотреть в Союзе людям в глаза.

...Часто при решении вопросов приходится обращаться к учебникам».

16.9.84. «Завтра Юра опять уезжает в рейд, правда, на два дня, но все равно тревожно».

17.9.84. «Привезли очень много винограда».

18.9.84. «...немного устаю, так как привезли много раненых».

21.9.84. «...ужасно хочется пожить в России. Скуучаю по большой реке».

22.9.84. «...сейчас приехал из госпиталя, оперировал раненого, очень интересная операция — осколочное ранение шеи в области сосудистого пучка. Перед этим стояли на аэродроме, ждали вертолета с ранеными.

...Интересная все-таки жизнь. Мы сидели в машине, слушали записи «Баккара» по японскому маленькому магнитофону, и в это самое время обстреляли аэропорт, правда, снаряды взорвались от нас в трехстах метрах, но все равно неприятно, и в это же самое время вертолеты доставили для нас раненого, а кто-то в Союзе, их ровесники, смотрят фильмы, гуляют с девушками, а тут такая суровая жестокость. Но я очень доволен, что этот парень будет жить... или это называется чувством выполненного долга?»

24.9.84. «Сегодня я дежурный врач, почему-то устал, хочется спать. За вчера и сегодня умерли от ран в госпитале два солдата из нашей части... казалось бы, что, раз попал в госпиталь, уже должен жить, а тут...»

19.9.84. «...Юре пришлось оказывать помощь в рейде «духу», зашивал ему раны, — проявил гуманизм к врагу».

28.9.84. «Сегодня оперировали ребенка и женщину из народности «белуджи». Это очень воинственный народ — с рождения мальчику дарят оружие».

1.10.84. «В обед оперировал солдата — запал от гранаты взорвался в руке... а после обеда больной с малярией, температура 40,5° С, на фоне этой температуры дал реактивный психоз: стал считать, что мы хотим убить его, втроем еле-еле успели его удержать, ввели аминазин, жидкость в/венно».

29.9.84. «Написал письмо В. С. Хорошо иметь друзей настоящих».

23.9.84. «После обеда дул «афганец». Юру сегодня обстреляли на Черной площади в Кандагаре, все нормально, не попали. Сегодня разговаривали об этом — нет ощущения, что стреляют, чтобы убить...».

3.10.84. «Сегодня оперировал одно-

го — удалил осколок из правого плеча. Остался из шести хирургов по штату опять один».

6.10.84. «С утра на пятиминутке поругался с начальником, укоряю себя за то, что не сумел сдержаться, но не могу ничего с собой поделать, — так меня иногда бесит дурость и невежество!

...по дурости я не погибну — уже немного соображаю, и потом, я всегда помню о тебе и о нашем будущем ребенке».

8.10.84. «...тот раненый, которого мы оперировали, позавчера умер: тромбоз вен мозга. Мы, хирурги, сделали все, чтобы он жил. Хотим начать делать ампутации у нас в роте — у нас все готово, и, главное, мы готовы психологически. Читайте рассказы А. Грина, правда, какие-то мрачные попадают».

9.10.84. «Сегодня оперировал одного раненого, все хорошо... единогласно избрали меня секретарем партийной организации».

11.10.84. «Посылаю одну из фотографий — мы, четыре «обезьяны», крайний слева — это я. В центре обезьянка Лизка, пушистая, как кошка. Очень яркое солнце, поэтому глаза сужены».

19.10.84. «Саша Кулик, прапорщик, пожелтел — болезнь Боткина. Заболевает гепатитом очень большая — в среднем ежедневно по 5—10 человек госпитализируем. Около штаба сажают кустарник, а сегодня привезли финиковую пальму».

15.10.84. «...немного проще иногда смотришь на жизнь».

20.10.84. «Сегодня беседовал с наркоманом. Чтобы достать наркотик, он действительно способен на все, я ему верю.

Ты пишешь, что «целый день шел дождь», — не верится!»

21.10.84. «Сегодня воскресенье, думал отдохнуть, но с утра в госпиталь поступили сразу шесть раненых, нас позвали на помощь. Оперировал сразу на трех столах. Мы сделали ампутации нижних конечностей на уровне верхних третей, лапаротомии с ушиванием ран печени и желудка, зашили и обработали раны на шее и кистях рук, — и все это у одного человека.

А вообще это очень страшно — действительно пушечное мясо. Оперировали с 9.00 до 13.00, тяжело, но особого удовлетворения от таких операций не получаешь, хотя понимаешь, что это единственное, что можно было сделать для сохранения жизни человека. На фотографии улица Герата — все население покинуло город».

22.10.84. «С утра провел пятиминутку, так как опять остался один...»

26.10.84. «Звездное небо тут очень красивое. Наверное, человек должен чаще смотреть вверх на небо, на звезды...»

17.10.84. «...Один из офицеров — ст. лейтенант Запорожан вчера приехал из Кабула, где ему вручили Золотую Звезду Героя. Парень очень скромный, небольшого роста, худощав. За выполнение приказа практически без потерь среди личного состава удостоен высокого звания».

24.10.84. «Нач. мед. уехал на конференцию — отдохнем без его идиотизма. Привезли двух раненых — перевернулись на БМП, один погиб, а двое к нам. Я все еще один».

28.10.84. «Вчера отмечали день рождения — получился со мной четверо. У нашего командира роты точно гепатит. И вчера пожелтела старшая медсестра. Ряды катастрофически редуют. Все ждуть — кто же следующий?!

В части открывали монумент — где потом будет открыт памятник всем, кто погиб здесь из нашей части.

Много гибнет по дурости. Вчера прилетели молодые — сегодня один из них поднял гранату, выкрутил запал, выдернул кольцо и ждал, пока запал взорвется, хорошо, что хоть саму гранату выбросил, — в результате вот уже и отслужил свое, став инвалидом, все

еще сознание детское, считают, что здесь «учебное», а здесь война. А вчера случай — смех сквозь слезы: один не появляется на вечерней поверке, его начинают ругать, он не спеша достает из кармана гранату, вкручивает запал, выдергивает кольцо на глазах у всех и бросает на середину палатки. Граната обычно взрывается через четыре-пять секунд. Все пулей выскакивают. Один зацепился штанами и пять метров тащил кровать за собой. Оказалось — тот пошутил, вкрутил небоевой запал. А ведь могла бы граната и взорваться...»

29.10.84. «Игорь Запорожан поедет учиться в академию. Это третий Герой с 79-го года».

3.11.84. «...мы живем в другом измерении...»

6.11.84. «Я наглюю: вчера пошел на операцию с асс. сержантом. Завтра поставлю себя дежурным — все равно я не любитель Бахуса, пусть ребята отдохнут».

9.11.84. «С утра перевязки, после обеда читал Эрве Базена «Супружеская жизнь».

7.11.84. «Пришлось быть на построении — мне вручили Почетную грамоту. После обеда ездили к больным товарищам с гепатитом. Подул «афганец», как это противно».

8.11.84. «Получил письмо от В. С., всегда рад письмам настоящих друзей. Поступило трое вертолетчиков — упали вместе со своей машиной с высоты 2 500 метров. Один — труп, другой очень тяжелый. Перелом основания черепа, без сознания. А третьего мы оперировали в течение пяти часов, но результат никакой: в конце операции упало давление, смерть... здоровый парень, здесь только с августа, когда поступил, он разговаривал, просил спасти, и мы всегда надеемся на один шанс из тысячи, надеемся на чудо, оперируем — а нам природа показывает наше бессилие, наши скудные знания. Почему-то эта смерть произвела очень сильное впечатление, не верится, что столько людей боролись за жизнь, и все абсолютно напрасно...

Перед операцией говорил: что он чувствует, что умрет, умолял, чтобы мы спасли его, показывал фотографии жены и двух детей — говорил, что нельзя ему умирать, а мы убедительно уговаривали его, чтобы он не волновался, что все будет хорошо, хотя сами прекрасно понимали, что шансов почти нет... но очень хотелось спасти!

Извини. Устал сегодня очень, но возбужден и потрясен смертью.

P. S. Вчера был «салют» — 120 залпами, естественно, боевыми, по духам. Это в ответ на их четыре седьмого».

11.11.84. «...у вас, наверное, холодно? У нас цветут олеандры и появилось много птиц (скворцы)».

15.11.84. «Толя Азбаров, наш анестезиолог, пожелтел. Вчера приехал из Союза наш «Ларионыч», Дима Сорокотяга, техник, привез окорок, пиво, мы нажарили картошки. У него светлое лицо».

16.11.84. «Юра уехал в рейд — опять стали поступать раненые. Целый день дул «афганец».

22.11.84. «...опять начали нас по ночам обстреливать (реактивными снарядами «земля — земля» китайского производства, летят со свистом, кто слышал — не забудет!). Юра Епифанов все же пожелтел».

21.11.84. «Ездил на санитарной машине на аэродром — поступило сразу шесть раненых и один труп. Жаль парня, недавно он лежал у нас в медроте, а теперь его нет, пуля попала в голову, это работа наемников — американцев, шведов, французов».

18.11.84. «Сегодня ночь не спал — занимался с ранеными. Поступило сразу девять раненых и два трупа. Сергей Лукинов — второй хирург — сегодня пожелтел, опять останусь я один. Сегодня

¹ мертвые (лат.)

утром приехал мой помощник из рейда Миша Лазаренко, по традиции посидели все врачи, кто остался. Пишу чуть-чуть под Бахусом — надеюсь, ты не обидишься? Есть у нас тут в Афганистане традиция — третий тост пьется в полной тишине, без тостов, без чоканий — молча — за тех, кто погиб в Афгане. Каждый думает о том, чтобы никогда этот тост не поднимался за тебя. Наверное, я что-то не то пишу, устал после бессонной ночи».

24.11.84. «4 раненых с сотрясением головного мозга. Вчера посолил огурцы по типу малосольных, жаль, что нет укропа. Чем мне нравится хирургия — это тем, что здесь как раз и нельзя быть паникером, все это хорошо было читать в книжках. Ну, вот я опять увлекся своей хирургией...»

26.11.84. «С утра было построение части — командир прощался с частью. И никому не было удивительно, что у такого человека на глазах были слезы. Потом я ездил навестить Юру. Пять врачей из части лежит с гепатитом. Юра очень пожелтел. Отвез ему глюкозы и гранат.

На ужин не пошли, нажарили картошки и поели с малосольными огурцами. Читаю Гюго «Человек, который смеется».

28.11.84. «26.11.84. Сообщили, что через час вылетаем в пустыню. Еле успел собраться. Первый раз в жизни летел на вертолете, пролетали над Кандагаром, но на большой высоте, уже сбивают ракетами. Приехали мы по поводу того, что за сутки подорвались 2 БТР. Стали ставить хитроумные мины. Мины итальянского производства, сделаны красиво... Что я заметил — это всегда надо радоваться жизни, солнцу, горам. Ехали по пустыне на БТР, свесив ноги на броню снаружи, — все-таки мысль не покидает, что в любой момент можно взлететь, обычно когда сидят снаружи, то остаются живы, могут быть переломы, но это ерунда. Странно, но с годами не убывает мальчишество — я всегда немного пьянею от большой скорости и небольшого риска. Перед крепостью Махаджири (правда, интересное название?) пришлось сесть по боевому, залезть внутрь, автоматы приготовить к стрельбе... Никакой психологической нагрузки практически не испытываешь от того, что стреляешь в людей. Расстрелял целый рожок.

Юра уже точно уходит от нас в Файзабад — уже приказ пришел.

За меня не бойся, я всегда, постоянно думаю о тебе, я в любой обстановке предельно осторожен, теперь я испытал себя, слава богу, нет у меня того страха, который иногда видишь на лицах.

Юра в последнем рейде подорвался, но у них только улетело колесо».

1.12.84. «Вот и наступила зима. Сейчас все уже спят, а я потихоньку включил Юрин «Спейс» — очень приятная музыка, и так много дает воспоминаний о тебе...»

2.12.84. «Сегодня воскресенье, я дежурный врач. Дежурство спокойное, только вот сейчас поступил солдат с переломом челюсти — это самая распространенная мирная травма, следствие выяснения отношений...»

5.12.84. «Ездил на обеспечение сопровождения колонн — привез массу впечатлений... Дети не обращают внимания на военные действия. Стрельба с двух сторон, а они играют в мяч, — «счастливое детство»?!!»

Очень счастлив, что меня ждешь ты».

7.12.84. «Юра очень желтый, слабость...»

8.12.84. «Говорят, что в Кабуле шел снег».

11.12.84. «...Вчера был под небольшим обстрелом. Приводили двух духов. Ты знаешь, нет ненависти, а чувство жалости. Лучше бы мы перекрыли границу, а тут в стране пусть разбираются друг с другом. Мы же очень мало знаем об этой стране, ведь гибнет и мирное население. И, по-моему, чем дальше мы будем вести эти военные действия, тем сложнее будет обстановка».

15.12.84. «Миша Лазаренко научил

меня ребром ладони разбивать гальку. Приеду — научу тебя».

16.12.84. «Съездил к Юре, показал ему, как я разбиваю гальку, он был поражен, пришлось подарить ему секрет — такой довольный. Хороший он парень».

20.12.84. «Вчера после обеда нас вызвали в госпиталь, а вернулись мы только во втором часу ночи. Оперировали мальчика лет 10, афганского — получил осколочное ранение грудной полости и живота, состояние было очень тяжелое, но только раз я услышал стон до наркоза. Что-то он нам говорил на своем языке, но, увы, никто и слова не знает. И где он получил это ранение, неизвестно... все это продолжалось более пяти часов, за что в таком возрасте так страдать? Потом перешли в другую операционную — там сделали две ампутации голени. Включили тихонько магнитофон и в ходе операции слушали «Битлз». Конечно, не обедали и не ужинали...»

Потом почта опять перепутала письма, и так сначала пришло предновогоднее.

30.12.84. «Украшали комнату «снежинками» и установили сосну, которую привез дед Ларионыч...»

А потом письма шли так, что пришло

написанное раньше, потом уже от второго января, а потом снова раннее...

27.12.84. «...вчера письмо не писал, так как оперировали вдвоем с хирургом Аскером девочку в возрасте 1—1,5 года примерно. Привезли сразу 5 детей из Кандагара с осколочными ранениями. У нашей девочки Каримы было осколочное ранение черепа, проникающее ранение живота с повреждением желудка, множественные ранения тонкого и толстого кишечника. Я впервые оперировал такого маленького ребенка. Сделали ему ушивание раны желудка, резекцию тонкого кишечника, около 50 см, с анастомозом «конец в конец», ушили мелкие раны кишечника двухрядными швами, сделали резекцию толстого кишечника в области сигмы, около 10 см, с анастомозом «конец в конец», с экстраперитонизацией и введением анастомоза на переднюю брюшную стенку, дренировали брюшную полость. Операция длилась более семи часов, причем все время в напряжении, а работа требовалась ювелирная. Конечно, будет чудо, если она останется жить. Приехали во втором часу ночи. Очень хочется, чтобы девочка выжила».

2.1.85. «...Я буду очень рад, если родится девочка, она будет красивая и умная, похожая на тебя, будут две

любимые, лишь бы все было хорошо...»
28.12.84. «Девочка Карима умерла ночью».

Он написал еще много писем. Юра Елифанов, едва выкарабкавшись из гепатита, заболел брюшным тифом. За Кандагаром духи сбили вертолет. Шли дожди, и не было почты. Через месяц он вернулся из рейда, где пришлось прорываться к подбитым БТрам через зону обстрела, и успели, спасли... он писал домой о чистых, уютных квартирах, живущими в которых представлял всех нас.

Ему начали сниться трамваи. Вот он едет в трамвае по нашему городу домой (трамвай номер 10?), и в городе повсюду цветут персики. Голубая Волга, небо, писал он в письме. (Чугунные девушки мелькают перед окнами трамвая, но сильнее по глазам хлещет река.) Начинается стрельба, и люди в трамвае пугаются, он говорит им: «Это обстрел», — и пугается сам. Какой обстрел в городе, наверное, это салют, конечно, салют.

Он входит в дом и снимает сапоги, и мама, крещенная Ангелиной, не видя еще его, говорит: надо же, Витя вернулся. Он снова едет в трамвае, и в сумке его два пистолета. Два пистолета «ПМ». Как врач, он называл это реализацией накопленных эмоций.

Он хорошо контролировал себя в письмах, и в письмах обязательно были птицы и яркое небо, но как врач, ежедневно испускающий бумагу историями, он не мог не стремиться к простой точности и так однажды написал: «Я устал от крови, стонот и смертей», не отправив еще и трети своих писем, не пройдя еще трети пути.

Девочка Карима умерла ночью. Семь часов он бился над ней. Но она умерла. Семь часов они спасали ее и почти спасли. Излагая в письме ход операции ночью, он машинально сказал о девочке: он. Как там? «Мы сделали ему ушивание раны». «Он» — это раненый, конечно.

Но война все шла.

Однажды ночью его опять вызвали в госпиталь, и «грешным делом я подумал, что, может быть, моя помощь уже не нужна». Он вернулся под утро и подробно описал, что именно сделал, чтобы тот «идиот» остался жив, потому что ранение было идиотским, похожим на попытку самоубийства или «самострел».

Глупо погиб прапорщик, спившийся на этой войне. Он знал прапорщика, но жестко написал жене, что этой жизни ему не жалко.

«Хочется покоя и тишины».

Война все продолжалась. Он получил первую награду. Потом был представлен к ордену.

Он остался жив и через полтора года вернулся, вдруг через много лет нашел меня, разыскал, написал. Съездил в Волгоград за огромной пачкой своих писем. И тогда я стала каждый день получать по письму, а то и по два, в том порядке, в каком их получала Валентина, и страх ее передался и мне тоже.

(Юля Кузнецова родилась в феврале 85-го.)

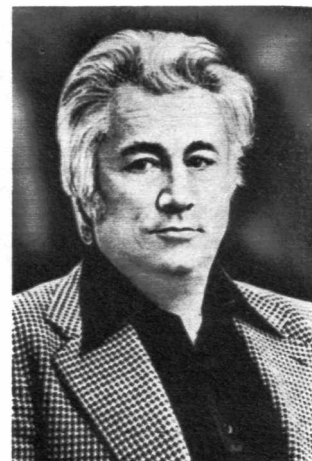
3.5.85. «Принял трех тяжелых раненых — все ранения в череп».

7.5.85. «...все время обсуждался вопрос о высоте ампутации нижних конечностей при минновзрывной травме. Все дело в том, что ударная волна распространяется вверх по кости с разрушением тканей, обрывом сосудов, прилегающих к кости. Весь вопрос состоит в том, чтобы определить уровень здоровых тканей, где проводить ампутацию. Вроде бы простой вопрос — надо определить, где живые ткани, а где уже мертвые. По настоящее время нет доступной методики в определении здоровых тканей в первые часы после травмы. А хирургам, с одной стороны, хочется оставить побольше конечности, а с другой — чтобы рана заживала без нагноения, а для этого и нужно оперировать в пределах здоровых тканей.

Ты извини меня за эти рассуждения, вряд ли тебе это интересно читать».

АФАНАСЬИ

Юрий НАГИБИН

РАССКАЗ

Рисунок
Левона
ХАЧАТРЯНА

Праздник по обыкновению удался. Его ритуал был раз и навсегда установлен еще в те давние времена, когда страна впервые отмечала День своих покое-защитных органов. Сперва Шеф душевно поздравил собравшихся и тех, кто по служебным заботам не мог присутствовать на вечере, потом его первый заместитель сделал получасовой доклад, в конце торжественной части зачитывались приветствия, а после короткого перерыва был дан большой концерт лучшими московскими силами. Программа концерта тоже не менялась: па-де-де из «Лебединого озера», ряд популярных эстрадных номеров — акробатика, жонглирование, фокусы, русские пляски, пародии на известных артистов, советские песни, военные и лирические, а завершалось все выступлением знаменитого тенора, который медленно выходил из-за кулис и вдруг раскидывал руки, словно хотел обнять весь зал, и с широчайшей силой, удивительной в сильно пожилом человеке, моляще-требовательно призывал присутствующих сеять разумное, доброе, вечное. И когда расплавленным серебром изливались последние слова: «Спасибо сердечное скажет вам русский народ», Афанасьич неизменно пускал слезу и наклонял голову, чтобы другие не заметили его слабости. Уловка не помогала, люди подталкивали друг дружку локтями, кивали на плачущего оперативника, но делалось это с доброй душой — Афанасьича любили и уважали, никому и в голову не приходило потешаться над милой и трогательной чувствительностью человека такой звонки.

Сморгнув слезы, Афанасьич украдкой следил за красивыми жестами певца. Дав истаять последней ноте, певец резко поворачивался к единственной ложе и делал такое движение, будто хотел пасть на колени в экстазе молбы. И тогда Шеф делал ответное условное движение, имеющее якобы целью удержать артиста, не дать ему грох-

наться стариковскими коленями на по-мост. Артист как бы против воли оста-вался на ногах, лишь ронял в глубоком поклоне голову с зачесанными через лысину пушистыми белыми волосами. И зал, восхищенный артистизмом обоих участников пантомимы, взрывался аплодисментами.

И на этот раз действие развивалось, как положено. С удовольствием наблю-дая за скрупулезно выверенным пове-дением артиста, Афанасьич вдруг оза-дился его возрастом. Он уже был седым стариком, когда Афанасьич уви-дел его впервые. А ведь минуло чет-верть века, если не больше. Как сдали за эти годы все остальные непреме-нные участники концерта. Беспощадным оказалось время к балетной паре: парт-нер едва удерживал на руках жили-стое, потерявшее гибкость тело бале-рины, и страшна была ее улыбка, напо-минающая оскал черепа; жонглер ро-нял шары и булавы, заменяя былую ловкость, покинувшую подагрическое тело, лихими восклицаниями, изящными по-клонами и воздушными поцелуями. Ста-рость не пощадил никого, но аудито-рия все равно любила их и не хотела менять на молодых. Здесь умели чтить традицию. Лишь над этим седым Орфе-ем быстротекущее было не властно.

Афанасьич еще думал о загадках времени, когда артист повернулся к ложе и — незаметно для людей сред-ненаблюдательных и более чем отчет-ливо для острого глаза Афанасьича — удержался от условного коленопрекло-нения. Афанасьич оценил реакцию ста-рого сценического волка, успевшего за-метить, что сумеречная глубина ложи не скрывает осанистой фигуры Шефа, и посчитавшего ниже своего достоин-ства тратить самоуничижительный жест на его зама. Артист при его высо-чайшей репутации мог бы и перед Ше-фом не гнущаясь, если бы тот не был личным и задушевным другом Самого. Поэтому условное коленопреклонение относилось не столько к Шефу, сколько к его Другу. Тут скользящая память Афанасьича за что-то зацепилась. Он вспомнил, что певец стал участником праздничных концертов после того, как его обокрали. У него похитили старин-ные иконы, которые он собирал чуть не всю жизнь. Он заявил о пропаже, был принят Шефом, спел на концерте. Че-рез некоторое время часть его коллек-ции нашлась. Артист снова отдался сво-ей страсти. Больше его не трогали. Уже на следующем концерте был узаконен жест мольбы и благодарности.

Артист ушел со сцены на своих длин-ных, стройных ногах. Афанасьичу его походка показалась чуть тяжелее обычного. Наверное, он был разочаро-ван отсутствием Шефа. Тот ушел сразу после торжественной части. Ему бы вовсе не приходило — на расстоянии паром дышит. Но Шеф всегда был та-ким — всё для людей. Он знал, что без его доброго слова и праздник не в праздник. В таких случаях даже жена не может его удерживать, а для него нет выше авторитета.

И до чего же по-глупому, по-досадно-му простудился Шеф. В воскресенье это было. Шеф пообедал в кругу семьи, а затем поспорил о чем-то с зятем. Башковитый мужик, в тридцать два года доктор философских наук, зам. директора Лесотехнического института, но с закидонами: обо всем свое мнение хочет иметь. Ну, а Шефу это, естествен-но, не по душе, он куда старше и не-сравнимо опытнее — какую жизнь про-жил: из ремесленников на самый верх номенклатуры! Шеф, как и Сам, кончал машиностроительный техникум, кото-рый впоследствии стал институтом, по-этому официально считается, что оба они инженеры. Но разве дело в дипло-мах, в бумажках? Шеф любому акаде-мику сто очков вперед даст. Ну, а зять в своем молодом глупом гоноре не хо-

чет этого понять. Не ценит отношения. Когда на управление пришли мерседе-сы — двести двадцаток последнего вы-пуска, Шеф первым делом позаботился о зяте, а другую машину выделил овдо-вевшему тестю, чтобы была игрушка одинокому старику. Сам же остался при «Феррари» чуть не трехлетней давно-сти. Нынешние молодые все принимают как должное, никакой благодарности не чувствуют. Разругались вдрызг, и Шеф, чтобы унять расхोлившиеся нервы, поехал прокатиться на своей развалюшке. Выехал на Садовую, до-вольно пустынную по воскресному дню, только разогнался маленько, чтобы свеяло с души обиду, как свисток. Под-ходит гаишник лопухий: превышение скорости, давайте права. Шефу до того смешным показалось, что у него права спрашивают, что он даже не обиделся. Видать, совсем молодой чувачок, на-чалство в лицо не знает. Шеф ему так со смешком: попробуй на такой машине без превышения ехать, это ж зверь! Ладно, больше не буду, повинную голо-ву меч не сечет. А этот чудила заладил: права, права — и всё тут. У Шефа, ко-нечно, никаких прав с собой нет, он уехал, как был: в брюках и полосатой пижамной куртке. Вот тебе права! — и сунул ему шиш под нос. А гаишник тоже с гонором: вылезь из машины, ты в нетрезвом виде. Пойдешь на рапо-порт. Тут Шеф всерьез озлился: не на придирки, а на непроходимую тупость парня. Любкой дурак на его месте давно бы сообразил, что перед ним. Много ли в Москве людей на «Феррари» ездит да еще с превышением и без прав? Шефу противно стало, что в его системе та-кой охладом работает. Он распахнул дверцу, вышел из машины. «Ты как смеешь меня тыкать? Пусть я все пра-вила нарушил, обязан мне «вы» гово-рить. Тебя чему учили, дуботол? Гнать тебя в шею из ГАИ!» Тут парень нако-нец увидел генеральские лампасы и заткнулся. Но коли Шеф разоидется, его не остановишь. В общем, парня в тот же вечер отправили в Потьму, а Шеф, бедняга, зачихал и заперхал, еще бы — на дворе ноябрьская стын-я, а он в тапочках.

И с каким-то особым теплом вспоми-налось Афанасьичу, что он увидит сего-дня Шефа. Никто из присутствующих не увидит: ни замы, ни помы, ни другие начальники, а он увидит, хотя человек маленький, в сорок восемь лишь до ка-питана дослужился. Впрочем, он не считал свое звание таким уж низким. Когда после детдома его призвали в ар-мию и направили в органы правопоряд-ка, то и звание старшины казалось не-достижимым. Он не принадлежал к чис-лу бойких умников, расторопных ловка-чей, умеющих быть на глазах, брал только исполнительностью. Правда, любое задание ему надо было подро-бно растолковать, «разжевать», говори-ли нетерпеливые начальники, иначе он не терпелся даже, а бездействовал, как механическая игрушка, которую забыли завести. Но если толково и подробно объяснить, что к чему, у Афанасьича не случалось ни промаха, ни осечки, как и на учебных стрельбах. Это было еще одно качество, обеспечивающее сча-стливую, хоть и скромную службу Афа-насьича. Верный глаз и твердая рука делали его незаменимым участником различных соревнований по пулевой стрельбе, где он неизменно завоевывал призы. Начальству это, естественно, льстило: кубки, бронзовые статуэтки и вымпелы Афанасьича украшали клуб-ный музей славы. Но чуждый спортив-ного честолюбия и сильно загруженный Афанасьич был рад, когда его освобо-дили от участия в соревнованиях. Тре-нировок он, впрочем, не бросал, дер-жал себя в форме. И сейчас, на пороге пятидесяти, Афанасьич был крепок, как кленовый свиль, и надежен, как мельничный жернов. И все же только

нынешний Шеф угадал, что Афанасьич годе на что-то большее, нежели обы-чная рутинная служба с ночными дежур-ствами, топтанием возле ресторанов и других опасных мест человеческого скопления, и вечный старшина Афа-насьич за десять лет прошел путь до капитана. Красивое, хорошее звание, другого ему и не надо.

Афанасьич вышел из зрительного зала. В фойе попискивали скрипочки, побрякивали трубы — музыканты на-страивали инструменты. Праздничные танцы в клубе всегда проходили под оркестр, хотя тут имелась превосход-ная японская техника. Но разве срав-нить по чистоте и нарядности звука живые инструменты с проигрывателем. Афанасьич даже в молодые годы не был любителем шаркать ногами, он спу-стился в буфет, где собиралась публи-ка посolidнее.

Его появление было сразу замечено. Послышалось: «Афанасьич, к нам!»... «Афанасьич, белого или сухарика?»... «Афанасьич, просим к нашему шала-шу!»... «Афанасьич!.. Афанасьич!..» Афанасьича замечали в любом много-людстве: в буфете или в концертном зале, на собрании или в зоне отдыха, куда выезжали по воскресеньям целы-ми семьями. Афанасьич не обладал привлекающей внимание внешностью: среднего роста, бесцветный, лысый, рыхловатый; последнее было обманчи-вым: глянешь — тюфяк, тронешь — гиб-кая сталь. Он как-то растворялся в окружающем, но сослуживцы узнава-ли его спиной. И вот уже тянутся со стаканами, бокалами, рюмками. Куль-тый нос Афанасьича чует запах гни-лой соломы — виски, раздавленного клопа — просковейский коньяк, мочи — московское пиво, бензина — столичная, матушка. Хочется отведать и того и другого, но нельзя, он перед делом никогда не пьет, ни грамма, хотя на редкость крепок к выпивке. Впрочем, эту свою крепость Афанасьич ни разу не подвергал серьезной проверке, будучи по природе своей трезвенником, но твердо знал, что его с ног не собьешь. Он любил жизнь в ее чистом, незамут-ненном виде: работу, сослуживцев, Шефа, последнего до обожания, свою опрятную, как у девушки, однокомнат-ную квартиру, телевизор, особенно фильмы о войне, хорошие книги про-шпионов, репродукции в «Огоньке» и оперетту. Женщины для него не много значили. А может, справедливо другое: слишком много значили, он всегда был влюблен в какую-нибудь недоступную красавицу: в Софи Лорен, английскую королеву, Эдиту Пьеху или Галину Шер-гову. Впрочем, один женский образ преследовал его с молодых дней, когда в кинотеатре повторного фильма он по-смотрел довоенную картину о защиточ-ной и веселой колхозной жизни. Героиня фильма, задорная, с темной, как смоль, гловой, дерзко вздернутым носом и легкой, доброй улыбкой стала такой же властительницей его сердца, как Дульсинья Тобосская — сердца Дон Кихота. Правда, Рыцарь Печального Образа и помыслить не мог о другой женщине, Афанасьич же допускал сов-местительниц. Но остальные вообра-жаемые возлюбленные как бы накла-дывались на этот изначальный, фоно-вый образ, ничего не отнимая у него, а подруги из живого тела не имели над ним власти. Лишь эфемерные образы владели его душой, делая ее сильнее и чище. Не питая иллюзий, он хотел быть достойным своих избранниц и не расходовал себя на плоскую обыден-чину.

В последние годы он довольствовал-ся вдовой летчика-испытателя, назы-вая ее в интимных мужских беседах: «одна чистая женщина, которую я наве-щаю». Эта женщина, его ровесница, вы-глядела намного моложе своих лет, была опрятна, обходительна, ничего не

требовала, сама ставила бутылку и ужин и при этом смотрела так, будто Афанасьич ее благодетельствовал. Однажды Афанасьичу захотелось выяс-нить, чем он сумел так обаять чистую женщину, которую навещал. Она долго думала, наморщив маленький лобик, а потом сказала застенчиво: «Вы непьющий». Странное дело, Афанасьич никогда не мог вспомнить, как она вы-глядит. Возникал некий женский абрис и тут же заполнялся чертами его Глав-ной избранницы, той, что просвечивала сквозь все иные прелестные и недо-ступные образы. Никто, конечно, не по-дозревал, что пожилой капитан, неда-лекий исполнительный службист, скуч-новатый в общении, но заставляющий уважать себя за спокойную надежность и прямому поведению, живет в идеаль-ном мире, сотканном его воображе-нием.

Афанасьич мягко отверг все предло-жения выпить, ребята не настаивали, сразу поняв, что в день, когда им поло-жено отдыхать и веселиться, Афа-насьичу надо выполнять ответственное задание. Его всегда удивляла чуткость, с какой его сослуживцы угадывали та-кие вещи. Мало ли почему человек, и вообще-то почти не пьющий, отказы-вается от рюмки: голова болит, устал, в гости собрался, но они безошибочно распознавали ту единственную причи-ну, которая исключала уговоры. Вот и сейчас разом отстали, но в их потеп-левших взглядах читались понимание и ласка.

Он еще немного потолкался среди своих, как бы заряжаясь их теплом, их дружеским участием. Не потому, что нуждался в поддержке, он всегда пола-гался только на самого себя, а потому что был теплым человеком, отзывчи-вым на всякое добро. При этом он не имел близких, друзей, и это тоже коре-нилось в его идеализме. Афанасьич бо-готворил Шефа, находился в постоян-ном внутреннем общении с ним, на дру-гих просто не оставалось чувства.

Афанасьич чурался услуг служебных машин. Даже маленькие привилегии, которыми не располагает простой на-род, разлагают душу, а Афанасьич за-ботился о своей душе. Да и хотелось пройтись неспешно по вечернему осен-нему городу, еще раз пережить в себе праздник и настроиться на встречу с Прекрасной Дамой. Да, жизнь так бо-гата и непредсказуема, что свела скромного капитана с экранным Чудом, явившимся ему четверть века назад.

Тот старый фильм был черно-белый, и Афанасьичу пришлось самому допи-сывать ее облик, наделяя его красками. Он был уверен, что черные ее волосы отливают вороненым блеском, смуглые скулы рдеют, полные губы румяны, что радужки глаз жемчужные, а не серые и не голубые. Ее длинные ресницы кру-то загибались вверх, открывая все глазное яблоко. Афанасьич никогда не встречал такого распахнутого, открыто-го, не таящего ничего про себя взгляда.

Его удивляло, почему он раньше не видел фильмов с этой артисткой, ведь она была знаменитостью еще до войны. Оказывается, в сорок шестом ее поса-дили, поэтому фильмы с ее участием были запрещены. Позже, уже в эпоху волюнтаризма, выяснилось, что посади-ли ее зря — это было проявлением культа личности. Ее выпустили, реабили-тировали, она опять стала сниматься, правда, уже в других ролях. Теперь она играла не юных комсомолок, а женщин в возрасте: больничных нянечек, мага-зинных кассирш, ткачих со стажем, за-ведующих молочными фермами. Она несколько пополнила, утратила лету-чую стройность, как-то осела, но оста-лась улыбка, остались широко распах-нутые глаза, а нос все так же задорно смотрел в небо, утверждая, что владе-лице его все нипочем. И чувство Афа-насьича к ней не уменьшилось, хотя

стало несколько иным: меньше сосущей тяги к недостижимому, больше сердечности, участия, какой-то уютной теплоты. Он смотрел на экран, где она уже не любила, не страдала, не ждала, как прежде, а ругалась, командовала, переживала за порученное дело или запутанную дочку. Афанасий смотрел на экран и шептал: милая, милая, милая!.. Она правда была милая, но всю милоту ее Афанасий постиг, когда встретился с ней не на экране, а в настоящей, непридуманной, но чудесней всех сказок жизни. Скажи ему кто раньше, что это возможно, Афанасий и спорить не стал бы, разве что улыбнулся б грустно или пожал плечами. Но жизнь такие номера откатывает, что ни в каком кино не увидишь.

Это случилось совсем недавно. За минувшие годы ее дочь выросла и года два назад перебралась на постоянное местожительство за рубеж. Никаких препятствий ей не чинили. Да и какие могут быть препятствия при коллективном руководстве и возвращении к ленинским нормам? Дочь огляделась, люто затосковала по матери и принялась звать ее к себе. Та долго не решалась покинуть родину. После долгих уговоров съездила в гости, покатавшись по стране, согрелась возле дочки и вернулась домой. Снова снималась, выступала в концертах и вдруг разом собралась в отъезд. Это как-то странно совпало с исчезновением ее собаки, пудельки Дзизы, сучонки дипломированной, лауреата разных международных и союзных конкурсов. Неужели только Дзиза ее держала? Старой собаке не перенести было перелета. Так или иначе, едва Дзиза пропала — может, украли, а может, помирая ушла, старые породистые собаки не хотят кончаться на глазах любимых хозяев, жалея их, и находят себе укромное место, — артистка сразу подала бумаги в ОВИР. Ее не удерживали.

Она уже взяла билет, когда Афанасий зашел к ней узнать, всё ли в порядке. Она была удивлена таким вниманием, но Афанасий объяснил ей, что ничего странного тут нет: она человек знаменитый, и о ней проявляют заботу. Надо, чтобы она благополучно уехала. В наше время все возможно: любые провокации, врагам хочется еще больше накалить мировую ситуацию. Похоже, она ничего толком не поняла, но испугалась — все же человек битый, но старалась вида не показывать, смеялась, тарасила свои жемчужные глаза и приговаривала: «Кому нужна старая баба?» «Какие же вы старые?» — сохлым от волнения голосом возражал Афанасий. Он чувствовал: она знает, что нравится ему. Если бы она знала, чем на самом деле является для него!.. Она брала его за руку, говорила, что с таким защитником ничего не боится. Он просил ее быть осторожнее, держать дверь на цепочке и не открывать незнакомым людям. Уходя, проверять замки, а еще лучше не оставлять квартиру пустой. Она продолжала смеяться, и, похоже, ей была приятна его забота. Она предложила выпить по рюмке коньяка за знакомство. «Я на работе», — напомнил Афанасий.

Он ушел со смятым сердцем. Ему уже не хотелось вспоминать, какой она была в молодости, она была прекрасна ему в своем нынешнем образе, другого не нужно.

Удивительно пригожая стояла осень. Ноябрь — самый дождливый и неприятный месяц в Москве. Особенно в последние годы. Уже в первой декаде начинает сыпаться снег, когда крупно-мелкий, он сразу истает, едва коснувшись земли, когда большими медленными хлопьями, плавно опускающимися на асфальт, крыши, деревья, пешеходов. Но и это белое убранство недолговечно, быстро исходит в слякоть. А сейчас город был сух и опрятен, слабый теплый ветер порой шуршал по асфальту черным сухим листом, деревья все еще не отряхнулись. Хорошо было идти притихшим вечерним городом. Афанасий впервые обратил вни-

мание, как пустыня Москва даже в погожий субботний вечер. Начало десятого, а город словно вымер, редко-редко мелькнет торопливая фигура прохожего, гуляющего и вовсе не видать. А с другой стороны, чего по улицам слоняться — не весна, не лето. Люди сидят дома, в тепле, смотрят телевизор, а молодые в кино, в дискотеках, и театры и рестораны заполнены — нормальная городская жизнь. И все-таки странной печалью тянуло от пустынных молчаливых улиц, которым не прибавляли жизни автомобили и троллейбусы. И тревожно горели неоновые ядовито-зеленые и кроваво-красные писемны, надевая ночь косноязычной загадочностью: «апека», «парикхера», «астроном», «улочна», «ыры», «ясо», «светское шпанское». Афанасий начал играть, что его занесло на далекую планету, где азбука та же, что у нас, даже слова похожие, но все же другие, и неизвестно, что они значат. Жаль, что все закрыто и не узнать, что такое в этом мире «ыры», «ясо» и «улочна». Тут инопланетянин, который при всех отвлеченностях внешней жизни всегда был начеку, заметил, что опаздывает, и вскочил в автобус.

— Кто там? — послышался за дверью милый голос.

Афанасий вошел в себя его звучание, просмаковал интонацию, в которой было недоумение, капелька тревоги, но куда больше ожидающего любопытства. Как это похоже на нее, от каждого жизненного явления ждать какой-то нечаянной радости. Вот кто-то постучал в дверь — звонок не работал, — и она, дрогнув напряженными нервами, в следующее мгновение подумала сердцем — не раскусю — о чем-то добром.

— Кто там? — повторила она, и по голосу чувствовалось, что она приняла молчание стоящего за дверью человека за милую игру.

— Афанасий, — сказал Афанасий и улыбнулся, зная, что она тоже улыбнется.

Дверь отворилась, и улыбки двух людей встретились.

— Милости просим, — сказала она. — Вы обо мне совсем забыли. Думала, так и уеду, не попрощавшись.

— Как можно! — Афанасий всплеснул руками. — Вы не думайте, что о вас забыли. Мы вас охраняли, за квартирой приглядывали.

— Заходите. — Она жестом пригласила его в комнату.

— Да ничего... — засмущался Афанасий. — Я так постою.

— Будет вам! Тоже — красная девица!

Актриса видела, как неловко, застенчиво просовывается Афанасий мимо нее в комнату — квартира была малогабаритной, и двум людям трудно разминуться в крошечной прихожей. Видела и все понимала про него: поклонник, один из тех, кто остался ей верен, полюбив по старым фильмам, когда она была смуглым чудом. Странно, что таких людей оказалось довольно много в самых разных слоях: ее радостно узнавали шоферы такси, продавцы магазинов, старые интеллигенты, пенсионеры, полунищие старухи-меломанки, режиссеры эпохи рока. Конечно, и Афанасий был из числа «ушибленных». «Охраняли! Приглядывали!» — передразнила она про себя. Рассказывая сказки. Придумал себе службу, чтобы на даярку Лизу вблизи поглядеть. Гляди на здоровье, больше не придется. Ей стало грустно. Ей и вообще было грустно с того самого дня, когда она решила ехать, поняв, что без дочки не проживет, но случались мгновения, самые непредсказуемые, и боль предстоящей разлуки шилом прокалывала сердце. Ну какое ей дело до этого и всех других мусоров? Зла особого она от них не видела, ей сломали хребет другие силы, но с тех пор всякий институт власти стал ей малопривлекателен. И ничего привлекательного в нем нет: мешковатая фигура, простецкое лицо, культяпый нос... нет, что-то располагающее все-таки было — в самой нелепости

фигуры, в открытой и доверчивой нежности, в смешной застенчивости было что-то такое родное, что дух перехватывало. И до взвоя не хотелось лощеных, прилизанных, безукоризненно воспитанных и ловких джентльменов, пропади они пропадом! Нечто схожее она испытала утром, когда ее обхватила зеленщица в грязной лавчонке. И обхватила-то без нужды и повода, просто по пьяной разнузданности. Она хотела возмутиться и вдруг — укол под лопатку: а ведь этого больше никогда не будет, ни вонючей лавочки, ни бледных капустных кочанов и черной картошки, ни сизого носа и сивушного дыхания, ни акающего московского говора: «Ишь, растапырилась! Паари еще, вабще не абслужу!» Сестра моя, родная кровью и бедой, никто не знает, кто из нас несчастнее... И она подумала об Афанасии: «Если он захочет поцеловать меня, пусть поцелует». Но знала, что тот не осмелится.

Они прошли в комнату. Она только начала собираться, но жилье уже потеряло обжитость и уют. На выгоревших обоях остались яркие квадраты от снятых гравюр и фотографий. И люстры хрустальной уже не было, с потолка свисал лишь обрывок шнура, освещалась же комната настольной пластмассовой лампой. Не стало и персидского ковра, спускавшегося со стены на диван, и старинного чернильного прибора на маленьком дамском письменном столе. И вот по этой уже отлучившейся от ее существования комнате Афанасий понял до конца, что она действительно уезжает, уезжает, и всё тут, навсегда. Господи!.. Она его о чем-то спрашивала, он машинально отвечал, сам не слыша себя, только зная, что отвечает вполголоса.

Она села за столик. Афанасий хотел присесть на стул, но загляделся на фотографию, висевшую над туалетным столиком. Он еще в первый раз заметил эту фотографию, а сейчас прицепился к ней взглядом, будто видел в первый раз. Доярка Лиза: платочек, челка, улыбка, комбинезон с лямками, легкая кофточка в цветочках.

— Что вы уставились, Афанасий? — спросила она.

— Карточка...

Она засмеялась.

— Эту я вам не дам. Почему — секрет. Но есть похожая. Из того же фильма. Хотите подпишу?

— А можно?

Она открыла средний ящик стола, нашла там карточку и стала надписывать. Афанасий, как завороченный, шагнул к туалетному столику. Он оказался у нее за спиной и, оглянувшись, увидел ее голову, склонившуюся над столом.

Холодный ум, горячее сердце, твердая рука... Может, это и верно, но не для Афанасия. К моменту, когда надо было нанести удар, ум его был так же раскален ненавистью, как и сердце. Эта ненависть сцепляет все существо человека в единый волевой клуб, дающий безошибочную верность глазу и крепость руке. Промануться можно, стреляя в собственный висок, а тем паче с расхождением, пусть самого малого. Сука!.. Изменница!.. Сионистка!.. Все предала... заботу родины... бесплатное обучение и медицинскую помощь... конституцию... Октябрь... Первомай!.. Вот тебе заграничка!.. Вот тебе дочь-невозвращенка!..

Слова будто взрывались в черепной коробке Афанасия. Все, что втемяшивали в слабый детский мозг детдомовские воспитатели и учителя и что осталось незбылемым, как бы потом ни менялась жизнь, все, что совпадало с этими первыми и самыми прочными истинами из последующих научений, усиливая их непреложность, в должную минуту дарило Афанасия небывалой цельностью, подчиняя его нервной, умственной и мускульной системы одному поступку и делая из него безукоризненный инструмент уничтожения.

Он мгновенно отыскал точку на затылке, склонившейся над столом голо-

вы, где разделялись темные крашенные волосы, седые у корней, и в эту точку, в шив черепных костей направил выстрел. Пуля, разрушив мозг, вылетела через тонкую кость глазницы, не повредив при этом глаза. Он ее подберет, ибо никогда не нужно оставлять вещественных доказательств. Пусть ему ничего не прозрит, но работать надо чисто.

Простреленная голова дернулась и ударила о крышку стола, это было конвульсивное движение, женщина не успела осознать случившееся, не испытала ни испуга, ни боли, просто перестала быть. Теперь она никуда не уедет и ляжет в родную землю, как положено русскому человеку.

Половина дела была сделана. Афанасий надел резиновые перчатки, какими пользуются на кухне опрятные хозяйки, достал из серебряного стаканчика, стоящего на столе, ключи от письменного стола и отомкнул крайний верхний ящик. Он не сомневался, что искомое окажется там. В первый свой приход он заметил быстрый взгляд, брошенный хозяйкой дома на этот ящик. Не было хуже хранилища, но именно здесь должна была она держать свою драгоценность. Это вывернутая наизнанку осматрительность: чтобы всегда была под рукой. Беспечная, шалава, незащищенная, она не могла всерьез позаботиться о сохранности ценной вещи. А если б и придумала для нее тайник, то наверняка не смогла бы потом найти. Зная себя, она боялась этого куда больше, чем неправдоподобного в ее чувстве жизни нападения злоумышленников.

Афанасий вынул драгоценность, выслезившую ему глаза своим блеском, и пошарил в ящике в поисках футляра, но его не оказалось. Вот непутевая! — покачал головой. Он уже не чувствовал гнева, являвшегося при всей своей естественности рабочей предпосылкой. Он опустил драгоценность в карман пиджака, подобрал пулю, принес из кухни мокрую тряпку и тщательно вытер все предметы, на которых могли остаться его следы. Тряпку он выжал и повесил на батарею.

Вот вроде и все. Афанасий надел пальто, шляпу, повязал шарф и в последний раз оглянулся на убитую. Она как будто спала, положив правую, поврежденную часть головы на столешницу. Волосы прикрывали рану, а другой глаз был широко открыт и, круглый, блестящий, жемчужный, тарасился удивленно. Да ведь таким и всегда казался ее распахнутый взгляд. Последняя неожиданность жизни не успела стать переживанием.

Афанасий подошел и осторожно вытащил фотографию из-под ее головы. «Милому Афанасию перед разлукой на добрую память». А расписаться не успела, только первую букву вывела, и острие шариковой ручки проткнуло бумагу. Конечно, фотографию с каплей крови следовало уничтожить, но может человек хоть раз в жизни сделать что-то для своего сердца, не думая о бесконечных правилах, предписаниях и запретах? Афанасий стер кровь и положил карточку в партийный билет — для сохранности.

Надо было идти, он и так опаздывал, но что-то не отпускало Афанасия. Он смотрел на любимое лицо и ждал. А потом понял, чего ждет. Смелости в себе самом, чтобы подойти и поцеловать ее прощально. Коснуться губами ее щеки возле носа на чистой половине, куда не вытекла кровь, почувствовать теплоту еще не остывшей кожи и тот нежный сладкий запах пудры и духов, что щекал ему ноздри даже на расстоянии, и будет чем жить до самого конца. Но как же так — без разрешения?.. Воспользоваться ее беспомощностью... нет, этого он себе не позволит.

Он с усилием посмотрел на нее, повернулся и вышел, погасив за собой свет. На лестничной площадке снял резиновые перчатки, сунул их в карман, надел обычные кожаные, поднял воротник пальто и сбегал по лестнице.

Он вышел из подъезда, пересек двор, не встретив ни одного человека.

Через двадцать минут он переступил порог квартиры Шефа.

— Что так долго? — недовольно спросил Шеф, собственноручно открывший дверь.

От него сильно пахло коньяком, но простуды как не бывало. Шеф умел выгонять каждую хворость с помощью винной терапии.

Был он в генеральских брюках и пижамной куртке — его любимый наряд на отдыхе. В таком виде он трапезовал в кругу семьи, принимал гостей, но сейчас дело шло к одиннадцати, к тому же Шеф был простужен, и ему естественно было бы сменить брюки на пижамные штаны, а сверху накинуть халат. В его полумобилизованности проскальзывали тревога, готовность к действию. Неужели он допускает мысль, что Афанасьич подведет и придется вмешиваться?.. Горько сознавать, что тебе не доверять.

— Так вот управился, — угроюще сказал Афанасьич, проходя следом за Шефом в кабинет.

Сколько раз он тут бывал и не переставал поражаться великолепию этого музея, дворца, комиссионного магазина, не знаешь, как даже назвать. Красное дерево, бронза, хрусталь, ковры — под ногами, на стенах, на диванах, картины в золоченых рамах, гравюры, старинное оружие: мечи, кинжалы, пистолеты, щиты и копья. Даже рыцарский шлем был с золотым гребнем. А на письменном столе, опиравшемся на львиные лапы, — целая выставка: фигурки из мрамора, бронзы, дерева, малахита, шкатулочки с мелкими картинками, охотничий набор, нож и вилка в футляре из красного дерева, хрустальная чернильница с серебряной крышечкой, золотой резной стаканчик с гусиными перьями, какими еще Пушкин писал, фотографии в красивых рамках и самая большая цветная — супруги Шефа. Такая и только такая женщина может быть супругой Шефа. «Русская Венера» называют ее в управлении: вся розовая, сливочная, кремевая. Щеки румяные, губы алые, бровь соболиная, и ведь никакой косметики не применяет, вся натуральная. Она на двадцать лет моложе Шефа, значит, ей уже за сорок, а ей и тридцати не дашь. Говорят, что маленькая собачка до старости щенков, а жена Шефа дородная, осаниста, на полголовы выше мужа, и при этом легка на ногу, быстра, как ртуть, и даже гибка, хотя талию ее едва ли обхватишь. Когда она ходит с сыном и дочерью, то выглядит их старшей сестрой. Шеф наглядеться на нее не может. Конечно, никому в голову не придет назвать Шефа подкаблучником, просто тут полное любовное взаимопонимание, когда двое чувствуют и думают, как один человек. А то, что Шеф любит подчеркивать свое смирение перед умом и вкусом «Мамочки», так это от растроганности души большого и сильного человека, не боящегося признать чужое, пусть и мнимое, превосходство. Говорят, Шеф не был счастлив в первом браке, жена сильно уступала ему по развитию. Это не было так заметно, когда Шеф учился в техникуме на инженера и делал первые служебные шаги, но в дальнейшем ее отсталость стала несовместима с его положением. И тут судьба улыбнулась Шефу, хотя оплатил он эту улыбку временной задержкой в продвижении по служебной лестнице. Амору приписали. На помощь пришел старый друг по техникуму.

— Докладывай! — сказал Шеф, и непривычно официальный, суховатый тон выдал его беспокойство.

Афанасьич расстегнул пальто и протестным жестом вытащил из кармана сверкающее чудо.

— Докладываю, — сказал он и, широко размахнувшись, положил драгоценность на зеленое сукно письменного стола.

Шеф посмотрел, зажмурился и двумя пальцами прижал слезившиеся глаза.

— Да... — произнес он тихо, — умели в старину делать вещи...

Можно было подумать, что вся операция была затеяна, чтобы убедиться в мастерстве старых ювелиров. Шеф потрогал драгоценность, но в руки не взял.

— Ты чего в пальто? — обернулся он к Афанасьичу. — Небось не в забегаловке.

Афанасьич послушно снял пальто и шляпу.

— Да брось на кресло, — сказал Шеф и пошел к этажерке с книгами.

Основная библиотека Шефа: философские труды, собрания сочинений классиков русской и зарубежной литературы, книги по искусству и литературные произведения его Друга хранились в больших, тяжелых, наглухо закрытых шкафах красного дерева с бронзовой отделкой, а эта красивая этажерка приоткрыла литературу особого назначения. Шеф достал пухлый том в сафьяновом переплете и вынул из него квадратную бутылку, в другом томе оказались высокие серебряные рюмки. Шеф налил всклень и протянул рюмку Афанасьичу.

— Держи!

По напряженности руки и слишком сосредоточенному взгляду Афанасьич понял, что волнение еще не оставило Шефа. Неужто он до сих пор не постиг, что у Афанасьича проколов не бывает? Афанасьич мягкой рукой взял за донце налитую выше края рюмку, жидкость держалась поверхностным натяжением, приблизил губы и втянул коричневый колпачок.

— С праздником, — сказал Шеф. — Будь здоров!

Оба выпили, и Афанасьич опрокинул рюмку над лысиной, показав, что в ней не осталось ни капли. От второй рюмки Афанасьич отказался.

— Нельзя. Хочу еще в клуб заглянуть.

— Ну и что? В такой день не грех.

— Какой пример я дам молодежи? Надрался, скажут, старый пес.

— Голубь ты! — Шеф глядел умиленно. — По тебе вообще не видно, пил ты или нет. Полрюмочки!..

Они выпили. Афанасьич споловинил, Шеф взял целую. И сразу почувствовалось, что его опустело. Он убрал бутылку и рюмки и присел на краешек письменного стола.

— Думал ли ты, Афанасьич, сколько ценностей ушло и до сих пор уходит из нашей страны?

— Много, поди.

— Очень много. Ужасно много. Непростительно много! Ты знаешь мою супругу. И знаешь, какой она культуры человек. Ведь все она. — Он обвел рукой вокруг себя. — Я-то технарь, винтики-шпунтики, сопроматы и рейсины. Потом уже, как с людьми стал работать, добрал маленько. Но рядом с Мамочкой — пентюх. А ведь она тоже институт культуры не кончала. Но знаешь, это дело такое... врожденное. Вот и про эту цацку, — он уже приручил драгоценность и свободно касался пальцами, — Мамочка разузнала. Ее разведка работает получше моей. И кабы не она, уплыло бы народное достояние на Запад. Ты не знаешь, Афанасьич, как нас обобрали капиталисты, пользуясь бедностью молодого Советского государства. У Хозяина-то не было иного выхода...

Взгляд Шефа скользнул в угол кабинета, где на тумбочке стояла в тени фотография «Ленин и Сталин в Горках». Афанасьичу всегда тяжело было смотреть на эту карточку, смонтированную из разных снимков. Когда два человека снимаются вместе, они либо смотрят друг на друга, либо в одну точку, а здесь их взгляды не фокусировались, как не сопрягались и позы. Афанасьича огорчало, что не потрудились сохранить настоящей фотографии вождей, когда они вместе. Ведь известно по старым замечательным фильмам, что Ленин шагу не мог ступить без Сталина.

— Не было другого выхода, — разви-

вал свою мысль Шеф. — Страна задыхалась без валюты. И Рафаил, и Цициан, и этот, который весь черный, становились тракторами, машинами, станками. Индустриализация, одним словом. А что потом было? Расхищали страну, кто во что горазд. Хрущ раздарил фирмам алмазный фонд, Катя Фурцева любому гастролеру Маневича совала. А Маневич, не поверишь, одни квадраты малевал, сейчас в той же цене, как этот... мать его, на языке вертится, ну, черный весь. А уж после фарцовщики за дело взялись. Ихняя специальность — иконы. Пограбили по церквям да по крестьянству — будь здоров! Но чумее всех для русской культуры отъезжанты. Сколько предметов на Запад ушло: ожерельи, браслеты, колец, диадем, бриллиантов, изумрудов, сервизов — подумать страшно. Россию никому не жалко. — Голос Шефа дрогнул. — Я это к тому, чтобы ты чувствовал, какое большое дело делаешь. Уж мы-то не уедем, не выпустим из рук, что России принадлежит.

Афанасьич чувствовал. Это были лучшие минуты его жизни. Шеф обладал редким умением очаровывать людей, которые ему служили. Он уже не раз дарил Афанасьича такими вот экскурсиями в большой мир культуры, истории, политики. И жалко было, что Шеф вдруг свернул с серьезного разговора на ненужное личное и стал выспрашивать Афанасьича, задал ли тот посмертного шутка своей клиентке. «Скажи честно, ты подержался?..» Правда, к этому времени Шеф до конца дочитал пухлый том из своей особой библиотеки. Отмолчаться не удалось, и Афанасьич сказал с укоризной: «Как вам такое в голову пришло?» «А ты же обмирал по ней», — трезвым и холодным голосом отзывался Шеф. Ну откуда он мог знать? Ни с ним, ни с кем другим Афанасьич сроду не говорил о своих чувствах. На то он и «Шеф», а не «подшефный», что обладает даром видеть тайное, что открыта ему подноготная окружающих. Иначе не мог бы рядовой техник, пусть и с инженерским дипломом, стать одним из первых лиц в государстве. Только на дружбе с Самим далеко не уедешь, мало, что ль, у него таких друзей по всей стране.

— А, покраснел! — В голосе Шефа не было торжества, настолько он был уверен в своей догадке. — Ишь, скромняга! А ничего особого в этом нет. Мамочка рассказывала, во время Великой французской революции аристократки платили палачу, отдавали перстни, золотые кресты, ожерелья. — Шеф кинул взгляд на драгоценность, — чтобы он не имел их после казни. И не только простые принцессы, сама королева Мария-Антуанетта откупилась от палача, за был его фамилию. Надо у Мамочки спросить. Она все помнит. Вот голова! Я ее Коллонтайкой зову. Знаешь, кто такая Коллонтай?

— Нет.

— Надо знать историю партии. Первая советская женщина-посол и... последняя. Пламенная революционерка. Одна из всей ленинской гвардии, которая не села. У нас на Украине говорят: ще це за ум, ще це за розум!

И вдруг, как это не раз бывало, он перестал травить и серьезным, деловым голосом заговорил о предстоящем деле, намеченном на послезавтра. Афанасьичу предстояло выяснить отношения с профессором ГИТИСа, уезжавшим к сыну в Канаду. Он не обладал громким именем, но в узком кругу специалистов пользовался уважением как один из самых удачливых старушатников Москвы. «Старушатниками» называются коллекционеры, которые шуруют среди старух, порой берут над ними опеку и тянут до самой смерти, получая в наследство всякую рухлядь, в которой нередко оказываются предметы высокой ценности. Не было случая, чтобы старушатник не оправдал потраченных на старуху сил и средств. Эта специальность требует терпения, выдержки и умения наступать на горло не собственной, а чужой песне, когда сли-

ком затянувшаяся, бесполезная, мучительная и для себя, и для других жизнь толкает мысль опекуна к повышенным дозам снотворного или сильнодействующей комбинации крепких лекарств. Настоящий старушатник чит уголовный кодекс и не идет на открытую расправу с ним. Старушки всегда отходят чисто, не придерешься, до последнего вздоха считая опекуна своим бескорыстным другом. Театральный профессор скопил за долгую терпеливую жизнь кое-что, но было у него и настоящее сокровище: собрание древнекитайских эмалей. Они имеют какое-то специальное название, но Шеф запомнил и долго сокрушался, помяная Мамочку-Коллонтайку и называя ее своей памятью. Дело не в названии, надо воспрепятствовать увозу исконной русской ценности на Запад. И Шеф считал, что операцию хорошо провести под шум, который подымется в городе в связи с гибелью артистки. Обывательская мысль наверняка устремится к таинственной и дерзкой банде, и это воспрепятствует возникновению темных слухов и грязных сплетен.

Афанасьича побочные соображения не интересовали, а суть задания он давно уже усвоил. Хладнокровие Афанасьича чем-то задело Шефа. Он спросил, глядя в упор:

— А если тебе прикажут меня замочить, как поступишь?

— Никто мне такого не прикажет, — спокойно ответил Афанасьич.

— Нет, а все-таки... Представь себе такую ситуацию.

— Как я могу ее представить, если выше вас никого нет?

— Ну, а понизят меня? — домогался Шеф, сам не зная для чего.

— Я вас очень уважаю, — тихо сказал Афанасьич.

Шеф не понял застенчивого сердца Афанасьича и затосковал. Ну, договаривай. Уважать-то уважаешь, а долг служебный выполнишь. И не верхний я вовсе, есть повыше меня. Да и не в этом дело... Нет у нас личной преданности, только — креслу. Пора на покой этому судак. Жаль, что нельзя его просто на пенсию: годы не вышли и знает слишком много. Второго такого не скоро найдешь. Но, как говорится, незаменимых людей нет.

— Ладно, Афанасьич, ты побежал. Не то в клуб опоздаешь. Хочешь на посошок? Волюному воля. Была бы честь предложена. Бывай!

Он вышел вслед за Афанасьичем в прихожую, затворил за ним дверь, наложил засовы, вернулся в кабинет и по внутреннему телефону попросил жену зайти к нему.

И она пришла. Она вшумела в комнату, «как ветвь, полная цветов и ягод», так, кажется, у Олеси? И, как всегда, ее появление отзывалось сухью в горле. Ее спелая, налитая прелесть, уму непостижимые формы неизменно заставляли его врасплох. Она была чудесна двадцатилетней, но с годами, особенно шагнув в зрелость, делалась все лучше и лучше, как бы стремясь к заранее предназначенному наисовершеннейшему образу. Иные женщины перегорают в молодости, большинство — к сорока (тридцать девять не возраст — состояние, которое длится годами), а Мамочка широко отпраздновала свое сорокалетие и в том же победном сиянии двинулась дальше.

Высокая должность и соответствующий ей чин, то особое положение, в которое его ставила дружба с Самим, весь достаток были служены им самоотверженным трудом, бессонными ночами, личной верностью, беззаветной преданностью социализму в его нынешней, завершенной, как спелое яблоко, форме (в этом немалая заслуга его Друга по техникуму-институту), но Мамочку, если начистоту, он не заслужил. Она была ему не по чину. И когда пятнадцать лет назад Высокий друг покорил на нее глаз — тогда свежий, карий, а сейчас похожий на тухлое яйцо, — он не ревновал и даже не переживал, приняв как должное. Мамочка была со-

здана, чтобы царить. Все же царицей она не стала — жениться по любви не может ни один король. Осталась с ним, не только не нарушив, но еще более укрепила узы верной, хоть и неравной дружбы. Мамочка была для него трофеем, который каждый день надо завоевывать заново. Что он и делал.

— Опять наглотался? — проницательно определила Мамочка.

В другое время он стал бы изворачиваться, врать, но сейчас верил в свои козыри.

— Маменция! — сказал он развязно. — Докладываю: задание выполнено, противник уничтожен, взяты трофеи.

И протянул ей сноп ослепительных искр. Мамочка отличалась завидным хладнокровием, но сейчас она дрогнула. Всем составом и по отдельности: качнулся высокий, как башня, шиньон («шиньонским узиком» называл его Сам в добрую минуту, явно на что-то намекая), и в разные стороны метнулись под капотом тяжелые груди.

— Да-а, это предмет, — сказала она осевшим голосом. — Так бы тебя и поцеловала.

— За чем же дело стало?

— Не выношу сивухи... Ладно, я тебя сегодня приму, только прополощи рот.

— Будет сделано, товарищ маршал!

— Подумать страшно, что такая красота могла уплыть за бугор. Вот уж верно: что имеем, не храним...

— ...а потеряв, не плачем, — подхватил муж и добавил с невинным видом: — Может, сдадим в Оружейную палату?

— Еще чего! Чтобы ее стащили? Нет уж, у нас сохранней будет. Как там с театралом?

— С каким театралом?

— Ну, с отъезжантом. Из ГИТИСа.

— Все нормально. Послезавтра Афанасьич его навестит.

Она сказала задумчиво:

— Не нравится мне твой Афанасьич. Больно глубоко залез.

В унисон бились их сердца и трудилась мысль. Если у него еще оставались какие-то сомнения насчет Афанасьича, то теперь они исчезли без следа.

— Не беспокойся, Мамочка, я уже принял решение.

Она взглянула на него с неподдельной нежностью. Конечно, он был не блеск, впрочем, как и все нынешние мужики: выпивоха, необразованный, малокультурный, но под шапкой у него кое-что имелось. А жить можно с любым, только не с дураком. Нет, дураком он не был.

— Долго не канителься, — сказала она. — А то я усну...

Тяжелодум Афанасьич тоже не был дураком. Весь долгий путь от дома Шефа до клуба он думал о странном вопросе, которым тот ошеломил его перед уходом. Вопрос этот был покупкой, но Афанасьич не купился, поскольку никогда не замыслил против Шефа. А вот Шеф себя выдал. Он чего-то боится, не доверяет Афанасьичу и хочет от него избавиться. Афанасьичу в голову не приходило подвергать сомнению правовую сторону своей секретной службы. Он исполнитель, что прикажут, то и делает, остальное его не касается. Нечего ломать мозги, отчего да почему перевернулся к нему Шеф. Важно одно — это приговор. Но от приговора до исполнения есть время. Можно опередить Шефа и самому нанести удар. Замочить Шефа, конечно, очень нелегко и... жалко. Эдак вовсе один останешься. Чистая женщина — для спанья, а душа осиротевает. А если Мамочку?.. Небось это она сбита Шефа с толка. Бабы подозрительны да и не умеют ценить мужской дружбы. Ее убраться куда проще и безопасней. Подымать волну не станут. Спишут на самоубийство. А Шеф поймет нарек. Поймет, что Афанасьич обо всем догадался, но не захотел его губить. А коли так, почему не сохранить партнерство? Старый друг лучше новых двух.

Успокоившись на этот счет, Афанасьич отворил тяжелую дверь клуба и шагнул в тепло, свет, музыку.

РАМПА

ПРИЗНАНИЕ

Игорь ДВИНСКИЙ

Нынче Жванецкого признали все средства массовой информации, агитации, пропаганды, а также армия, авиация и военноморской флот.

Жванецкий попал в анекдоты. В самую сердцевину застоя шепотом передавали: «Знаете, что будет написано про Брежнев в энциклопедии будущего? «Брежнев — мелкий политический деятель эпохи Жванецкого». Сейчас мы обретаем возможность открыто выражать свои симпатии и антипатии. Мы учим этому детей. Они будут проходить «непредсказуемое прошлое» нашей страны по новым учебникам истории (надеюсь, таковые скоро появятся!), на уроках литературы им откроют славные имена, мимо которых нас проводили с завязанными глазами (а любопытных — со связанными руками!). Давайте ускорим этот процесс. Не будем ждать, пока прокрутятся колесики-винтики бюрократической машины, и предложим в новый учебник по русской советской литературе главу о писателе Михаиле Михайловиче Жванецком.

ЖВАНЕЦКИЙ МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ
(.....)

1. ЖВАНЕЦКИЙ И ЕГО ВРЕМЯ

Известный русскоязычный писатель М. М. Жванецкий родился в сложное время. Являясь продолжателем литературных традиций Салтыкова-Щедрина, Сухово-Кобылина и др., он, как и большинство советских писателей, сначала вышел из народа, а потом — из гоголевской шинели. Большое влияние на творчество писателя оказало постановление сталинского ЦК о журналах «Звезда» и «Ленинград»: Жванецкий вовремя обуздал генетический талант сатирика и выучился на инженера. Затем наступила хрущевская «оттепель».

Новые времена призвали новых глашатаев, и Михаил Михайлович демаскировался: его прорвало, как прорывают внешние воды плотину, построенную с недовложением цемента. Он стал называть вещи своими именами, но в смешной форме. Постепенно его голос и манера излагать свои мысли стали узнавать в народе и там, где надо. Поэтому, когда «оттепель» закончилась и наступили «заморозки», писатель остался колышаться, как былинка малая на холодном ветру политических перемен. Здесь судьба его счастливым образом переплелась с судьбой замечательного русскоязычного актера и народного артиста СССР Аркадия Исааковича Райкина. Даже пришедший в то время к власти «лично дорогой Леонид Ильич» не раз рукоплескал гениальному исполнителю, говорившему языком гениального автора.

Крепчали времена «застоя», и муза Жванецкого шагала с ними в ногу, норовя наступить этим временам на любимые мозоли. Она (муза), например, подмечала, что в стране, несмотря на «застой», люди, жизнедеятельно, перемещались: они стелились, ползали, извивались, пролезали, чапали, хляпали, шкандыбали, юлили, бундабрюкали и пятились. — тех, кто ходил нормально, объявляли ненормальными и приглашали посидеть. Все это находило отраже-

ние в многочисленных публичных выступлениях сатирика, за которые тогда платили больше народной любовью, чем презренным металлом...

Небезызвестный Зигмунд Фрейд, обобщая природу смешного, утверждал, что народ во всем мире смеется всего над тремя вещами: над правительством, над сексом и над отправлениями прямой кишки. Жванецкий подсмотрел в нашей жизни еще одну тему — тему первородного пьянства. Эта тема, словно тема Судьбы у Бетховена, сопровождает писателя до сих пор. В своих произведениях он блестяще доказал, что иностранцу пить водку в присутствии нашего человека так же неприлично, как играть на скрипке в присутствии Паганини. Время шло, Жванецкий переживал лидеров режима по мере их поступления, и, наконец, ветер перестройки наполнил паруса его таланта. Михаил Михайлович получил возможность выразить вслух то, о чем раньше страшно было подумать про себя — даже при включенной на полную громкость песне Пахмутовой на слова Добронравова.

Вывод: а) Жванецкий — типичный гениальный продукт нашего времени; б) время Жванецкого на эстраде и в литературе продолжается.

2. ЖВАНЕЦКИЙ И МЕТОД СОЦРЕАЛИЗМА

Как известно, в русской советской литературе долгое время творчество любого литератора оценивалось с позиций метода соцреализма. У метода существовало, кажется, десять признаков, и, если писатель «не проходил» по любому из этих пунктов, его зачисляли в символисты, декаденты, авангардисты, клеветники, перевертыши и боролись с ним исключительно с позиций соцреализма, то есть не печатали. Жванецкого до 1985 года практически не печатали, и это позволяло догадаться, что с соцреализмом он был не в ладах. Что же отпугивало чиновников? Метод соцреализма в первую очередь предполагает наличие положительного героя. Какие герои у Жванецкого? У Жванецкого в героях ходят пьяницы, бабники, жулики, лабухи, покойники, тупые доценты, вахтеры, танки, лошади, министры мясной и молочной промышленности, работники райкомов, обкомов и подмаймы выше.

Возьмем теперь непременно для метода соцреализма народность. С одной стороны, на встречах с ним народ никогда не безмолвствует, узнает Михаила Михайловича, где бы он ни уединялся, и демонстрирует ему первичные и вторичные признаки коллективной любви; а с другой стороны, целая моллодая гвардия наших критиков, так сказать, наших современников, а также московских литераторов, считает творчество Жванецкого вредным для народа, а самого его — злостным очернителем идеи построения социализма в одной отдельно взятой стране.

Иногда Жванецкого называют абсурдистом, мотивируя тем, что все наше общество абсурдно, но это уже тема отдельной беседы с привлечением экологов, юристов, политологов, социологов, группы захвата и ведущих программы «Взгляд».

Несколько слов о языке Жванецкого.

Не секрет, что писатель родился в городе-герое Одессе и детство провел среди лиманов, шалманов, кичманов, лонжеронов, а также куюльников. В результате он создал свой литературный язык, на котором, как ни странно, заговорила вся страна. Отовсюду так и слышишь: «Вы не кассир, вы убийца», «но по три рубля», «Нормально, Григорий? Отлично, Константин!». Правда, некоторые историки считают, что последнюю фразу Жванецкий подслушал в диалоге Романова с Черненко.

Вывод: Жванецкому чужд метод соцреализма, зато близки реальная жизнь и чаяния простого народа.

3. ЖВАНЕЦКИЙ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС

Как и многим писателям-сатирикам, Михаилу Михайловичу Жванецкому часто задают национальный вопрос, на который он всегда отвечает утвердительно. Жванецкий вносит большой вклад в развитие интернационализма в нашей стране: на концертах писателя его русский язык понимают представители даже тех национальностей, которые в остальное время суток утверждают, что по-русски не понимают.

Вывод: для укрепления международного взаимопонимания М. М. Жванецкого следует чаще посылать в зарубежные поездки.

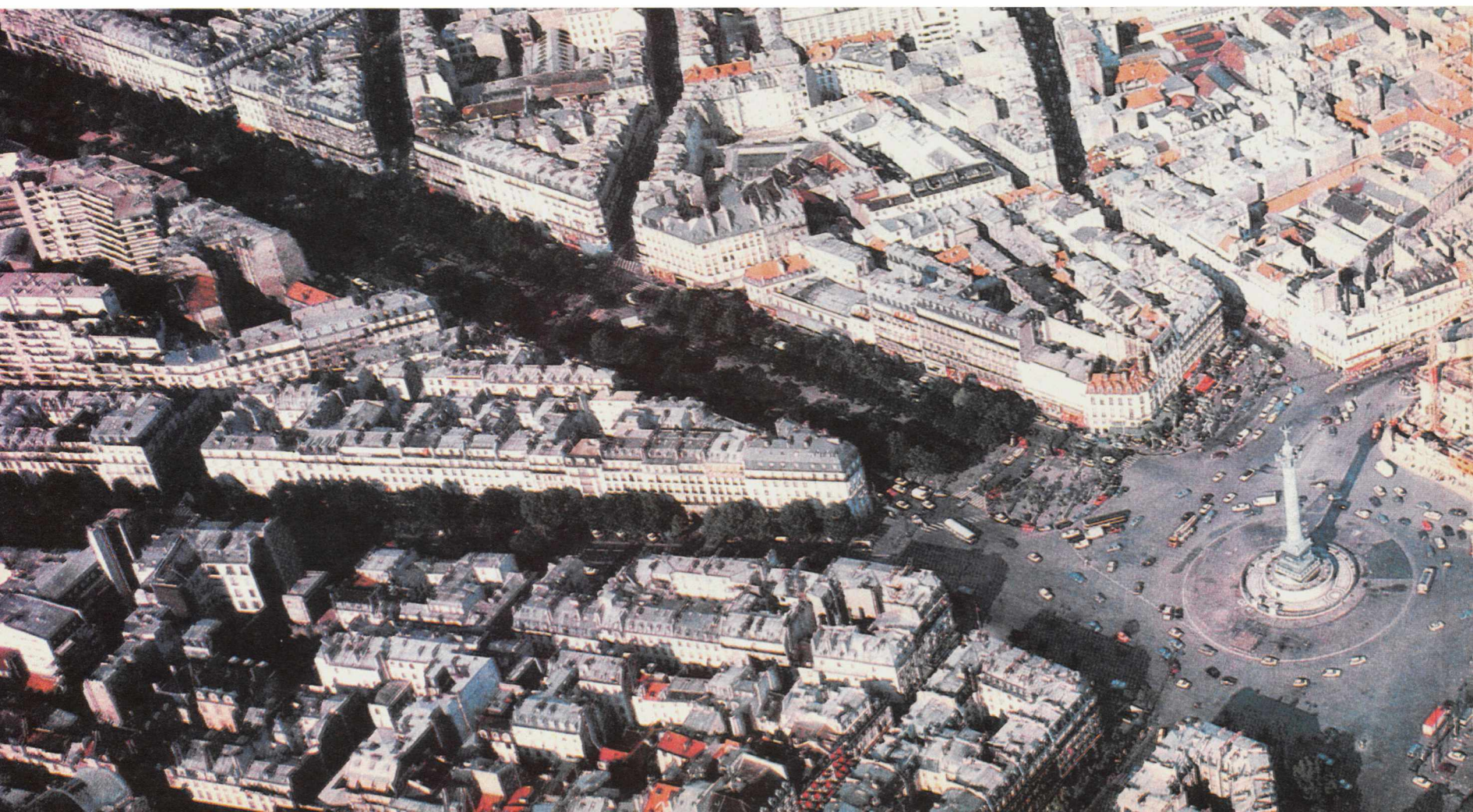
4. ЖВАНЕЦКИЙ И ЕГО МЕСТО

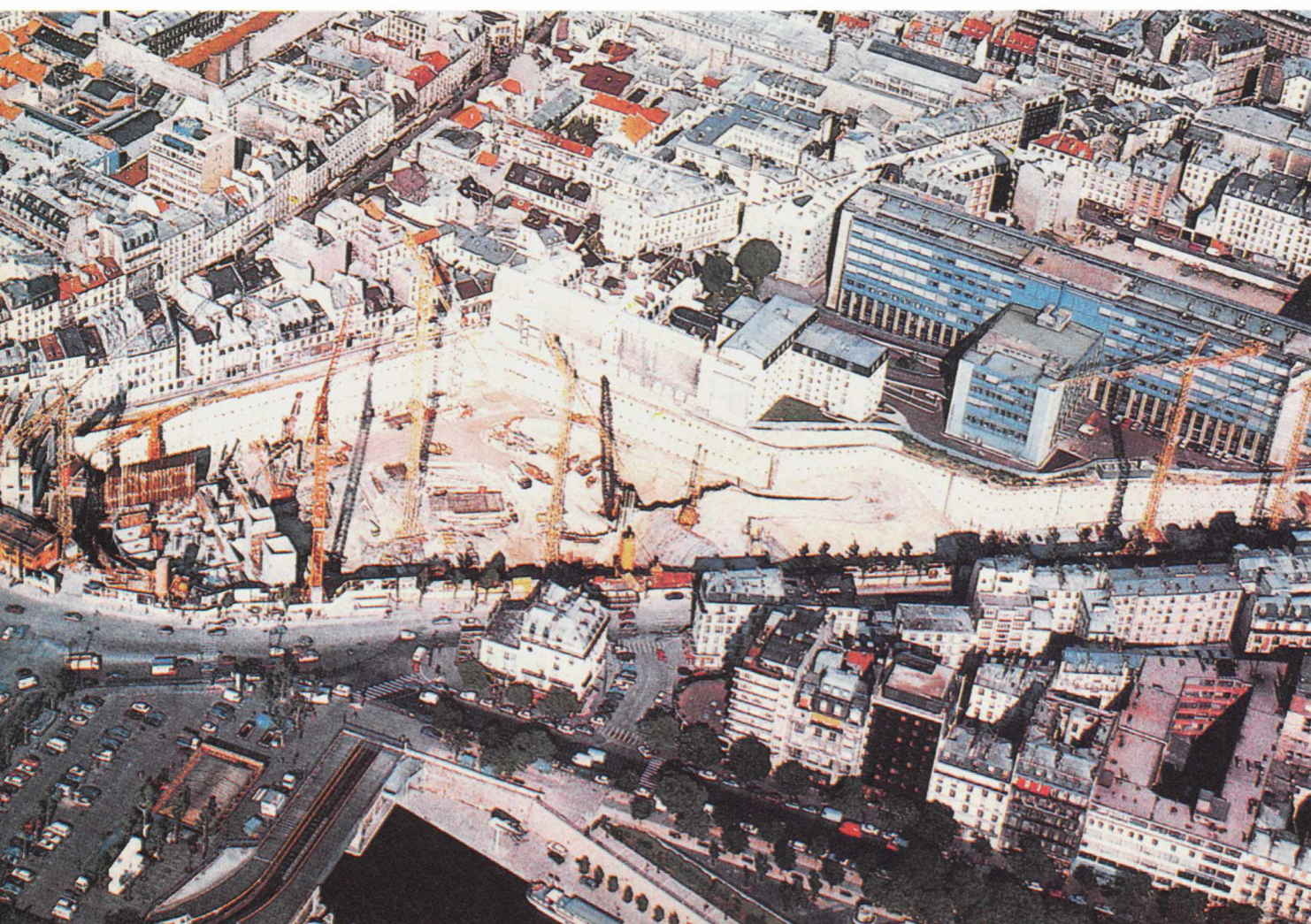
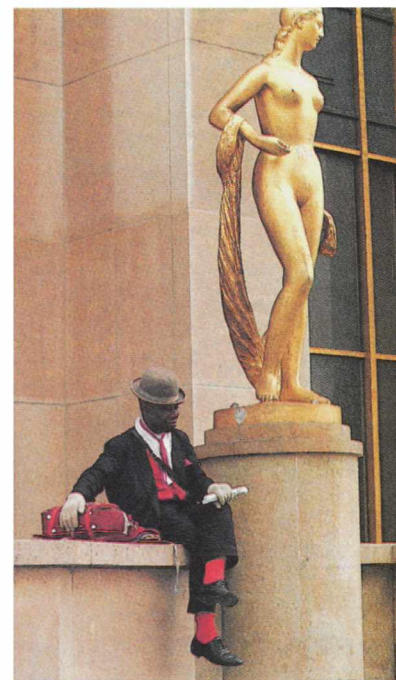
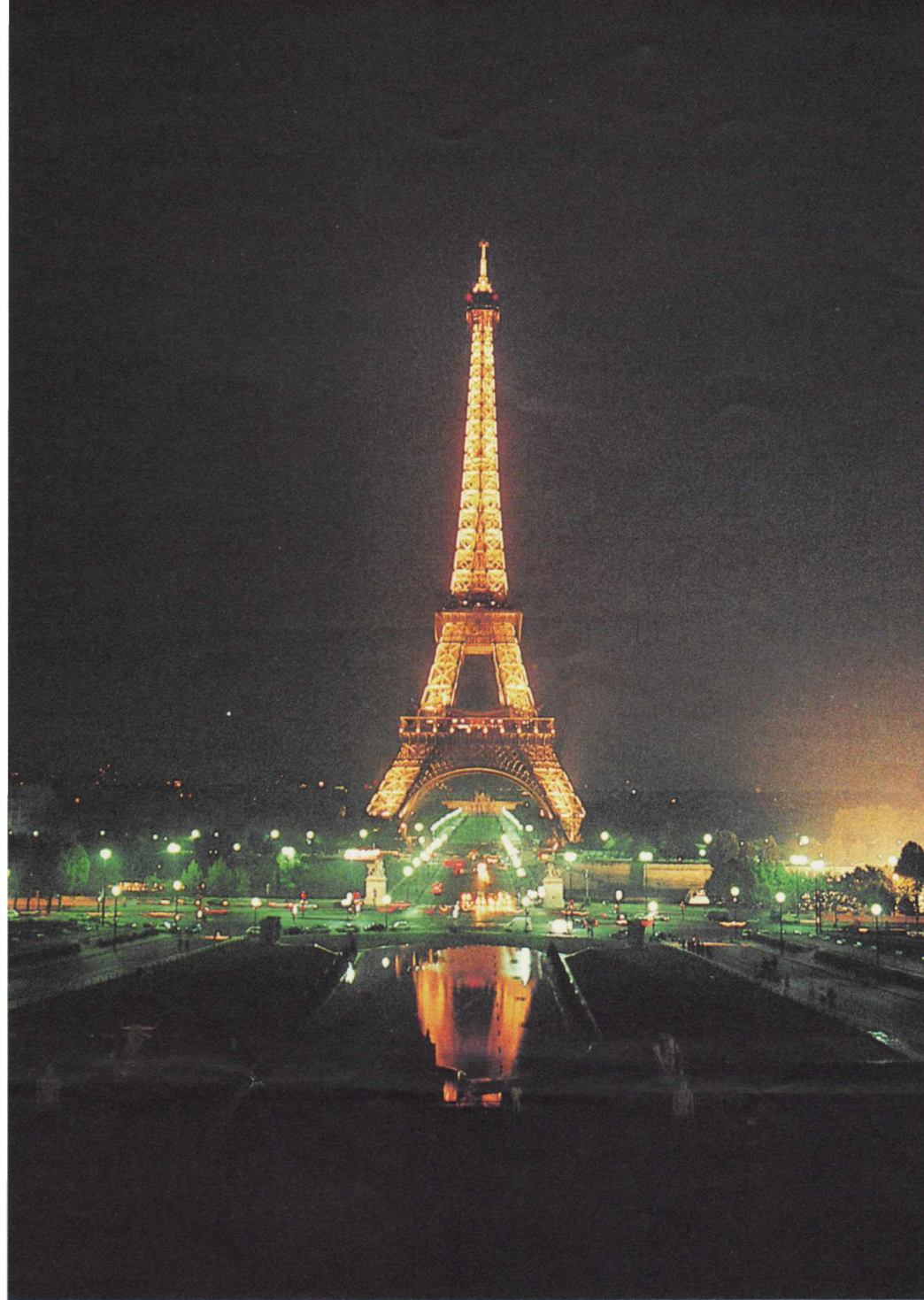
На эту тему в народе существует полный плюрализм. Одни считают, что место писателя в кутузке. Другие, наоборот, предлагают именем Жванецкого назвать международный конкурс остроумцев, где победителям вручалась бы премия из фонда гонимых Михаила Михайловича за один концерт по линии кооперации. Третьи готовы присоединиться то к первым, то ко вторым... Разногласия мнений происходят от необычайной популярности писателя. Проследим же природу такой популярности на одном примере. Известно: чтобы захватить власть, надо взять вокзал, телеграф, почту и запас продовольствия. Чтобы захватить популярность, сейчас надо «брать» телевидение. Телевидение часто производит популярных гомункулов, которые умирают, не получая материнской подпитки в виде участия в любых передачах. Популярность Жванецкого другого рода. Она, выражаясь языком стоматологов, не «молочная», а «коренная». На деле это означает, что Жванецкого можно не показывать по телевидению никогда, а популярность его будет только расти. В каком-то смысле Жванецкого можно рассматривать как зеркало русской интеллигенции, а также как высшую и последнюю стадию.

Предложение: место русскоязычного писателя Михаила Михайловича Жванецкого — на букву «Ж», в «Советском энциклопедическом словаре» под редакцией А. М. Прохорова (Москва, «Советская энциклопедия», 1984 г.) между ЖВАНЕЦКИМ ГОРОДИЩЕМ (трипольская культура у одних, села в Хмельницкой обл. Оборонит. вал, остатки жилища и двухъярусных гончарных горнов) и ЖВАЧКОЙ (пережевывание пищи...).

ДВЕСТИ ЛЕТ НАЗАД,
14 ИЮЛЯ 1789 года,
ВОССТАВШИЕ ПАРИЖАНЕ
ШТУРМОМ
ВЗЯЛИ БАСТИЛИЮ —
СИМВОЛ ФРАНЦУЗСКОГО
АБСОЛЮТИЗМА.
ВЗЯТИЕ БАСТИЛИИ
ЯВИЛОСЬ
ПЕРВОЙ ПОБЕДОЙ
ВОССТАВШЕГО НАРОДА,
НАЧАЛОМ
ВЕЛИКОЙ
ФРАНЦУЗСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ
И КОНЦОМ
СТАРЫХ ПОРЯДКОВ
В СТРАНЕ.
РОДИЛАСЬ НОВАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ФОРМА,
ЗАЛОЖИВШАЯ
ОСНОВЫ
СОВРЕМЕННОЙ
ДЕМОКРАТИИ.
РЕАЛЬНЫЕ,
ЧЕЛОВЕЧЕСКИ
ОЩУТИМЫЕ ПЛОДЫ
ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
ПРИНЕСЛА ЛИШЬ
СПУСТЯ ГОДЫ
ПОСЛЕ ЕЕ ЗАВЕРШЕНИЯ.
О РОЛИ И МЕСТЕ
СОБЫТИЯ
ДВУХСОТЛЕТНЕЙ
ДАВНОСТИ
В СОВРЕМЕННОЙ
ИСТОРИИ
РАССКАЗЫВАЕТСЯ
НА СТР. 26.

1789-
1989

НЕОБХОДИМОЕ ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

Немало поучительных историй можно напомнить в связи с этим. В Кирове, например, православные верующие после упорной борьбы добились-таки перелома в отношении к своим насущным нуждам со стороны руководителей области: в Ровно высоко поднявшаяся волна общественного недовольства улеглась лишь после возвращения храма; в чувашском селе Байгулово в ноябре — декабре минувшего года верующие тридцать пять дней не выходили из Богоявленской церкви, требуя превращения ее из клуба в храм... И настояли на своем, хотя поначалу начальство пыталось сломить их холодом (отключили тепло) и темнотой (отключили электричество).

В Иванове от столкновения выскочила искра, и грянул взрыв: голодовка!

Объявили ее, само собой, не исполкомовские и обкомовские работники, доведенные до края отчаяния перегибающими в своих требованиях гражданами, а пять женщин (вскоре осталось их четыре — одной взятая ноша оказалась не по силам), которые, после многомесячных уроков усвоив, что аппарат им не перетянуть, бросили на чашу весов последний довод — свою жизнь. И 21 марта, в 8 утра уже были у кинотеатра «Современник» и к его стене приставили укрепленное на двух древках полотнище: «Объявляется голодовка с 21 марта. Не едим и не пьем до открытия Красного храма и согласны умереть на родине первых Советов».

Построенная в начале века из красного кирпича и по его цвету получившая второе название — Красный храм — Введенская церковь возвышалась напротив: с узкими стрельчатыми окнами, мощными барабанами и зелеными куполами без крестов. Широкий проспект имени Фридриха Энгельса разделял «Современник» и церковь; по нему прохотали трамваи, катили машины, шли люди. Шел Дубов Лев Николаевич, секретарь облисполкома, — шел и возле женщин приостановился. «Сидите?» «Сидим!» — ответили ему. Он вздохнул: «Что с вами сделаете?».

Целый день возле них толпился народ, высказывая по поводу голодовки различные соображения, среди которых можно, пожалуй, отметить глубоко запавшую в сознание старшего поколения и теперь вдруг прозвучавшую весьма кстати мысль об иностранной разведке, с помощью подкупленных женщин решившей потрясти основы советского строя. Доктор Хайдер, во имя несомненно высоких целей усевшийся голодать напротив Белого дома и за долгие дни своего жертвоприношения на глазах у всего мира обросший бородой, — сколько слов одобрения и поддержки высказали ему на собраниях и митингах незнакомые советские люди! Даже портреты его продавали на московских улицах... Любый протест там у нас привычно рассматривается как должное — в самом деле, что еще остается у них порядочному человеку? Но здесь — с нерассеявшимся еще миром всеобщей гармонии, с билетом на вход в счастливое царство, который вот-вот должна была выписать каждому гражданину добродетельная власть, с еще не отзвучавшими в народной памяти победными трубами в честь достижений индустриализации, коллективизации, покорения природы и преодоления вредных пережитков проклятого прошлого? «Экстремисты...» — сказал заведующий идеологическим отделом обкома КПСС Н. В. Михеев. Они использовали веру в политических целях».

Отчаяние — экстремизм? Вопль о помощи — политическая спекуляция? Стремление к духовной свободе, поставленное выше собственной жизни. — не тот метод?

События, довольно долго вызревавшие в городе Иванове, а затем вырвавшиеся наружу и в считанные дни ставшие известными всему миру, представляются мне слишком значительными, чтобы ограничиться простым их изложением (хотя даже оно, я уверен, оставило бы неизгладимый след во многих сердцах). Противостояние верующих, отстаивающих свое право на общину и храм, и местной власти, зачастую не очень-то склонной считаться с законом, — противостояние, не новое для нашей жизни вообще, — заметно обострилось в последние годы.

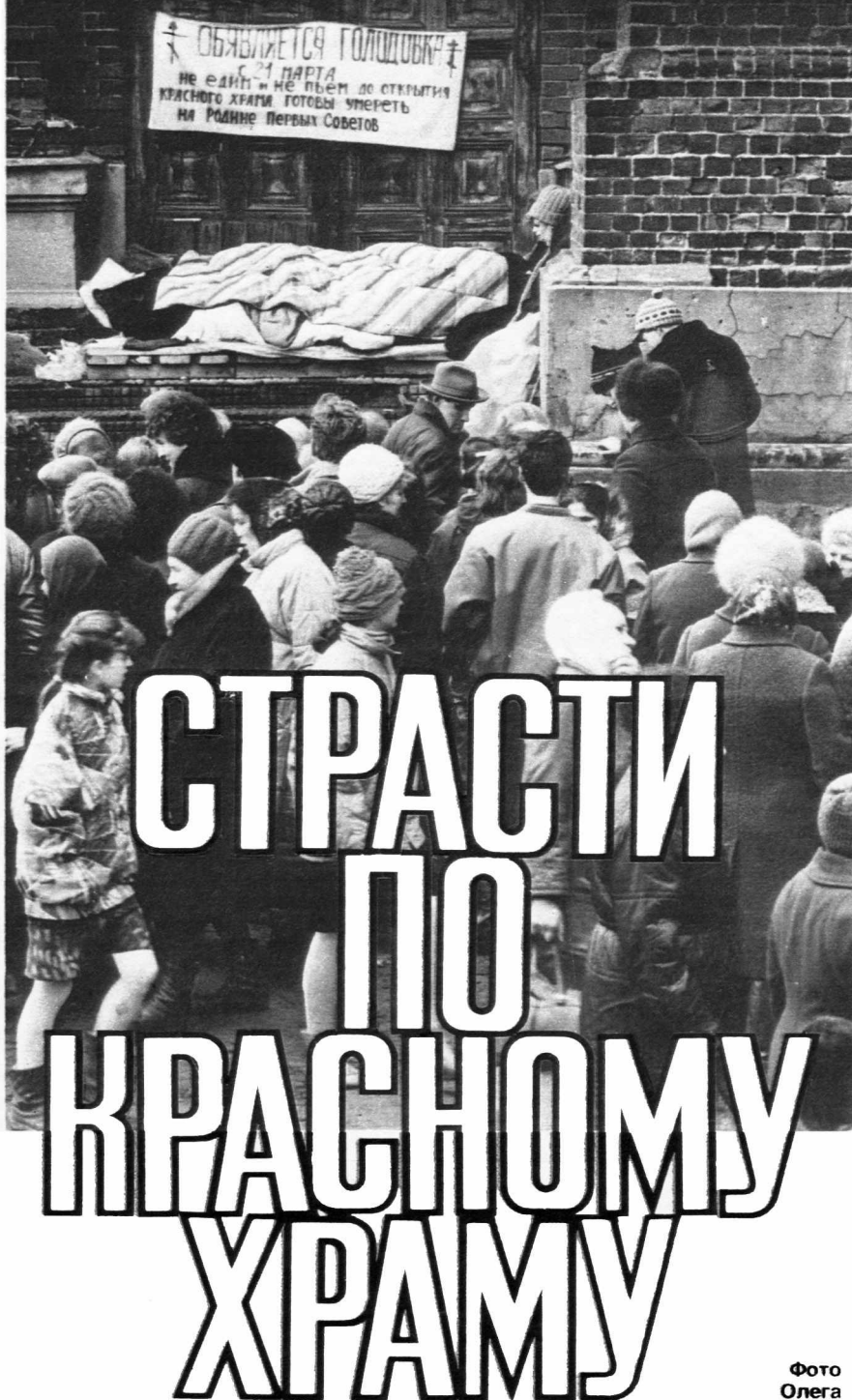

Фото
Олега
КАПЛИНА

Русская трагедия встает перед нами в этих вопросах. Всякий раз, когда по заблуждению ума и сердца общество перестает сознавать значение абсолютных ценностей, когда самородное золото оно разменивает на обиходную медь, когда ждет истины от им же сотворенных кумиров, — тогда в человеке как бы умирает ответственность за все, что происходит с его народом, с его землей и его храмами. И тогда он превращается либо в покорного исполнителя чужой воли, либо в скорбного созерцателя стеснившего Отечество произвола, либо в жертву ничем не обузданного зла. Демократия вовсе не исключает гражданского неповиновения, столь не-

привычного еще у нас для одних и столь ненавистного для других; без него, если хотите, она становится всего-навсего картонной маской, и без него проспект Энгельса обречен остаться улицей, которая никогда не приведет к Храму.

С недавних пор вошедшая в наше сознание символика фильма «Покаяние» придала, как мне кажется, понятию «Храм» нечто общекультурное или, точнее, общедуховное. И стремление спасти храм от разрушения — это прежде всего стремление сохранить исторические основы народного бытия, уберечь питающие нацию корни, защитить источник света, которому грозит мрак

насилия, тем более опасного, что оно искушает человеческую душу соблазнам новой веры, новых богов и новой нравственности.

Вместе с тем было бы непростительным и чисто интеллигентским заблуждением истолковывать понятие «Храм» преимущественно как символ культуры в отрыве от питающей его почвы. Противоборства, происходящие сегодня во многих городах и селах страны и почти зеркально отображающие ивановские события, вряд ли достигли бы такой остроты, если их сердцевинной оказались бы исключительно символы. И сколь ни важно для нас сосредоточенное в стенах православной церкви, католического костела, иудейской синагоги и мусульманской мечети огромное культурно-историческое содержание, сколь ни дорога нам воплощенная в Храме Красота и наглядно скрепляемая им связь времен, — надо признать, что вовсе не это является главной причиной, побуждающей верующих требовать возвращения своих святынь.

Во имя чего в таком случае верующий люд затевает изнурительную для него тяжбу с властью, отправляет в Москву ходяков и пишет отчаянные письма, собирая под ними тысячи (!) подписей? Почему в подмосковной Ивантеевке вот уже два года с неослабевающим упорством верующие отстаивают свое право на церковь Смоленской Божьей Матери, которую пятьдесят лет назад прежняя власть у них отобрала и которую нынешняя власть срочно превращает в музей? Почему волнуется Новосибирск, где на полтора миллиона жителей всего лишь одна действующая церковь и где в центре города, в постыднейшем состоянии, как укор всякому неочерствевшему сердцу, стоит некогда величественный, торжественный, византийского стиля храм во имя Александра Невского — ровесник города, его святыня, слава и память? Была в нем студия кинохроники, теперь затевается реконструкция под филармонический зал... Почему той же болью и тем же стремлением отзываются Симферополь, Челябинск, село Кучиновка Черниговской области, Алушта, Свердловск, райцентр Струги Красные Псковской области, Белая Церковь, Закарпатье, Брест, Пржевальск, Дивеево — десятки городов и селений нашего Отечества?

Миллионы верующих, отмечает журнал «Коммунист», не досадный промах истории, а реальность. И пусть их убеждения будут нелепой ошибкой, прискорбным заблуждением, детской наивностью, но ведь если за семьдесят лет самое передовое мировоззрение не смогло истребить в человеке стремление к Храму, то, стало быть, по трезвому рассуждению, приходится ныне признавать, что это не столько ошибка, заблуждение и наивность, сколько огромный факт народной жизни с глубокими и прочными корнями. Не считаться с ним — значит, впасть в самый худший вид политического идеализма и ставить крест на демократическом развитии общества...

Возле объявивших голодовку женщин сразу же появилась милиция.

ПРИЧИНЫ И СЛЕДСТВИЯ

Я обошел вокруг Введенской церкви. Пятиэтажные дома-коробки из серого кирпича стояли с ней рядом в 4-м переулке Спартака; коробки повыше, панельные, выстроились вдоль проспекта Энгельса; бетонные здания универмага и кинотеатра видны были напротив... Новая жизнь устроила здесь себя как бы наспех, на скорую руку, однообразно и скудно, и вполне можно было вообразить, что, очнувшись, она с горьким изумлением взирала на Красный храм и снова и снова пытается понять причину его красоты и своей гнетущей безликости.

В городе Иванове (население, по данным последней переписи, — 481 тысяча человек) одна православная действующая церковь — Преображенский собор,

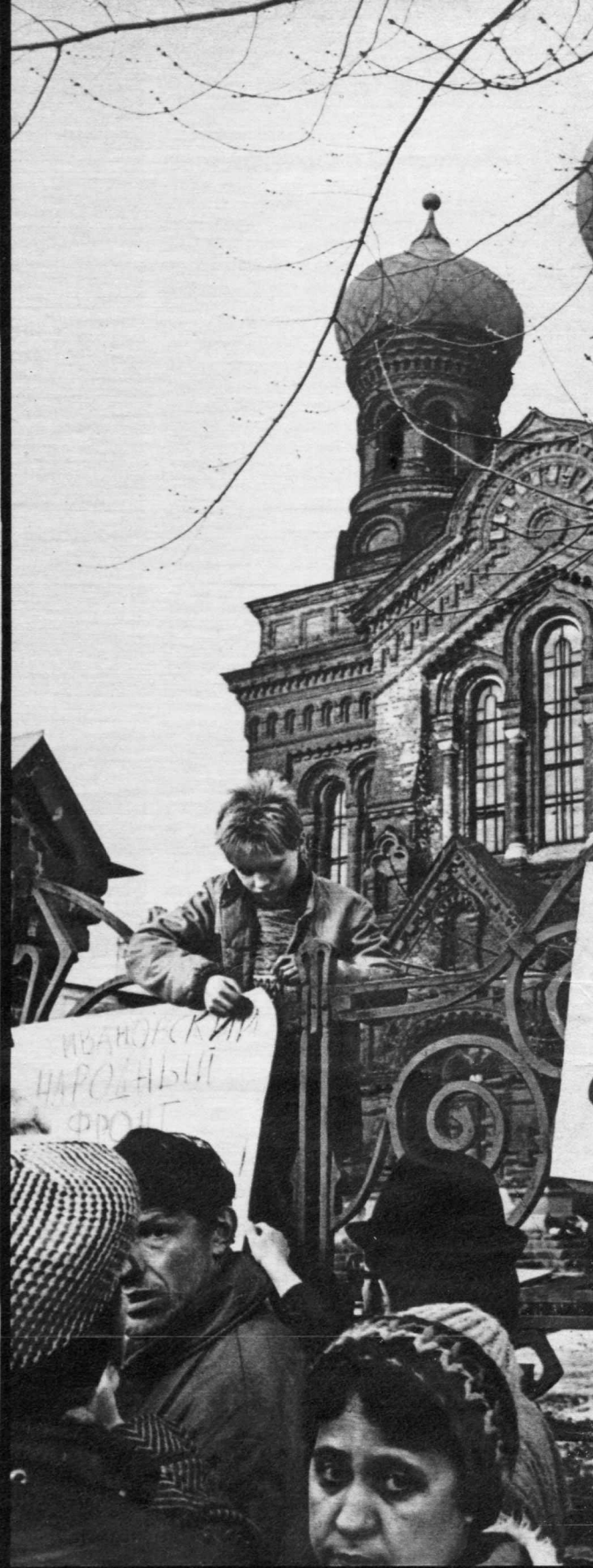

Фото Марка ШТЕЙНБОКА

закрытый в тридцатые годы и возвращенный после войны. (В начале века на 40 тысяч жителей было 11 церквей.) В канун Благовещения, вечером, я напрасно пытался протиснуться внутрь собора.

Если нас унижает столпотворение в магазине, то не стократ ли более для человеческого достоинства страшная теснота в церкви, сопровождаемая увечьями и обмороками?

Провозглашенная нашей Конституцией свобода «отправлять религиозный культ» в таких условиях явственно приобретает черты недоброй пародии и плохо прикрытого пренебрежения к верующим гражданам, которые получают предметное доказательство своей «второсортности». В окутывавшем общество сумраке не различить было нравственных страданий человека, в горестном изумлении спрашивающего — себя, небо, родную власть, — отчего так стеснен он в исповедании своего религиозного чувства, отчего из года

в год обречен проталкиваться к амвону сквозь плотную, жаркую толпу и отчего к главной в его жизни радости он может приблизиться, лишь пройдя какие-то дикие испытания? Кто это все устроил? Зачем?!

Для меня несомненно, что этот, вырвавшийся из оскорбленного сердца вопрос нуждается в объяснении куда более основательном, чем полагают те, кто склонен искать ответ на него (равно как и на многие другие мучительные вопросы нашей жизни) в деятельности некоего тайного сообщества, поставившего своей целью погубить Россию. Сторонникам этой идеи было бы полезно взглянуть чуть пошире и взять, например, себе на заметку, что в братской Монголии маршал Чойбалсан перебил половину лам и уничтожил более семисот церквей и монастырей. И что в неведомой нам сейчас, но некогда чрезвычайно дружелюбной Албании Энвер Ходжа объявил всякую религию вне закона, а в Кампучии мальчики Пол

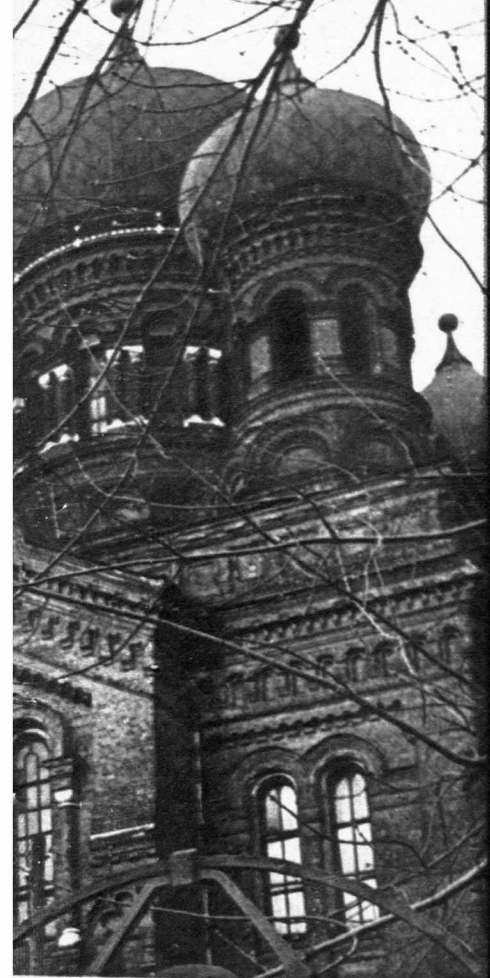
Пота и Йенг Сари, хлебнув поистине адской смеси из пальмового самогона и человеческой крови, убивали мотыгами буддистских священников. Следовательно бы, кроме того, попытаться осмыслить гонения, пережитые церквями социалистических стран Восточной Европы, и объявленный сразу же после Апрельской революции в Афганистане беспощадный поход против ислама — решение, ставшее одной из главных причин десять лет терзающей эту страну войны. Поистине, надо уж очень стремиться принизить понимание сокровенной глубины истории до вполне обыденного уровня, чтобы «тайный заговор» стал универсальной отмычкой едва ли не ко всякой трагедии нашего недавнего прошлого, в том числе и к трагедии, постигшей Храм.

Великий гражданин Владимир Галактионович Короленко в одном из шести своих писем к А. В. Луначарскому с глубокой горечью писал: «Вы являете первый опыт введения социализма посред-

ством подавления свободы. Что из этого может выйти?» «Вы хотите неклассового общества, общества коммунистического содружества, — пытался он убедить народного комиссара просвещения при личной с ним встрече в Полтаве в июне 1920 года, — для вас человеческая личность должна быть святей, чем для кого-нибудь другого, а вы ее топчете».

Короленко за социализм, поскольку, по мнению писателя, лишь этот общественный строй может обеспечить социальную справедливость. Но он вместе с тем решительно против такого социализма, который поднимается на костях затоптанной свободы.

Из несвободы как всеобщего принципа неизбежно вытекает ожесточенное грубым материализмом отношение нового строя к церкви, после 1918 года оставшейся, по сути, единственной организацией, еще сопротивляющейся тотальному насилию над духовной жизнью и пытающейся отстоять независи-

ЦЕРКВИ
НАРОДУ
НЕ СКАЖИ

скрести поверхностный и примитивный атеизм многих руководящих товарищей, и за ним почти безошибочно откроется нелюбовь к свободе вообще, тяга к приказу, команде, силовому давлению, страх перед многообразием жизни и стремление во что бы то ни стало загнать ее в привычные рамки своих представлений, навыков и убогих идей.

Ну вот, скажем, почему так упорно отказывали ивановские власти в регистрации второго православного общества (а заодно — и третьего)? Должностные лица, все поголовно с высшим образованием, не понимали разве они, что поступают незаконно? На ленте магнитофона остались разговоры верующих с секретарем горисполкома Л. Антоновой, секретарем облисполкома Н. Балабановой (теперь — заместитель председателя облисполкома), председателем облисполкома В. Тихомировым, бывшим уполномоченным Совета по делам религий А. Лысовым, — и, слушая их, я начинал понимать, какую глухую удушью тоску может испытывать человек, ощутивший себя заложником расчетливого бюрократического абсурда. «Они не ваши слуги, — стеной вставал Лысов на защиту руководителей, — а слуги народа». «А мы кто — не народ?» — спросили верующие, указав, что их просьбу поддерживают тысячи жителей города. Лысов отбил, не дрогнув: «Вы — люди. А народ — имеется в виду вся область».

Аппарат откровенно надеялся взять измором, переждать точку кипения и с тихим торжеством спустить на тормозах. Однако не получилось: после четвертого хождения ивановских граждан в Москву, к двухэтажному особняку на Садовой, Совет по делам религий при Совете Министров СССР своей властью отменил незаконный отказ и зарегистрировал вторую православную общину в Иванове (а вслед за ней и третью).

Председатель Ивановского горисполкома Анатолий Павлович Головкин — невысокий, крепкий человек сорока двух лет с хорошим, открытым лицом. Мы встретились в апреле, я спросил: «Тогда, в августе прошлого года, какие у вас, Анатолий Павлович, были основания отказывать в регистрации второго православного общества?» Он мягко ответил: «Мое, например, мнение личное — я против того, чтобы расширять на сегодняшний день церковную общину». «Причины?» «Ну, чисто, может быть, по атеистическим, что ли, причинам. Мне кажется, это не тот выход. Не тот путь. Может быть, потому, что я воспитан в духе атеизма. Мне, например, претит, если откровенно, между нами говорить, расширение на сегодняшний день круга... числа верующих. Исполком не счел в принципе нужным зарегистрировать эту общину потому, что, как мы считаем по своей статистике, у нас около пяти тысяч верующих... Это не официальная статистика, а по нашим прикидочным данным. Такое количество — мы и на исполкоме считали — для него достаточно одного храма».

У исполкома, таким образом, одна статистика (выдающая, кстати, тайный учет верующих граждан), у епархии — своя, более достоверная.

Но даже если бы агентурные, так сказать, данные, полученные представителями Советской власти, не вызвали сомнений — это обстоятельство ни в коей мере не могло бы служить основанием для отказа в регистрации религиозного общества. Заявления двадцати человек — по закону — достаточно для того, чтобы община получила право на существование; а в нашем случае просили об этом три тысячи граждан!

На симпатичном лице Анатолия Павловича возникла и сделала его еще более привлекательным улыбка — как бы стеснительная, но в то же время, несомненно, и снисходительная. «Ну, я не знаю... Это опять надо вести разговор о чисто человеческом понимании. Вы говорите, что по закону — нет. Но по закону многого у нас нет. Мы долж-

ны и сами как-то думать. Правильно? Не во все же инструкции можно уложиться, существующие на сегодня».

Чтобы доходчивей выразить и без того банальную мысль, что для нас, граждан СССР, советские законы являются обязательными, я даже прибег к довольно-таки школьному примеру о штрафе за переход улицы в неположенном месте. Головкин возразил: «Это явные законы». «А этот, — спросил я, имея в виду законодательство о религиозных культах, — не явный?» «Я еще раз говорю, — со вздохом промолвил председатель горисполкома, — что это все-таки зависит от нашего мировоззрения. Должна быть своя точка зрения».

Жутковато становилось мне между тем в его кабинете. Если бы он один такой нашелся на всю нашу державу, то в конце концов можно было бы и рукой махнуть. Но я совершенно точно знал, что и в других городах, областях, краях и республиках в крепких руках держат власть люди, которые, подобно Анатолию Павловичу, терпеть не могут верующих, причем вовсе не потому, что с молоком матери воссали атеизм (о настоящем, глубоком, подчас трагическом атеизме они часто и понятия не имеют, и вся их философия сводится к двум-трем затвержденным еще в юности шаманским заклинаниям).

Православные ли, католики, мусульманы или протестанты обладают чувствами для них понятиями о духовной свободе и вредной в их глазах склонностью упорно добиваться ее действительного осуществления. И так сильно еще идущая от самых истоков традиция подавления духовной свободы, такую негласную, но прочную поддержку еще получает она и так, судя по всему, отвечает тому идеалу общества, который любезен иным руководителям, что они совершенно не стесняются с замечательной ревностью лишать верующих весьма скудных (шаг влево, шаг вправо — считается побег) прав, отпущенных им бывшим семинаристом в год великого перелома.

Но, чтобы открыто нарушать закон, нужна, я полагаю, твердая уверенность в том, что даже легкого шлепка не последует в наказание, — не так ли?

НЕ РАБ, НО СЫН

Не следует вместе с тем думать, что лишь верующие испили из этой горькой чаши. Если реальной властью обладают силы, стремящиеся заключить жизнь в рамки жесткой детерминированности, если мрачные грезы о послушном народе еще и поныне владеют верховными умами, и если к молодому вину перемен усердно подмешивают изготовленную в годы застоя плодородную сивуху, то едва ли не всякое движение общества к подлинной демократической независимости будет неизбежно наталкиваться на глухую бюрократическую стену. Однажды вечером в моем номере собрались «неформалы» — человек двадцать. Разные тут были люди: юристы, музыканты, студенты, педагоги, инженеры, кооператоры — словом, российские интеллигенты, с очень внимательным, трезвым и острым взглядом на общественную жизнь города Иванова.

Лично для себя они не искали ровным счетом ничего; притягательной точкой их помыслов была, если говорить вообще, духовная свобода — та самая духовная свобода, право на которую с таким мужеством отстаивали верующие. Но для чего вдруг понадобилась им она? Почему раньше они могли обходиться без нее, и жили, и обзаводились семьями, и получали зарплату, и растили детей? Да потому, что, чувствуя себя рабом, человек слагает с себя ответственность за судьбы города, области, страны и мира; но стоит ему лишь однажды осознать свою сыновность, как в нем тотчас пробуждается от рода присущее стремление творить более достойную, более гуманную, более нравственную жизнь. Страсть

к общественному творчеству возникает в нем — и это, быть может, есть самое главное достижение нашей перестройки.

Весь город в ту пору был взбудоражен событиями вокруг Красного храма; с них и начали. «Городское и областное руководство отнеслось к этим событиям со старых позиций, оно не желает уступить и пяди», — сказал сотрудник Дворца пионеров А. Хитров. «Настало между тем время, когда невозможно не считаться с людьми. Надо делиться властью, а они не хотят. Налицо неведение в народ», — сказал Л. Беляев, председатель профкома энергоинститута, — пренебрежение его интересами, страх перед ним... Это настолько не вяжется с тем, что мы читаем!» «Голодовка верующих всех объединила», — сказал художественный руководитель областной филармонии А. Резник. — 31 марта заседал исполком горсовета, народ двинулся туда. Там уже каре из милиции. Никто не выступал, не было ни лозунгов, ни плакатов, стояли, ждали. Спросили начальника: что решили власти? Он в мегафон: просьба разойтись! Милиция двинулась на людей». «Меня задержали», — сказал С. Михеев, студент 4-го курса сельхозинститута. — Злобное неповиновение властям, сопротивление. На следующий день — суд. Я попросил, чтобы привели человека, который меня задержал. Пришел совсем другой, на все мои вопросы отвечал невпопад. Оштрафовали на 25 рублей, говорят: иди! А в институте уже знают, что меня задержали; уже звонок был, чтобы меня исключили. Мне в милиции говорили: умирают они — и пусть умирают. Тебе что за дело? Мне жить стало страшно!»

Тишина наступила после этих слов Сережи Михеева. Мне кажется, я вполне точно знал, о чем думали сейчас мои собеседники, собравшиеся в номере гостиницы «Центральная». Молодой человек поверил, что он может быть гражданином, что политика касается его в той же мере, как, скажем, и первого секретаря обкома партии, — и получил деспотический пинок в незащищенную душу. Ни одного из нас «казарменный социализм» не хочет выпустить за порог своего мрачного общежития, в другую жизнь: но увидевший свет и осознавший себя сыном уже никогда не вернется назад.

«Вот вы, — обратился ко мне А. Рождественский, председатель кооператива инженерного дизайнера, — начали нашу встречу с того, что узнали, кто мы, где работаем. В городе же о нас создают представление, что «неформалы» — это какие-то безымянные силы, подстрекатели, которые что-то нехорошее делают с народом, мутят воду... Сомнительные люди с нулевой общественно полезной деятельностью. Основная тема нашего руководства, когда речь заходит о «неформалах», — хватит разговаривать, давайте работать! Как будто мы все безработные и только и делаем, что шастаем от митинга к митингу». «Третий месяц», — сказал Е. Соколовников, руководитель городского хора ветеранов партии, член Союза журналистов СССР, — мы добиваемся регистрации совета, который бы координировал деятельность «неформалов». Третий месяц эта волянка длится, они категорически отказываются нас регистрировать как общественную организацию, не приводя никаких доводов, кроме одного: нецелесообразно!» «Действительно», — сказал член исторического клуба «Иваново-Вознесенск» реставратор Л. Шлычков, — Иваново — родина первых Советов. Но ведь нельзя же 1905-м годом подменять все историческое наследие! Мы добились, чтобы Министерство культуры постановило на охрану тринадцать улиц. Но сносят и здесь. Вот недавно — дом из фоновой среды, прошлый век, низ каменный, верх деревянный. Мы говорим: он на охране, нельзя ломать! По личному распоряжению Головкина ночью дернули тросом, верх свалили... В области больше двух тысяч гибнущих памятников,

мость мысли и совести от посягательств государства. «Вы обещали свободу, — читаем в послании патриарха Тихона Совету Народных Комиссаров по случаю первой годовщины Октябрьской революции. — Великое благо — свобода, если она правильно понимается, как свобода от зла, не стесняющая других, не переходящая в произвол и своеволие. ...Особенно больно и жестоко нарушение свободы в делах веры».

Замечательно совпадение оценок последовательного демократа Короленко и вряд ли близкого ему по убеждениям православного патриарха. Мы никогда не поймем действительных причин беспощадно жестокого отношения социализма отечественного, так сказать, образца к церкви и верующим, если упустим из виду точно такое же отношение к необходимым для нормального развития общества демократическим принципам. Даже сейчас, семьдесят лет спустя, достаточно чуть понастойчивей по-

средств на реставрацию нет, а они не хотят отдать Красный храм верующим, которые бы привели его в порядок».

В память о нашей встрече кто-то из них подарил мне брошюру из восьми листов: справочный материал о «неформалах» в Иванове, выпущенный обкомом КПСС в помощь горкомам и райкомам партии. Тяжкое впечатление, надо сказать, оставляла она. Вот, к примеру, какой оценки удостоились Л. Шлычков и клуб «Иваново-Вознесенск»: «В его предложениях немало интересного, но, отстаивая историческое наследие, он подходит к нему с размытых, внеклассовых позиций и слабо увязывает наше наследие с задачами современного развития. Прослеживается в позиции тенденция к конфронтации с партийными и советскими органами («Давайте объединяться, чтобы оказывать давление на не понимающие нас власти»)). Имеющий некоторый опыт вдумчивый читатель тотчас обнаружит, что ему до боли знакомы эти мертвые слова, способные, однако, удушить любое творческое начало. «Внеклассовых позиций» можно запросто исключить жизнь не только скромному реставратору, но даже и Нобелевскому лауреату; а сыновнюю боль за гибнущее достояние отцов при известном навыке можно легко изобразить требующей особого надзора «тенденцией к конфронтации». И разве так уж в самом деле хрупки, нежны и ранимы обком и облизполком, разве хоть отчасти напоминают они какую-нибудь беззащитную девицу, что на них ни в коем случае нельзя «оказывать давление», чтобы побудить наконец всерьез заняться спасением культурно-исторического наследия?»

Стремясь расстаться со своим прошлым, общество решительно двинулось вперед; события катят валом, лики и голоса времени многообразны, а из брошюры привычно грозит высохший палец: за пределами «партийной линии на перестройку... поиск решения общественных проблем бесперспективен. Любая попытка выработать альтернативу партийной линии... направлена на срыв перестройки». Политическое клеймо, как мы видим, уже наготове: дело за лбами, на которых, по старым канонам, полагается его выгнать.

ИГРЫ

Было бы в высшей степени несправедливо изображать председателя горисполкома Анатолия Павловича Головкина главным противником духовной свободы в Иванове вообще и свободы совести в частности. Его личный и значительный вклад для нас несомненен; но в то же время, будучи далеко не детьми и имея за плечами определенный опыт, мы с вами прекрасно понимаем, что если обком партии против передачи храма верующим, то и обл- и горисполкомы по принципиальным соображениям займут точно такую же позицию. А обком против — и никуда от этого не денешься.

Правда, высказаться от всего сердца, как Головкин, прямо заявивший, что увеличение числа верующих ему претит, руководящие работники областного комитета партии себе позволить не могут. Не будем догадываться, каковы их истинные взгляды; у них в конце концов есть позиция, которую они не таят от граждан города и области и с которой познакомили и меня.

Я внимательно выслушал короткую, энергичную речь первого секретаря обкома КПСС Михаила Александровича Князюка. Он указал, что надо решать тысячи неотложных вопросов. С жильем, например (приходит женщина, трудившаяся в войну не покладая рук, а она до сих пор в общежитии), в социальной сфере (первой городской больницы в буквальном смысле нужны подпорки), в торговле, коммунальной сфере, сельском хозяйстве — повсюду непочатый край непростой работы. А тут — голодовка. «Бывает», — сказал

Князюк, — ребенок начинает капризничать, упадет на пол и дрыгает ногами... Мы им предлагаем другую церковь — не хотим». (В многосложных своих заботах Михаил Александрович мог и запмятовать, что другую — Ильинскую — церковь хотела бы получить третья православная община, которую — вопреки решению местной власти — зарегистрировал Совет по делам религий при Совете Министров СССР.)

Был апрель; еще совсем недавно кипели предвыборные страсти, и кандидаты в народные депутаты СССР М. А. Князюк, на одной из встреч с избирателями, отвечая на вопрос о судьбе Красного храма, объяснил, какую огромную ценность представляют хранящиеся в Красном храме документы, и добавил, что их не удастся полностью разместить в строящемся сейчас специально для архива здании.

Я отправился в областное архивное управление, к его заведующей Л. Н. Лисицкой. Да, подтвердила она, новое здание в нынешнем году будет завершено. По проекту оно рассчитано на полтора миллиона дел, но вместит скорее всего на четыреста тысяч меньше. Стали считать: в Красном храме находится чуть более пятидесяти тысяч единиц хранения; в Ильинской церкви — свыше двухсот тысяч; около ста тысяч дел надо принять от ведомств и, кроме того, разгрузить райгосархивы. Работа большая, кропотливая, и вся площадь нового архива, по словам Людмилы Николаевны, будет занята не раньше чем только через пять-шесть лет. «А Введенскую церковь», — сказала она, — мы полностью освободим к середине 1990 года. В конце концов мы и здание строили, чтобы уйти из церкви».

Можно было бы, конечно, и это до недавнейшей расхождению, эту неведомо как закрывшуюся в ответ Михаила Александровича своим избирателям не точность, это, прямо скажем, глупое недоразумение списать на чрезвычайную перегруженность работами, если бы мы давным-давно не подметили у наших руководителей склонность к разного рода играм с народом. Красный храм не может быть передан верующим не по какому-то идеологическим соображениям, не из боязни поруки основополагающих принципов, не из стремления всемерно ограничить свободу, а только лишь из-за того, что новый архив не вместит всего бесценного достояния, среди которого, оказывается, есть документы, ныне крайне необходимые для реабилитации жертв периода культа личности... Едва заметный перенос удара, небольшая натяжка — и вот уже в массовом сознании возникает образ тупой православной толпы, которой вынь да положь возможность расширить себе лоб в земных поклонах именно во Введенской церкви и которой наплевать на общенародное достояние и скорбь о мучениках сталинского времени.

Полноте, товарищи! Бесценное достояние, говорите вы? Да, воистину; но ни в одной просвещенной стране оно не находится в столь ужасающем состоянии, как в нашем Отечестве; ни в одной уважающей свое прошлое державе оно не гниет и не горит, как у нас; и ни в одном цивилизованном государстве не сооружают архива по проекту почти двадцатилетней давности, как это сделали в Иванове. Что же касается реабилитации, то я, право, не слыхивал, чтобы в государственном архиве хранились доносы секретных осведомителей, протоколы допросов и приговоры «троек» — искать все это следует в учреждениях совсем иного профиля. И вряд ли в Ивановском областном архиве прилежный исследователь отыщет дело православного священника Михаила Аретинского из Шуйского района: арестованный и сосланный на три года в 1929-м, он в тридцать пятом получил новый срок и, поглощенный ГУЛАГом, бесследно исчез, оставив сиротами восемь детей... Под сводами Введенской церкви на деревянных стеллажах наверняка нет дела адвентистского про-

поведника Петра Кулакова, в сорок шестом вторично арестованного в Иванове и получившего десять лет лагерей за «антисоветскую пропаганду», которой — по мнению дотошного следствия и справедливого суда — являлись его беседы о Боге, Библии, добре и зле. Не найдем мы в Красном храме и дел двух сыновей Кулакова, Стефана и Михаила, осужденных два года спустя все по тому же обвинению. (Михаил вынес заключение и ссылку, сейчас он — председатель республиканского совета церкви адвентистов седьмого дня в РСФСР; его брат, боевой офицер, прошедший от Москвы до Берлина, погиб в лагерях.)

Или, может быть, в госархиве хранятся материалы об изъятии церковных ценностей, а, попросту говоря, о разграблении храмов в начале 20-х годов? Шуйский житель Федор Петрович Тихомиров мне пишет, что в городе и его окрестностях до революции было более полутора десятков храмов и один женский Всехсвятский монастырь. С тридцатых годов ни одной действующей церкви в Шуге не осталось, сообщает Федор Петрович и продолжает: «Последним был закрыт Воскресенский собор. В 1922 году я был подростком, учеником VI класса. Но все равно горько на душе. Видел я Воскресенский собор до изъятия серебра и золота. Это был величественный храм с многоярусным иконостасом. Все иконы имели серебряные оклады, а одна, особо чтимая верующими икона Шуйской Смоленской Богоматери, написанная в 1654 году, была облачена в будничные дни в серебряный оклад с золотым венцом на Богомладенце и Богоматери, а в праздничные дни — в жемчужную ризу... Теперь в Воскресенском соборе так называемая межрайбаза. В войну сбросили позолоченные главы, вода, проникая в здание, испортила древнюю настенную живопись. Так жаль — не выскажешь!»

Уже знакомый нам заведующий идеологическим отделом обкома партии Н. В. Михеев само расположение Красного храма считает весомым доводом против того, чтобы передавать его верующим. В центре города действующая церковь не нужна, убежденно говорил Николай Васильевич, совершенно позабыв, что в столице нашей Родины неподалеку от Красной, Новой и Старой площади находится добрый десяток храмов, колокольным звоном призывающих прихожан на литургии и всеобщие.

Особенно же глубокое впечатление производило стремление Михеева подвести под свои оценки случившихся в Иванове событий конституционную и даже богословскую базу. Он вспомнил 52-ю статью Конституции СССР и записанное в ней запрещение разжигать вражду и ненависть в связи с религией и нашел, что действия объявивших голодовку женщин посеяли злую рознь среди тихих ивановских граждан; он отметил, кроме того, вопиющее несогласие этих действий с канонами Библии, которая призывает верующих к смирению и терпению. Екклесиаст и Исайя, сказал он, учат терпению. Бог дал тебе жизнь — он и прервет ее, заключил Николай Васильевич и подвел последний и неотразимый итог: «Тем самым действия верующих идут вразрез с христианством».

Непросто возражать столь эрудированному человеку. И если я все-таки осмеливаюсь на такой отчаянный шаг, то исключительно из уважения к истине, самому духу которой не приемлема подмена важнейших для общества смыслов и выстраданных человеческим понятием.

Действительно, жители города далеко не однозначно отнеслись к выбранной четверым женщинами форме гражданского протеста. Но понятное расхождение во взглядах на голодовку (при том, что справедливость требования верующих в принципе сомнений не вызывала) лишь в очень возбужденном воображении способно вызвать призрак

Варфоломеевской ночи и уж, конечно, не может скрыть действительной ответственности тех, кто с самого начала предпочел закону произвол. Мне кажется, кроме того, что если бы товарищ Михеев (и другие товарищи) хоть единожды в жизни потрудились внимательно прочесть Библию, то это не причинило бы ровным счетом никакого ущерба его мировоззрению, но зато существенно повысило бы его общекультурный уровень. Я даже больше скажу: и политический тоже, ибо Библия учит мудрости. И если бы товарищ Михеев хотя бы однажды с должным тщанием прочел книгу Екклесиаста или Проповедника, то, может быть, запомнил бы, например, следующее: «Бывает время, когда человек властвует над человеком во вред ему». Или: «Притесняя других, мудрый делается глупым». Или же: «Мудрость лучше воинских орудий; но один погрешивший погубит много доброго». И, поразмыслив над этим, они, быть может, взглядом трезвых политиков обозрели бы страну нашу, и без того взволнованную кровью, пролитой в Армении, Азербайджане, Грузии и Узбекистане, утомленную постоянной борьбой о пропитании, замученную предыдущими корыстными и тупыми вождями, — и, обозрев, сказали: «К чему нам раздражать народ наш ивановский и запрещать ему то, к чему он стремится? Зачем нам разжигать в государстве нашем еще один очаг недовольства? Ведь не враги мы себе и своему народу!»

Христианское смирение вообще представляется властям беспроигрышной картой, которой можно безбоязненно покрыть собственные прегрешения против закона и демократии. Чрезвычайно кстати вспомнить о благочестии и кротости, когда надо регистрировать новое религиозное общество, — вспомнить и укорять измучившихся людей в нарушении канонов их вероисповедания. Ухватив из Евангелия, что всякая власть от Бога, куда как сподручно этими словами, будто фиговым листком, прикрыть свое холодное презрение к чувствам верующих и свое пренебрежение священным долгом быть подлинно отеческой властью для всех без исключения граждан Отечества...

Первый секретарь Ивановского обкома КПСС М. А. Князюк народным депутатом СССР не стал: он проиграл на выборах бригадир слесарей-сварщиков Ивановского завода автомобильных кранов А. И. Стрелкову.

СВИДЕТЕЛЬСТВА

На двенадцатые сутки голодовки ранним утром первого апреля их перевезли в областную больницу, где сначала поместили в реанимацию, а затем в терапевтическое отделение. Состояние четырех женщин, само собой, было не из лучших; бодрее и тверже других держалась Лариса Васильевна Холина, зубной врач поликлиники меланжевого комбината, председатель исполнительного органа («двадцатки») второй православной общины, но видно было, что и ее силы на пределе. Гораздо слабее выглядели ее двадцативосьмилетняя дочь Маргарита Александровна Пиленкова и сорокашестилетняя Валерия Константиновна Савченко; Галина Ивановна Ящукоская (ей сорок восемь) в сравнении с ними казалась покрепче.

Не менее, чем их физическое состояние, тревожило меня их состояние нравственное; говоря же точнее, я боялся фанатизма, озлобленности, этак, знает ли, жертвенной одержимости, с какой несчастные иранские мальчики бежали на минные поля, веря, что гибельный огонь сразу вознесет их в обещанный аятоллой рай. Однако нетерпимости, стремления во что бы то ни стало настоять на своем, вырвать непокоренное, воздать, по закону Моисееву, злым на злое в них совершенно не было. А было оскорбленное чувство и нежелание мириться с очевидной несправедливостью. Холина рассказывала (часто переводя дыхание и маленькими глотками отпивая из стакана

воду, которую они позволили себе после шести суток сухой голодовки): «Мы были согласны ждать. Была бы гарантия — уедет архив, и храм передадут верующим. Но когда поняли, что придется по третьему кругу ходить туда-сюда... Двадцатого марта передали в облисполком заявление о голодовке. Дубов, секретарь облисполкома, мне вечером звонит: отложите эту акцию на один день, дайте нам подумать, проконсультироваться. Мы откладывать не стали. Они, — голос Холиной дрогнул, — нас обманывают на каждом шагу, мы убедились».

«Первую ночь, — продолжала Холина, — мы не спали. Было холодно, ветер, зимой задуло. Тревожно нам было. На следующий день, в одиннадцать тридцать, подъехали два автобуса, вышли милиционеры, человек, наверное, пятнадцать. Раздвинули толпу и нам объявили: есть решение горисполкома, вы должны отсюда уйти. Мы молчим. Один из них сорвал плакат, другие взяли нас за руки и за ноги и потащили в автобус. Как дрова. Народ кричал: не позорьте свои погоны! Привезли нас в ограду Введенской церкви, выгрузили. Мы встали, встряхнулись. Вот, говорят, ваш храм, молитесь, голодайте хоть год. Мы спросили: нам что, только здесь можно находиться? А там северная сторона, холод, и лужа большая. Они говорят: где хотите. И уехали. Мы обошли кругом, взяли доски и на южной стороне сели. Сидим. Тут еще один автобус приехал, и тоже с милицией. Мы из Октябрьского района, говорят, вы почему пришли на нашу территорию? Давайте собирайтесь и уходите. Откажетесь уйти добровольно — мы вас погрузим и обратно отвезем. Среди них нашелся, правда, один, позвонил начальству. Приехал Демьяненко, он, кажется, полковник, сидите, сказал, никто вас не тронет. Нас больше не трогали. Так мы до 31-го на ступенях храма и жили. Спали на досках. Одежда нам принесла, а поверх укрывались полиэтиленовой пленкой — от дождя, снега. Первые шесть дней без воды было очень тяжело. Без воды, без клизмы. Доктор Хайдер в Америке, он регулярно очищался. В бригаде, у реставраторов, есть туалет, мы туда сунулись, пророб нас прогнал. Как вы сами все организовали, так и решайте сами ваши дела. Идите, говорит, к «Современнику» — это через проспект, туда, где мы первый день сидели. А у нас уже слабость, голова кружится, сердцебиение. Меня рвало. Потом, правда, устроилось: одна женщина из дома рядом нас к себе водила. «Утки» нам купили, ими пользовались. Антонова приезжала, секретарь горисполкома. «Прекратите голодовку, я вас призываю к благоразумию! Вы не передумали?» «А вы, — мы ей говорим, — не передумали?» «Это не способ, — она говорит, — есть другие методы». Мы отвечаем, что другие методы мы уже все испробовали. «Не думайте, — она говорит, — что если вы упорствуете, то вам будет послабление». Головкин был. Он все свое: я лично против. Приехал Подзирук, летчик, его 26-го выбрали в народные депутаты. Спросил: чего вы хотите? Мы ответили: пусть назовут сроки, когда нам отдадут церковь. Хорошо, сказал он, я вас понял».

«Я приехал к церкви в понедельник, двадцать седьмого марта, вечером, — рассказывал мне подполковник Виктор Семенович Подзирук. — Они объяснили, что голодовка — это крайняя мера, к которой их вынудила позиция местных властей. Объяснили, что не настаивают на немедленном освобождении храма, что хотели бы знать точные сроки, когда из него уедет архив, а пока просят передать им подсобные помещения, просят убрать из ограды машины и гаражи. Я с этим полностью согласился. На следующий день, во вторник, я поехал к председателю горисполкома Головкину. Он сразу сказал, что церковь не отдаст. Я ответил: каждый день играет не на вас. Даже те, кто не верит, теперь поддерживают верующих. И с каждым днем таких людей

будет все больше. Вы знали, сказал я Головкину, что общину зарегистрировали, что ей нужно культовое здание. Почему вы не продумали свою позицию? Денег у вас на восстановление церкви нет. Вы говорите — музей, а окупится ли он? А на деньги, которые в местный бюджет будет отчислять церковь, вы хоть подземный переход через проспект Энгельса постройте. У нас областной город — и ни одного такого перехода! Я на стороне верующих. Пусть будет прекрасный храм, и пусть он радует глаз».

Областная молодежная газета «Ленинец» в номере от 2 апреля опубликовала подборку высказываний только что избранных народных депутатов СССР по поводу событий вокруг Красного храма. Решительным противником передачи церкви верующим оказался лишь один — председатель областного совета ветеранов войны и труда А. Лебедев. Двое — В. Семенов, председатель областного суда и областного отделения Советского фонда мира, и З. Смолина, председатель комиссии партийного контроля при обкоме КПСС, — дали уклончивые ответы. И четверо — Е. Стипаков, главный врач 2-й городской больницы, С. Звонков, директор автопредприятия № 2, В. Подзирук и А. Стрелков — заявили, что храм можно и нужно вернуть верующим. Звонков, в частности, отметил (цитирую по газете): «Голодовка, по существу, была спровоцирована бездействием местных властей. Вся вина за тот ажиотаж, который возник сегодня в связи с Введенской церковью, я считаю, лежит на них. Не сказать ничего людям за одиннадцать дней голодовки!»

Ивановский житель с большим интересом в эти дни открывал местные газеты. Из «Ленинца» он мог, например, узнать, что по проспекту Ф. Энгельса мимо Введенской церкви прошла хорошо организованная манифестация молодежи с приданной ей агитационной машиной, оглушительно кричавшей: «Мы не приемлем ультимативные условия объявленной голодовки! Мы выступаем против политических спекуляций вокруг данной ситуации!» По стилю призывов и некоторым другим признакам читатель, наверное, понял, что ему сообщили о шествии, так сказать, официальном, но в то же время с явной претензией предстать как бы вполне народным и возникшим исключительно по зову сердца.

Газета, кроме того, перепечатывает опубликованное в «Огоньке» (№ 6, 1989 г.) письмо членов второй православной общины: дает возможность высказаться Л. Холиной; публикует часть из «хлынувшего в редакцию потока писем», стремясь при этом, как объяснил мне редактор «Ленинца» А. Романов, сохранить соотношение мнений своих читателей, в котором на десять голосов «за» передачу храма верующим приходится лишь один «против».

Орган обкома КПСС и облисполкома «Рабочий край» на девятый день голодовки опубликовал пространную статью «Вглядываясь в лица», которая и стала предметом усиленного обсуждения на предприятиях и в учреждениях города.

Заместитель редактора «Рабочего края» и автор этой статьи В. Соколов обвиняет в «беспардонном вранье» Биби-си. Я вполне допускаю, что зарубежные голоса были, мягко говоря, не вполне точны в своих сообщениях, и я был бы готов разделить возмущение журналиста подобной недобросовестностью. Однако для начала я хотел бы сделать маленькое и вполне невинное заявление: нам врать нельзя точно так же, как и им. Больше того: нам даже как-то уж совершенно глупо врать, ибо голодовка происходит в Иванове, а не в Манчестере, и четыре женщины лежат на паперти Введенского храма, а не на ступенях Вестминстерского аббатства. Вот почему для Соколова не составляло ровным счетом никакого труда спросить, к примеру, у Валерии Константиновны Савченко:

сколько лет она живет в Иванове? У него, видите ли, явилась плодотворная идея выяснить, можно ли причислить к истинным ивановцам объявивших голодовку женщин. Надо ли говорить, с каким огромным удовлетворением в предоставленных ему справках он обнаружил, что Савченко живет в Иванове «около пяти лет», Пиленкова «прибыла в Иваново в мае 1987 года», Холина «живет в Иванове с 1983 года», а Яшуковская вообще только три года назад пожаловала в Ивановскую область, с февраля 1987-го на ивановской земле не прописана и «...появилась в Иванове буквально за несколько дней до начала голодовки».

Но не следовало бы Соколову доверять справкам. Савченко живет в Иванове почти двадцать лет; Пиленкова здесь в 1986 году родила сына («коренного ивановца», — не без юмора заметила она. — Если им так уж хочется коренных жителей»). Кстати, он сам, а также первый секретарь обкома КПСС, областной прокурор и многие другие видные ивановские деятели — люди приезжие и, если применить к ним один из образцов статьи «Вглядываясь в лица», «никаких корней на этой земле» не имеющие. Однако ни у кого не возникла дикая мысль объявить их по этой причине ненастоящими ивановцами. Как справедливо сказала корреспонденту «Ленинца» Холина, люди, которых она лечила, никогда не спрашивали у нее: ивановка она или нет.

И немало еще подобных «открытий» в этой статье — об архимандрите Авросии (Юрасове), например, который изображен — опять-таки с чужих слов и казенных справок — не то закоренным диссидентом, не то любителем всяческой «клубнички».

Но даже и не фактические ошибки, и не комичные потуги автора изобразить себя знатоком православия — поразительна нравственная ущербность самого духа статьи, служебная однозначность оценок. Та же Холина, между прочим, стала одним из организаторов благотворительного общества «Вера и милосердие», созданного прихожанами Преображенского собора для оказания помощи больным и престарелым, но какая-либо иная краска, кроме густо-черной, Соколову была совершенно ни к чему. Я спросил его: «Виктор Григорьевич, с какой целью вы писали эту статью?» Он ответил: «Канонизация этих людей, предпринятая западными средствами информации, — несгибаемая чертвора, борцы и тому подобное — вызвала резкий протест у многих ивановцев. Как и лозунг, под которым шла голодовка: «Готовы умереть на родине первых Советов». Надо было показать, что это за люди. Мы знали, что это люди сомнительные. И цель моей статьи была — снять необоснованный ореол святости». «Но ведь по законам нашего ремесла, — я сказал, — надо было хотя бы поговорить с ними. И на архимандрита хорошо было бы вам хотя бы взглянуть». Соколов тяжело молчал.

Поверьте: я вовсе не стремлюсь обличать Виктора Григорьевича за его молчание. Мне кажется, он пока еще не почувствовал и не воспринял как главную заповедь, что демократическое общество освобождает журналиста от всякого рода навязанных ему в прошлом лживых обязательств. Однако взамен оно обязывает журналиста к долгу искреннего, правдивого, мужественного свидетельства.

ПАЛАТА № 504

Место секретаря облисполкома Лев Николаевич Дубов занял в конце прошлого года и сразу же оказался в самом центре столкновения между верующими и местным руководством. Психология служебного человека — штука сложная; Дубов, во всяком случае, в первое время своего пребывания на ответственном посту был против передачи храма православной общине и, как мог, гнул настроение Холиной к уступ-

кам и согласию с властью. Затем, осмотревшись, решил, что со всех точек зрения Красную церковь лучше вернуть верующим. «Орган ли, — говорил он мне, — музей или планетарий — что бы там ни сделали, с экономической точки зрения все будет нецелесообразно. Ведь мы слезы льем, когда говорим о культуре на селе! А средств... — и Лев Николаевич развел руками. — Нельзя отдавать идеологический пятак — так еще говорят... Я в этом ничего страшного не вижу».

С таким убеждением пятого апреля он пришел в палату № 504, в которой продолжали голодовку четыре женщины. Я их не видел два дня и молчаливо поразился происшедшим с ними переменам. «Нас уже шатает», — сказала Холина. Четыре часа кряду убеждал их Дубов прекратить голодовку. В конце концов Холина протянула ему бумагу: «Наше заявление в облисполком».

Прочел и я: «Мы, четверо верующих, объявивших голодовку в знак протеста против произвола местных властей, не ставили перед собой цели убивать себя. Сейчас заканчиваются 16-е сутки нашей голодовки. Состояние наше крайне ослабленное, по мнению врачей, вот-вот начнутся необратимые процессы. Таким образом, мы видим, что местные власти невозмутимо и спокойно примут факт нашей смерти, т. е. за 16 дней нам не было предложено ни одного варианта компромиссного решения нашего вопроса. Мы принимаем решение выйти из голода, восстанавливать свои силы для того, чтобы вновь продолжать борьбу за Введенскую церковь».

Не скрою: я вздохнул с облегчением; и Дубов, по-моему, тоже. Ведь это в самом деле страшно — видеть, как из людей капля за каплей вытекает жизнь. «Решение, я думаю, правильное, — помолчав, сказал Дубов. — Вы действительно на грани истощения. А я вам обещаю, что буду принимать все меры, какие от меня зависят». «У нас надежда слабая, — со своей кровати отозвалась Холина. — Мы уже переговоры с вами вели и ваши обещания слышали». «Я вам твердо обещаю, — повторил Дубов, — свое полное участие в положительном — для вас положительном — решении вопроса. Но, видимо, нужно время, чтобы в головах определенной части людей такое решение тоже созрело. Я надеюсь, что меня поддержат».

НЕОБХОДИМОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ

Из «Итогового документа венской встречи представителей государств — участников совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе»:

«Они подтверждают, что будут уважать права человека и основные свободы, включая свободу мысли, совести, религии и убеждений... Они также подтверждают всеобщее значение прав человека и основных свобод...»

С целью обеспечить свободу личности исповедовать религию или веру государства-участники будут среди прочего:

— способствовать климату взаимной терпимости и уважения... между верующими и неверующими;

— основывать и содержать свободно доступные места богослужений или собраний».

Советское государство, подписав этот документ, взяло на себя, таким образом, обязательство соблюдать его на всей территории СССР.

Тогда почему верующие граждане нашей страны вот уже долгое время не могут добиться возвращения храмов:

в Иванове,
Новосибирске,
Симферополе,
Алуште,
Таганроге,
Каневе,
Дивееве

и во многих других городах и селах Отечества?

Чего мы ждем?

Кубанская девушка Светлана Филимонова вознамерилась было ехать на учебу в Ригу, да, убоявшись, как сама пишет, «агрессивности латышей», поспешила с своих страхах поведать всей стране, приспособив в качестве рупора комсомольскую газету с тиражом в несколько миллионов экземпляров.

Десятка полтора строк, растиражированных от Москвы и до самых до окраин, вызвали немалую почту. Среди писем было вот такое.

«Какой черт тебя несет туда? — восклицал безымянный смельчак из Тулы, проставляя на конверте Казахстан под отметкой «обратный адрес», не подозревая, что штемпель города-отправителя укажет адрес истинный. — С ними в лучшем случае можно поступать так, как в свое время поступали с крымскими татарами!» Письмо не опубликовали, опасаясь, что оно оскорбит национальные чувства латышей, литовцев и эстонцев, а в Прибалтийских республиках и без того неспокойно...

На мой взгляд, если письмо кого-то и оскорбляет, так это в первую очередь русских. Откуда неприкрытая, животная, пещерная ненависть и злоба?

Легче всего поступить с письмом так, как поступила газета: списала его в архив за ненадобностью и закрыла тем самым проблему.

Закрела ли?..

В студенческие годы прочел я про высылку эстонцев в Сибирь. Про то, как везли людей в вагонах для скота, — в таких вагонах положено перевозить или 8 лошадей, или 32 солдата, или 40 заключенных; ссыльных эстонцев, по словам автора книги, набивали и по 50. В спешке не оборудовали вагоны простейшими бытовыми удобствами, не пробили дыру в полу, и старое ведро, которое использовали под парашу, тотчас было переполнено, изливалось и заплескивало вещи. Полтора дня были заперты люди без воды и без еды, умер младенец. Поезд долго стоял на станции, снаружи бегали и стучали в вагоны, спрашивали имена, пытались передать кому-то продукты и вещи. Тщетно: солдаты оттоняли людей прикладами, а те, кто был в вагонах, коченели потом от голода и холода.

В Сибири ждали «отъявленное кулачество, мироедов, толстосумов, набивших мошну на чужой беде, эксплуататоров» — примерно так оповестили здешние деревни. Но замученное, ободранное, вываливало это «кулачество» из вагонов. Кто-то из русских, из тех, кто был сердобольнее, таясь от начальства, нес лепешки и молоко к вагонам, подкармливал эстонских изможденных, едва живых детей и женщин. Другие русские — а как без таких! — уверовавшие тотчас, что прибыло натуральное фашистское отребье, те восклицали, тыча пальцами в приехавших не по своей воле: «Вас всех потопить!» Для них, травленных дурманом сталинщины, все эстонцы — да что там эстонцы, все жители Прибалтики! — от велика и до мала были «фашистами всамделишными».

Речь про вторую высылку эстонцев, послевоенную, 49-го года, но спустя почти сорок лет на прибалтов кое-кто смотрит глазами тех русских крестьян, что, встречая эшелоны интернированных эстонцев, кричали: «Вас всех потопить!» — тянется, тянется по нашей жизни след культа личности, пропаганды той дикой, варварской, циничной политики, что ставила народы страны с такой изошренностью, с таким цинизмом, бесстыдством и наглостью, какие возможны только в тепличных условиях безнаказанности и безгласия, настоянных на страхе и крови...

«...Если пять-шесть лет тому назад вопрос о классиках стоял как безоговорочный вопрос, то сегодня совершенно иное... Взять, например, такие строчки Пушкина: «Смирись, Кавказ: идет Ермолов!» Как же на Кавказ передать такие строчки, которые восхваляли русского генерала, поработителя Грузии, во имя существования единой неделимой царской России...»

Это 25 марта 1930 года, всего за полмесяца до гибели, В. В. Маяковский отвечает на записки в Доме комсомола Красной Пресни на вечер, посвященный двадцатилетию своей поэтической деятельности.

Почти 60 лет назад предвидел поэт конфликт в столице Чечено-Ингушетии! Я был в Грозном и знаю, какой сыр-бор разгорелся тут из-за памятника тому же генералу Ермолову, «поработителю Грузии», на постаменте которого начертаны слова, оскорбляющие национальные чувства и чеченцев, и ингушей.

Казалось бы, чего уж проще: перевези ты этот памятник на Бородинское поле, где в 1812 году проявил генерал истинно русский патриотизм, ан нет. Стоило заговорить об этом, находился тут же руко-

водящий доброхот, который говорил: нет, памятник перевозить не надо. Что, обидеть боялся Москву? Национальные чувства русских, там живущих? Можно задаваться вопросами, не получая на них ответа, но суть одна — ничего в Грозном не менялось десятилетиями...

К чему я об этом? Маяковский — русский по национальности, но беспокоился он за свою Грузию, свою малую родину, откуда произошел, где корни его. Мне легко понять подобное раздвоение — родился я в Латвии, учился там, работал, прожил до переезда в Москву большую часть жизни, считаю Латвию своею.

Межнациональные отношения я постигал мальчишкой на пустыре Лиепайской средней школы номер один, где, побросав на землю портфели, дрались мы с латышскими сверстниками, костеря друг дружку — кого «русскими свиньями», «оккупантами» и «захватчиками», кого «гансами», «лабздухами» и... «фашистами».

Война наша была затяжной, непримиримы были обе стороны, а враждовали мы из-за школы, которая считалась латышской и куда в полном составе, не то в порядке эксперимента, не то из-за нехватки школ в городе, перевели наш русский класс. В этом незаконном вселении юные латыши увидели проявления злобейшей русификации, которой их пугали взрослые, и пока местные наробразовские чины слали по ин-

Александр
НИКИШИН

НЕ НА

станциям победные реляции, пожиная плоды с искусственного древа дружбы народов, русские и латышские мальчишки волтузили друг дружку до крови, решая самостоятельно свои проблемы.

В 66-м, в январе, утонул «Тукумс», — рыболовецкое суденышко, приписанное к нашему городу. Никогда не забуду, как зашелся раненым зверем паровоз на станции и разом откликнулся суда в порту, заводы, когда повезли в последний путь погибших лиепайчан. Помню печальную кавалькаду грузовиков, вымытых до блеска, забранных черными полотнищами крепа, толпы плачущих женщин в черных нарядах, морские фуражки с кричаще-яркими, новенькими якорьками на крышках закрытых гробов. В серой, придавленной страхом, отчаянием и непоказушим состраданием толпе шептались, что неизвестно, есть ли в гробах люди, ведь наше судно протаранило ночью какой-то иноземный сухогруз, когда вся команда, кроме вахтенных, спала, и многих задавило прямо в кубриках, откуда уже никто не смог выбраться...

Как было страшно в те дни! Отец был на промысле где-то в Атлантике. Названия погибшего судна долго не сообщали. Предчувствие беды поселилось в те дни во многих рыбацких семьях.

Когда город промерз в трауре, закончилась и наша война с латышами. Они перестали нас задирать, да и у нас уже не было ни малейшего желания махать кулаками. И тогда, да и несколько позже, возвращаясь к событиям тех дней, я рассуждал так: неужели наши отцы должны были перестать жить, уйти на тот свет, чтобы их дети на этом свете осознали всю бессмысленность, дикость, жестокость и ничтожность любой вражды?

Вряд ли в свои незрелые годы понимали мы или наши латышские сверстники, что нет человека, который был бы как остров, сам по себе, что каждый человек есть частица материка, часть суши или что смерть каждого человека умалет и каждого из нас.

Понимать скорее всего не понимали, но всеобщее горе примирило нас. И, думая так, я задавался вопросом: да неужели только перед лицом страшного, зловещего катаклизма способны мы понимать то, что не понимали, не хотели, не желали понимать раньше, прощать то, что не могли, казалось, простить никогда? Что только нависшая скалой беда может заставить задуматься над извечными вопросами, о которых не думаешь, когда все идет вроде бы хорошо — зачем живем? как живем? ради чего, наконец?

Еще я тогда думал, что смерть интернациональна, для нее все равны, и только много лет спустя узнал я, что пребывал в эмоциональном заблуждении.

Не было интернационального экипажа, не было, и все тут. Русским был капитан «Тукумса» Богоданов, 33-го года рождения, русским был старший помощник Климов, 37-го года рождения. Русским был механик Алексашин, 36-го.

Хожу вдоль могил, читаю имена рыбаков... Рыбмистер Любимов, матрос Митин... Михайлов... Русский, русский, русский...

И одна лишь латышская фамилия — боцман Палейс, родившийся 23 сентября 1930 года, как сказа-

ли бы старики латыши: еще до Ульманиса, точнее, как русские старики говорят: было при Сталине...

И вообще все оказалось куда как проще, обыкновеннее, банальнее. Конец войне пришел не потому, что иссякла взаимовражда. Просто наш русский класс перевели наконец в русскую школу...

Сейчас участникам тех событий уже за тридцать. Не уверен, что большинство из тех, кого собирал школьный пустырь, помнят вообще грандиозные наши схватки — плохое забывается быстро.

По разные стороны баррикад бывшие мальчишки или по одну?

Из Латвии переброшу мостик в Грузию, читатель поймет, зачем я это делаю. В 86-м журнал «Дружба народов», спецкором которого я был, проводил в Тбилиси аграрный «круглый стол». Одним прекрасным вечером собрались у телевизора журналисты и председатели колхозов. Занятые общей беседой, на передачи мы не обращали внимания, пока кто-то, кажется, это был В. Л. Бедуля из Белоруссии, не кинулся вдруг к телевизору с криком «Тиш-ше!» — программа «Время» сообщала о беспорядках в Алма-Ате...

«Нож в спину перестройки, — говорили потом, не слушая друг друга. — Ну что казахам надо, что? Из нищеты их вытаскивали, все им дали, разве ж так отвечают на добро?»

«Бросьте вы, — раздраженно говорил председатель колхоза из Литвы или из Эстонии, теперь уж не припомню, кто. — При чем тут казахи? Я уверен, что во всем виноваты экстремисты...»

Случилось так, что уже на следующий год попал я в Алма-Ату. Ходил по тенистым улицам прекрасного города, окруженного горами, и, вглядываясь в лица молодых ребят, думал, сам того не желая: а ведь этот мог быть на площади Брежнева в тот печальный памяти день. Этот мог нести плакаты. Этот — бить людей...

От всех этих мыслей, признаться, было неуютно, хотя люди вокруг были радужные, жизнерадостные, открытые. Зато все расставил по местам рассказ работника Совмина, русского, который вспомнил, как в те страшные дни сидели допоздна в здании Совмина работники, боясь выйти на улицу, потому что там бушевали толпы. Когда «рафик» совминовский сворачивал на одну из темных улиц (а свет в городе отключали), фары выхватили идущую навстречу толпу — она текла по проезжей части молча, словно лава, заполняя собой тротуары, — люди шли, тесно прижавшись друг к другу локтями и плечами, шли упрямо, единообразно, тупо, а над головами среди ядов палок и железных прутьев качались портреты Ленина. У водителя, рассказывал мой собеседник, затряслись руки, и он едва-едва успел дать задний ход.

«А если бы не успел?» — задал я вопрос работнику Совмина, и он, пожав плечами, ответил спокойно, словно бы даже рисуясь: «Растерзали бы... А что вы думаете? Толпа разгоряченная шла... Казахи нас, русских, скажу откровенно, не больно-то жалуют. Вечно мы с ними что-то делим, и раньше так было, до событий...»

Начались события в Прибалтике, и опять заговорили: «Чего этим прибалтам надо?» И опять все валили на экстремистов, на «бывших», отсидевших в тюрьмах за пособничество оккупантам в годы войны. Читать подобное было просто неловко, ведь я знал латышей, знал, как живут в Латвии русские, какие проблемы существовали и существуют в межнациональных отношениях.

Вышло так, что я был свидетелем почти всех «календарных беспорядков» (таким странным, прямо-таки жандармским, термином стали тут называть несколько дней весны, лета и осени), происшедших в 87-м и 88-м годах. Я участвовал в жарких, вязких, нескончаемых, нервных спорах, которые ни к чему не приводили, да и не могли привести уже потому хотя бы, что спорящие изначально не желали менять свою точку зрения, не хотели даже выслушивать друг друга.

Все то, что происходило в Латвии, напоминало мне весенний ледоход на Даугаве, который несколько весен наблюдаю я с одиннадцатого этажа Дома печати, из окон латвийской «молодежки», в которой работал. Как льдины громоздятся друг на дружку, когда пучится среди мостовых пилонов река, вырываясь с натугой из ледяного плена, так и события наводнили на события. Ломалось то, что казалось

привычным, устойчивым, постоянным, захлестывая, ввергая в водоворот, пугая и обнадеживая одновременно.

Что сказал бы аноним из Тулы, знай он о дискуссиях, которые кипят в Латвии? Был ли режим Ульманиса таким, каким его представляла всей стране официозная история, — «палаческим», «кровавым», «фашистским»? Какой же это фашизм, задают вопросы латыши, если те же стрелки латышские, вернувшись из России с фронтов гражданской войны, уцелели, жили в Латвии при Ульманисе. Их же товарищи по борьбе за идею единого человеческого общежития без России и Латвии, оставшись на родине «победившего социализма», гибли тем временем под пытками в застенках ГПУ — НКВД...

Если смертный приговор подпольщику Заламану Мурино — «за распространение нелегальной литературы» — так сообщала здешняя пресса, вызвавший невиданную кампанию протеста по всей Латвии, — был отменен — могло ли быть такое при Сталине, говорили мне латыши.

Я не собираюсь обелять диктатора, который в 1934-м узурпировал власть, совершив переворот. Не является домислом и то, что в ночь переворота в Рижском аэропорту стоял на взлетной полосе немецкий транспортный самолет «Фельдмаршал Гинденбург», — провалился пуч, Ульманиса и его окружение готовились встречать в Германии.

ВРЕДИ!

Но не об Ульманисе, собственно говоря, речь, хотя и ему надо отдать должное за то, например, что в 1940 году он приказал не оказывать сопротивления частям Красной Армии, вошедшим в Латвию, предотвратил кровопролитие. Речь о том, что в Прибалтике именно сейчас, в эпоху перестройки, остро ощутили дефицит собственной истории. Довоенная жизнь Латвии в учебнике «История Латвийской ССР» укладывается в несколько страничек нетонкой книги, большая часть которой посвящена достижениям республики после войны. Довоенную историю ограничивают хулой Ульманиса, тех порядков, которые он привнес после переворота. Такая же картина в Литве и Эстонии.

Ну кто, например, знает за пределами Литвы, что два литовских летчика, Дарюс и Гиренас, совершили до войны беспосадочный перелет из Америки в Европу и погибли, не дотянув до границы своей родины, если все затмевает «общесоюзный» полет Чкалова?

Кто знает про то, что торговый флот Эстонии, Латвии, Литвы бороздил моря всего земного шара, а в 1930-м Латвия производила на своих хуторах, которые впоследствии — уже при Сталине — станут «неперспективными», в три, в четыре раза больше мяса на едока, чем охваченные стопроцентной коллективизацией русские, украинские, белорусские деревни?

Помните, сколько раз читали и слышали мы, что в Латвии до конца 50-х «действовали банды националистов...»? Но мало кто знал до самых недавних пор, что за неделю до войны, 14 июня 1941 года, по приказу Вождя Всех Народов сотни тысяч латышей, литовцев и эстонцев — взрослых и детей — без суда и следствия были брошены в вагоны для перевозки скота и отправлены в Сибирь: Сталин боялся «пятой колонны» в тылах Красной Армии...

В документах Литовского движения за перестройку записано: «События послевоенных лет в Литве (читай: в Прибалтике. — А. Н.) мы считаем ответом на незаконные действия сталинистов... Предлагаем называть события послевоенных лет в Литве движением национального сопротивления. И одна, и другая борющиеся стороны постепенно переходили к методам бандитизма...»

Никто не хотел умирать, и нет оправданий обогрившим свои руки кровью невинных, беззащитных людей. Но речь, конечно же, не о них.

Слышал в Латвии историю, рассказанную бывшим «ястребком» (так называли тех, кто боролся после войны с «лесными братьями»), который едва не заплатил своей жизнью за то, что осуждал сожжение хуторов частями НКВД, хозяева которых порой не по своей даже воле кормили тех, кто скрывался в лесах и, объявляясь по ночам, требовал от мирных жителей продукты и теплые вещи, частенько угрожая оружием.

Всех стригли под одну гребенку те, кто отдавал приказ жечь хутора: раз дал хлеб, значит, пособник. Не бандитизм разве?..

«...И во время жатвы я скажу жнецам: соберите прежде плевелы и свяжите их в связки, чтобы сжечь

их; а пшеницу уберите в житницу мою» — так в евангельской притче учили отделять вредное от полезного, плохое от хорошего. А мы, нынешние, умеем это делать?

По Прибалтике прокатилась очистительная волна народного волеизъявления. В Латвии, например, в 87-м назревал кризис, складывалось положение, очень мне напомнившее ленинское определение революционной ситуации. «Низы» уже не хотели жить по-старому, и особенно ярко это проявилось во время «календарных беспорядков», «верхи» же по-старому управлять не могли, что тоже со всей определенностью проявилось в те же дни «календарных беспорядков».

Любое движение рождает и героев, и злодеев — это диалектика общественного развития. Единообразие, единогласие — на кладбище. Бояться многообразия глупо, недальновидно. Вопрос в другом — почему-то, освещая события в Прибалтике, выпячивают на передний план «злодеев», экстремистов, словно бы они единственное проявление сегодняшних перемен.

Из кризиса 87-го года латвийские чиновники пытались выйти по старинке, по рецептам застоя, все происходящие процессы валя на экстремистов.

И вот что из этого вышло. Выступаю на московском заводе перед читателями. Говорю, что родился в Латвии, и тут же из зала идут записки: «Правда,

что там, как в 68-м в Чехословакии?», «Правда, что хотят отсоединиться?», «Правда, что бывшие фашисты подняли головы?».

Московский таксист везет меня из аэропорта и по ходу дела сообщает, что в Риге прошла «нацистская демонстрация»...

Приятель-тассовец кидает мне злой упрек: «Ты б еще свастику цеплял!» У меня на пиджаке красно-бело-красный кусочек жести — подаренный в Риге когда-то «буржуазный», а ныне возрожденный национальный флаг Латвии; для приятеля он «фашистский», ибо все, что там, в Прибалтике, происходит, на его взгляд, ползучая контра и пора туда танки вводить.

Впрочем, не один он так считает, ведь черт-те что о Прибалтике говорится: и свои национальные части они хотят, и посылки в Россию не дают слать, и законы о языках мечтают протолкнуть, и приезжих хотят выселить за границы свои, даже денег на дорогу обещают.

Откуда что идет? Вот именно, из прессы. Надо сказать, что насчет «нацистской демонстрации» в Риге таксист не врал. Не в том смысле, что она состоялась, а в том, что сборкор одной из центральных газет, аккредитованный в Латвии, такое сообщение дал осенью 87-го года.

Надо сказать откровенно: сборкоры других центральных изданий версию коллеги не поддержали, решив, очевидно, что тот перепнул палку. Впрочем, это не помешало им сделать другой ляп, сообщив, что в митинге на площади Свободы 23 августа 1987 года, приуроченном неформалами к годовщине пакта о ненападении с Германией (прибалты этот пакт называют коротко — «сговор Молотов — Риббентроп»), участвовал не кто-нибудь, а бывший сотрудник абвера Цирвиллис. И про то сообщить не позабыли, что готовили Цирвиллиса в Дании, в шпионской школе, чтобы потом забросить его на парашюте в СССР, где его схватили, обезвредили и посадили в тюрьму.

Информация эта разошлась по всей стране, и вдруг выясняется, что бедолага Цирвиллис ни агентом абвера, ни парашютистом не был, а в тюрьме отсидел за то, что служил в немецкой армии артиллеристом, был взят в плен у своей пушки. Тут надо обязательно пояснить, что в немецкой армии было немало латышей, эстонцев и литовцев — кто шел добровольно, а кого и насильно рекрутировали. Служил ли Цирвиллис добровольно или силком забрали его в вермахт, я не знаю. Знаю только, что артиллерист и парашютист-диверсант, подготовленный тем более в особшколе абвера, — «две большие разницы». Впрочем, моим коллегам так не казалось, и когда оскорбленный Цирвиллис стал требовать от средств массовой информации извинений за клевету, от него отмахнулись, рассуждая, по всей видимости, так: какая, мол, разница, кем он был у немцев, все равно не наш...

Безрассудную попытку восстановить справедливость предпринял лишь Юрис Блауманис, латвийский журналист, который справедливо посчитал, что,

если мы возьмемся строить правовое общество, Цирвиллиса тоже обязаны брать в расчет...

Статья, в которой он вступился за Цирвиллиса, называлась «Невежество», и писал ее Юрис по свежим следам событий 23 августа 1987 года; я читал ее до согласований с идеологами и после. Поскольку она не увидела света ни в 87-м, ни в 88-м, расскажу, о чем в ней говорилось и какие места вызвали возмущения аппаратчиков.

По тем строчкам статьи, в которых Блауманис призывал извиниться перед Цирвиллисом, густо прошелья красный карандаш — «не надо!».

«Не надо», как оказалось, не только про Цирвиллиса. «Не надо» было про то, что не «горстка экстремистов» пришла на площадь Свободы 23 августа 1987-го, как это подавалось в прессе, а несколько тысяч людей; подрывом, по разумению чиновника, папахивали строки о том, что взваливать вину за происшедшее на западные «голоса», подстрекавшие жителей Риги выйти на улицу и выразить свое отношение к пакту, означает снимать вину с наших идеологов, расписываться в неумении влиять на массы, — американец нам в угоду на площадь не выйдет, вещай не вещай; «не надо» про то, что у русских и латышей на деле оказалось гораздо больше различий, чем считалось; «не надо» про то, что латыши обзывали милиционеров «русскими свиньями», а русские латышей «фашистами»; «не надо» про огромный портрет Брежнева, который когда-то охраняла милиция, опасаясь, что портрет попортят или сорвут; «не надо» про то, что истинные сталинисты только и ждут, чтобы со злорадством сказать: вот, мол, ваша перестройка к чему привела, вот она, ваша демократия, мы вас предупрежда-а-али; «не надо» было про то, что милиция перестаралась, разгоняя людей.

«Надо» было про экстремистов, про собрания на заводах, где рабочие призывали «закрутить гайки», одобряя действия властей и осуждая все тех же экстремистов.

Каждое лыко — республиканское ли, союзное — было в строку, тут и «парашютист» Цирвиллис сгодился, был кстати. Не беда, что какой-нибудь ретивый читатель в той же Туле, услышав о бывшем диверсанте на площади, кинется писать в редакцию о том, что кое-кто понимает «только один язык, язык автомата Калашникова»...

В прошлом веке Эмил Зюля, защищая от клеветы капитана Дрейфуса, обвиненного в измене, возмущался: «...Пресса опять начинает действовать на общественное мнение ложью и обманом. Уже слышном она старается, чтобы порядочные люди оказались мерзавцами, а мерзавцы — порядочными людьми; слишком уж много распространяет бессмысленных фактов, которым начнут доверять даже дети...». В 87-м эти слова вспомнились, уверен, не только мне одному, но должен был минуть и 87-й, и 88-й (кстати говоря, в 88-м удалось замедлить кризис, приостановить его; причина мне видится и в создании Народного фронта борьбы за перестройку, и в том, что ЦК Компартии Латвии взял курс на сотрудничество с неформалами, от которых раньше шарахались...), наступить 89-й, чтобы со страниц латвийских газет прозвучала такая вот «крамола»: «...сборкор центральных газет, Всесоюзного радио, Центрального телевидения и ТАСС, работающие в республике, в течение последних двух лет не обращались к серьезному и объективному отражению ситуации, существующей в Латвийской ССР. Центральные средства массовой информации... повторяют дезинформацию в духе застойных времен, или — что еще хуже — тенденциозно описывают или комментируют события. Таким образом у жителей Советского Союза... создается искаженное представление об истинной ситуации в Латвии...»

Прошлый век одарил нас откровением: «Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется...» Нынешний, он сугубо прагматичен:

*Не навреди, человек,
ни березе, ни морю,
влажной тропинке
и птице, летящей во тьму...
Вместе со всею своею
немыслимой мощью
не навреди ненароком
себе самому.*

Увы, запоздало, запозднилось предостережение о природе, как запаздывает и раскаяние: чему-чему, а вредить ей нас уже да-а-авно учить не нужно, уже вредим вовсю, постигнув в совершенстве нехитрую эту, постыдную науку.

А что до природы межнациональных отношений, непрочной, тонкой, хрупкой, тут, на мой взгляд, не надо быть большим провидцем, чтобы предугадать, чем отзовется слово неправды, конъюнктуры, сказанное в угоду. Недалеко от беды, если вот так, сплеча да горяча садить, не думая, не понимая, что, представляя одну нацию злодеем, а другую праведником, а серьезный разговор о проблемах подменять охотой «за ведьмами», валить все на экстремистов, рискуешь одинаково навредить и тем, и другим.

В колхозе имени Фейхтвангера,
где мы трудились на картошке,
с утра Бетховена и Вагнера
наяривали на гармошке.

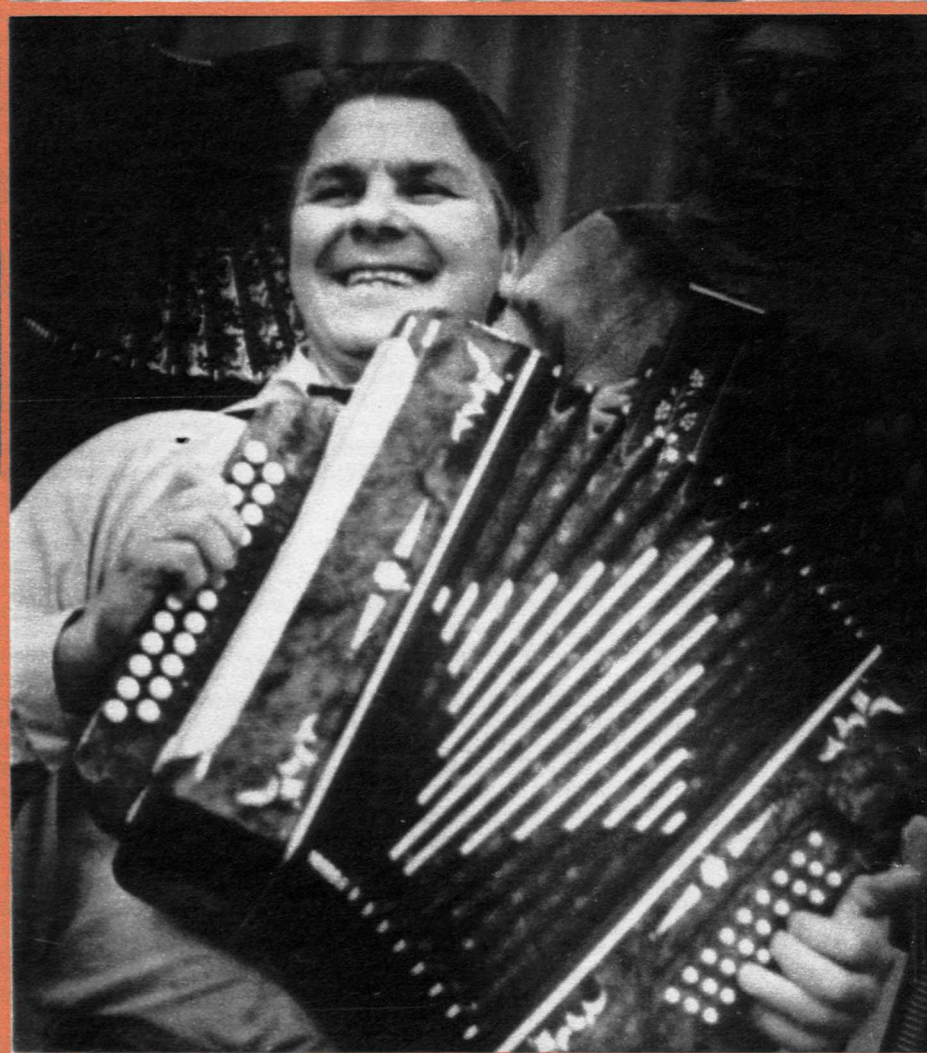
Синкоп не путая с легатою
и оглашая всю округу,
коровы крупные, рогатые
кормиться шли, заслыша фугу.

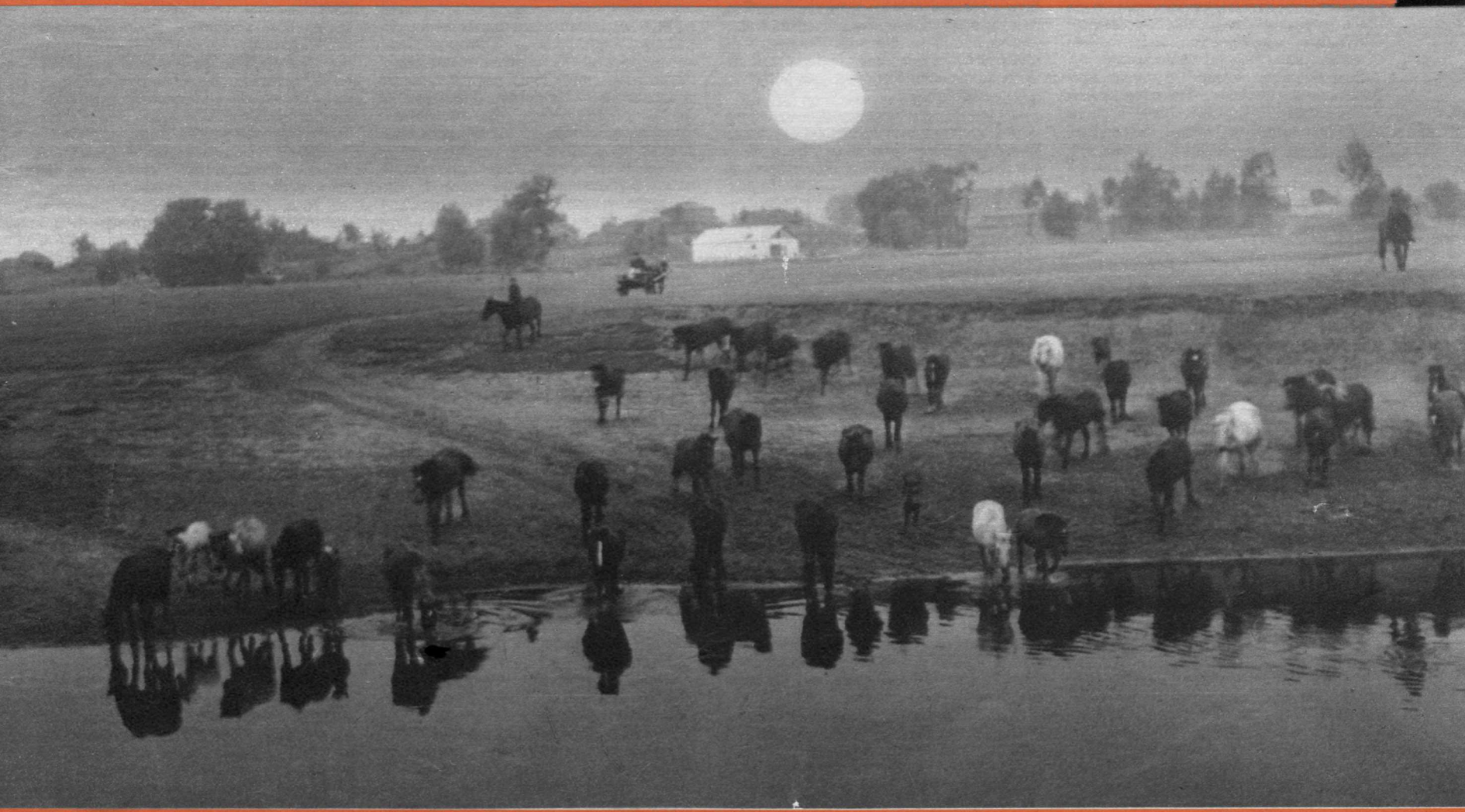
С трудом вникая в оратории,
что над полянами кружили,
как бы в «Лесной консерватории»
мы там работали и жили.

Случалось, что после обеда я
так размышлял, присев на грядке:
как с урожаем здесь — не ведаю,
но с музыкою все в порядке.

Иван Макарович ГНЬПА

Фото
Анатолия
БОЧИНИНА

«НОВЫЙ ЧЕЛОВЕК» или двести лет одной иллюзии

КРАТКИЙ КОНСПЕКТ ИСТОРИЧЕСКОЙ ХРОНИКИ

Лев ОВРУЦКИЙ

«Мы хотим заменить в нашей стране эгоизм нравственностью, честь честностью, обычай принципами, благопристойность обязанностями... наглость гордостью, тщеславие величием души, любовь к деньгам любовью к славе... интригу заслугой, остроумие талантом... т. е. все пороки, все нелепости монархии заменить всеми добродетелями и чудесами республики.

Одним словом, мы хотим выполнить веления природы и осуществить судьбы человечества, сдержать обещания философии, отпустить грехи провидению за длительное господство преступления и тирании».

М. РОБЕСПЬЕР. «О принципах политической морали. Доклад в Конвенте». 17 плювиоза II года республики.

В 1762 году Жан Жак Руссо издает работу «Эмил, или О воспитании». За религиозное вольнодумство она была приговорена к сожжению. Руссо был вынужден эмигрировать. Лишь через 5 лет он вернулся во Францию.

Сохранилась легенда о посещении Эрмонвилля юным Максимилианом Робеспьером. Это случилось в 1778 году, незадолго до смерти Руссо. Его, согласно легенде, поразил взгляд Робеспьера, твердый и непроницаемый. Что ж, похоже на правду, взгляд «Неподкупного» смущал многих...

Идея Руссо, изложенная в его сочинении, была гениально проста: ребенок может стать идеальным и совершенным, если его изолировать от порочной социальной среды. Правда, иронически замечал Жан Жак, как это сделать, — разве что поместить его на Луну или необитаемый остров?

Екатерина II с «подачи» И. Бецкого восприняла эту мысль всерьез, учредив немедленно Московский воспитательный дом с целью создания «новой породы» людей. Поскольку «корень всему злу и добру воспитание», полагала Екатерина, — «единое токмо средство остается, то есть: произвести сперва новую породу или новых отцов и матерей, которые б детям своим те же прямые и основательные воспитания правила в сердце вселить могли, какие получили они сами, и от них дети передали б паки своим детям; и так следуя из родов в роды, в будущее веки».

Робеспьер предпринял куда более масштабную попытку воплотить в жизнь идеи Руссо (хотя и не скажешь, что более удачную). Экспериментальным полем он сделал всю Францию, объектом эксперимента — весь народ. Пушкин назвал его «сентиментальным тигром». Историки-«робеспьеристы» сентиментализм Робеспьера объясняют влиянием руссоизма, а террор — об-

щественно-политической необходимостью. Сам «Неподкупный» объяснял это по-иному.

Вот несколько его высказываний:

«Добродетель — душа демократии». «Движущей силой народного правительства в революционный период должны быть добродетель и террор». «Террор — это эманация добродетели».

«Террор — быстрая, строгая и непреложная справедливость, тем самым он является проявлением добродетели».

Да, взгляд у этого человека должен быть твердым. По замечанию Луи Блана, Робеспьеру не хватало слабостей, которые заставляют себя любить. И, говоря о милосердии, он наводил страх.

Революция продолжается уже несколько лет, но люди не становятся чище и добродетельнее. То там, то здесь, подобно румянам на внезапно побледневшем лице, проступает неискоренный еще порок. Робеспьер разочарован: где он, «новый человек»? Еще недавно в Учредительном собрании он выступал против смертной казни, теперь в якобинском Конвенте он становится апостолом террора как самого эффективного средства управления и воспитания.

Он настаивает на принятии чудовищного перриальского закона, освобождающего обвинение от представления всяких доказательств и лишаящих обвиняемого всех средств защиты. Перриаль открыл эпоху Великого террора. Среди объявленных «врагами народа» и подлежащих гильотинированию декрет числил тех, «кто будет стараться ввести общественное мнение в заблуждение, препятствовать просвещению народа, портить нравы, развращать общественное сознание». Современный читатель, сделав поправки на патетику, присущую Великой революции, легко обнаружит здесь сходство со знаменитой 58-й статьей.

Робеспьер был разочарован. Его пассивное поведение 9-го термидора, являющееся загадкой для историков, объясняется, думаю, не усталостью от борьбы, а охватившей его мизантропией. Он так любил человечество, что любить человека сил не доставало. Люди, которых он желал видеть добродетельно-счастливыми, не оправдали его надежд. Они упорно не хотели становиться «новыми».

Мудрец и скептик Анатоль Франс заметил, что те, кто желает насильно облагодетельствовать человечество, со временем приходят к выводу, что люди — это существа обаяны. И тогда начинают рубить головы.

Вглядитесь в портрет Робеспьера, принадлежащий перу Жана Жореса: «В нем было нечто от священника и сектанта, невыносимая претензия на непогрешимость, тщеславие узкой добродетели, тираническая привычка обо всем

судить по мерке своего собственного сознания, а по отношению к индивидуальным страданиям — ужасающая сухость сердца человека, одержимого идеей, который кончает мало-помалу тем, что смешивает свою личность с своей верой, интересы своего честолюбия с интересами своего дела».

Вам никого этот портрет не напоминает?

«В области коммунистического воспитания мы являемся, конечно, монополистическими в полном смысле этого слова. Коммунистическое воспитание — величайшая сила. Когда мы добьемся того, что будем давать его детям, то это будет соответствовать в огромной мере выработке того нового человека, который является решающим фактором в нашей борьбе с буржуазией. Нам это полезно, а для буржуазии — это яд».

А. ЛУНАЧАРСКИЙ. «Система народного образования».

Да, через сто с лишним лет идею «нового человека», как эстафетную палочку, подхватила другая Великая революция. По-видимому, в этом есть закономерность. Ленин писал, что в революционные эпохи люди желают такого совершенно нового, чтобы в нем уже ни грама старого не было. Революционное нетерпение, вторгаясь в область нравов, по природе своей мало склонных к бурным трансформациям, производило в них разрушительную работу — «до основания», как поется в пролетарском гимне.

Ленин знал, что «строить новую дисциплину труда, строить новые формы общественной связи между людьми... это — работа многих лет и десятилетий». Он предупреждал: «Рабочие строят новое общество, не превратившись в новых людей, которые чисты от грязи старого мира, а стоя по колени еще в этой грязи. Приходится только мечтать о том, чтобы очиститься от этой грязи». И предостерегал: «Было бы глубочайшей утопией думать, что это можно сделать немедленно. Это было бы утопией, которая на практике только отодвинула бы царство социализма на небеса».

И отодвинула — вместе с миллионами «старых», непригодных к «переделке» и «перековке», как тогда говорили, людей. Военно-коммунистическая идеология, покрыв собою деликатную и, можно сказать, интимную сферу социализации, потрясла ее куда больше, чем коллективизация — сельское хозяйство (странно, что до сих пор этот феномен не нашел своего исследователя). За Лениным явились люди, рожденные, «чтоб сказку сделать былью».

Во время работы XIII съезда РКП(б), в мае 1924 года, состоялся парад пионеров и митинг в честь переименования в «Детскую коммунистическую организацию имени В. И. Ленина». Это было

внушительное зрелище: 10 тысяч детей, на трибуне временного Мавзолея весь президиум съезда, речи вождей...

Эрудит и умница Н. И. Бухарин докладывал съезду: «После того, как они (пионеры. — Л. О.) несколько окрепли, они стали действовать по линии влияния на родителей, что чрезвычайно важно, потому что центр новой борьбы — это современная организация семьи. И здесь мы имеем детскую организацию, которая своими слабыми ручонками разрушает старые отношения в этой семейной организации, т. е. ведет медленный подкоп под самую консервативную твердыню всех гнусностей старого режима. Они стали созывать вместе со своими руководителями собрания родителей-рабочих. Родители сперва были выжидательно настроены, потом они стали эти собрания все более и более охотно посещать. Что развилось на этой почве? Процветало иногда битие этих маленьких детей за то, что они принадлежат к пионерам. Пионеры повели упорную, ожесточенную борьбу против этого. В результате была организована пятерка из представителей пионеров, комсомольцев и фабзавкома, которые обходили рабочих, бьющих своих детей, делали внушения, иногда привлекали к суду; таким образом создается новый тип отношений».

...Далее, мы имели такое громадное событие в нашей партийной жизни, как ленинский призыв. Пионеры, эти молодцы, во многих случаях оказывали такое влияние на своих родителей, что они таскали их в партию, заставляли записываться и делали все, чтобы склонить их к вступлению в партию».

В этом месте бесстрастный стенограф зафиксировал аплодисменты. Большевики той поры идея, по выражению того же Бухарина, «создать новый тип людей» воодушевляла. Имелся человеческий материал, и он казался пластичным. Рычаг казался удобным, трансмиссия — послушной. Буржуазный хлам — чти отца и мать свою — отбрасывался за ненадобностью. Да что там отец, когда стране нужен хлеб.

Внушительность такого фактора, как дети и вступавшие под их воздействием в партию родители, в политическую жизнь тех дней проливает дополнительный свет на психологию террора. Террористам ведь надобна среда, разлагающая лишь красный и белый цвета да слепящую демаркационную линию между старым и новым.

Не знаю, была ли платоновская Настя пионеркой, но она твердо знала, что следует «плохим людям всех убивать, а то хороших очень мало». «Ты вполне классовое поколение, — обрадовался Сафонов, — ты с четкостью создаешь все отношения, хотя сама еще малолетка. Это монархизму люди без разбору требовались для войны, а нам

только один класс дорог, да и мы класс свой будем скоро чистить от несознательного элемента».

И вычистили. И когда «чистили», было кому отречься, не дожидаясь трехкратного петушиного крика. Объект воспитания, становясь «новым», переставал быть человеком.

«Отдельные молодые люди хотят пройти стороной от кипучей жизни... Буржуазные идеологи, наши враги обращают внимание и пытаются использовать в своих интересах именно таких незакаленных, восприимчивых к любой идеологической инфекции людей. Но таких, к счастью, у нас единицы».

Л. И. БРЕЖНЕВ. «Отчетный доклад ЦК КПСС XXIII съезду КПСС».

Когда идея терпит крах и от нее со стыдом и смущением отворачиваются бывшие приверженцы, наступает время эпигонов. Возможно, последним, кто горячо веровал в концепцию «нового человека», был Н. С. Хрущев. Человек, рассчитавший наступление коммунизма к 1980 году, должен был создать и «моральный кодекс», без которого не мог обойтись его строитель. (Все это уже было. Был культ Верховного Существа, введенный Робеспьером. Декретировалось, что «культ, достойный Верховного Существа, заключается в выполнении человеком его обязанностей. Из этих обязанностей он считает первейшими: ненавидеть нечестность и тиранию, наказывать тиранов и изменников, помогать несчастным, уважать слабых, защищать угнетенных, делать другим все возможное добро и не быть ни к кому несправедливым...»)

Комитет общественного спасения повелел на фронтонах культовых зданий отчеканить слова нового евангелия. Ревнителю нового культа с радостью повиновались, и над дверями церкви золотыми буквами начертали кодекс строителя капитализма. Разумеется, немедленно было возбуждено ходатайство об оплате служителей нового культа.

По словам А. Олара, «культ Верховного Существа, дискредитированный и ненужный, влачил жалкое существование, а когда исчез сам его первосвященник, то и он исчез вместе с ним».)

Вспомним бригады коммунистического труда и его ударников. Вспомним Валентину Гаганову и тому подобные почини. Все это обречено было на выход в тираж; идея была на излете, ибо время энтузиастов кончилось.

Началась эпоха лжи и скепсиса. Никогда прежде не было в стране такого количества воспитателей, как в 70—80-е годы. Будто экономические провалы непременно требовали идеологической сатисфакции (впрочем, и сегодня некоторые ученые рассматривают нравственность как кислородную подушку для задыхающейся экономики). Никогда прежде мы так много и так нудно не учили друг друга, как жить по новому. Число специалистов в области коммунистического воспитания росло, как снежный ком. Помню лозунг «Коммунистическое воспитание — дело общенародное!».

Так, крупным деятелем в области формирования нового человека оказался Г. А. Алиев. В 1978 году он произнес программную речь на VI съезде учителей Азербайджана. По иронии судьбы, спичмены заставили его дважды перебраться с идеями великих французозов. Сначала следовала прямая ссылка на мысль Руссо: «Верный способ испортить человека — это дать ему все и не требовать ничего».

Далее речь зашла о некоторых родителях, которые, понимаете ли, нетребовательно подходят к своим детям, не критически относятся к их знаниям, словом, «ведут себя неправильно». Рецепт исправления этих пресловутых «некоторых» был элементарен: «Школа обязана предупреждать эти отклоне-

ния, пресекать их в зародыше...»

А что надлежит делать нетребовательным и некритическим родителям? Их тоже не оставили без назидания: «Родители должны хорошо понимать, что воспитание в семье — это не внутреннее, не личное дело каждого. Это конституционная обязанность гражданина...» Таким образом, на свет являлась бледная и пошлая тень знаменитого тезиса Дантона о том, что дети принадлежат прежде всего республике, а затем уже — родителям.

По-видимому, глубокая и содержательная речь Гейдара Алиевича запала в душу тому, кто в скором времени оказался на самом вершине, и в 1984 году именно Алиеву поручают реформу школы. Чем это закончилось — всем известно.

Формированием нового человека не занимался только ленивый. В 80-х годах Юриздат выпустил в свет два издания учебного пособия «Политико-воспитательная работа в органах внутренних дел». Разница между ними заключалась, во-первых, в том, что первое оперировало решениями XXV съезда КПСС, второе — XXVI съезда; во-вторых, первое редактировалось генерал-лейтенантом, второе — генерал-полковником. Было, разумеется, и сходство: в обоих случаях пособие редактировал заместитель министра внутренних дел СССР Ю. М. Чурбанов. В 1980 году гражданин Чурбанов опубликовал книгу «Товарищ милиция» (издательство «Молодая гвардия»), где юношам и девушкам популярно объяснялось, что взятка — бяка.

Проблемы коммунистического воспитания не чужды были и его непосредственному начальнику. Н. А. Щелоков (кстати, мало кто знает, что Николай Анисимович был доктором экономических наук) выступил ответственным редактором трудов научной конференции «XXV съезд КПСС: проблемы социалистического образа жизни и укрепление правопорядка» (М., 1977), а также автором многих нравоучительных статей.

В июне 1983 года состоялся Пленум ЦК КПСС, посвященный идеологическим вопросам. «Советский человек — по мнению докладчика (им был К. У. Черненко), — пламенный патриот и интернационалист, убежденный в правоте идеалов коммунизма. Его отличают активная гражданская позиция, кровная заинтересованность во всех государственных и общественных делах, инициативное, творческое отношение к труду... У нас есть все основания считать, что новый человек — это не только отдаленный идеал, но и реальность наших дней».

Этот по меньшей мере спорный вывод нуждался в эмпирическом подтверждении. И за ним дело не стало: в том же 1983 году Институт социологических исследований АН СССР издает коллективную монографию под характерным заголовком «Измерение уровня коммунистической воспитанности трудящихся». Социологи провели огромную работу, опросив кучу людей. Опросный бланк включал в себя 10 проблемных блоков — от «идеологической воспитанности» до «общественно-психологической воспитанности».

В общем и целом вывод К. У. Черненко соответствовал истине. Так, «по отдельным идеологическим положениям» респонденты показали следующие знания: главный принцип внешней политики — 90%, национальная политика — 80%, охрана социалистической собственности — 81% и т. д. В среднем — 71%, что, согласитесь, нехудо.

Чуть слабее оказалась «мировоззренческая воспитанность». «Законы развития природы» твердо знали 77% опрошенных, однако «критичность по отношению к идеализму» неожиданно обнаружило только 30%. На круг вышло 55%. Куда лучше обстояло дело с представлениями о нормах социалистического общежития. Твердо верили

в коллективизм 84%, в приоритет общественных интересов над личными — 95%, «о необходимости быть активным оптимистом (так в тексте! — Л. О.)» — 53%. Тут была очевидна некая недоработка идеологов: недоразъяснили необходимость, в результате народ заколебался и стал нетверд в оптимизме.

Напомним, все это писано в 83-м, когда застой, одышливо гримасничая, добрал до пика, с которого открывался захватывающий вид головокружительной бездны. При Черненко мы, будто охваченные сомнамбулизмом, бесечно стояли на краю. Впрочем, сам он жестом Державина на выпускном вечере лицеистов успел прикрепить орден к знаменитой комсомольской организации Советской Армии и Военно-Морского Флота — «за плодотворную работу по воспитанию армейской и флотской молодежи». О «дедовщине» тогда не говорили, молчаливо относился к «отдельным недостаткам», никак не отрицающим факта плодотворности.

Поистине, комвоспитание — бесмертное ремесло. Уже явлены миру «высочайшие образцы» и «героические свершения», а все неймется. Просто странно, что предложенное М. С. Горбачевым «новое мышление для страны и всего мира» воспринимается прежде всего всем миром, страна же по инерции продолжает безостановочный процесс воспитания и самовоспитания. Полки библиотек полнятся руководствами по формированию нового человека — уже в «духе решений» XXVII съезда, XIX партконференции, очередного Пленума, подоспевшего как раз накануне подписания в печать.

Один автор «проследивает соотношение таких категорий, как «классовая солидарность», «рабочая солидарность», «революционная солидарность», «социалистическая солидарность» и «международная солидарность трудящихся». Почтенное занятие, смысл которого был бы понятнее, когда бы мы употребляли эти понятия на что-нибудь иное, нежели оформление праздничных транспарантов.

Другой тщится убедить нас, будто «торжество принципов классового воспитания — объективный закон духовного прогресса». Так уж и «объективный»... Так уж и «прогресса»...

Третий доказывает (кому? те, кто его читает, не испытывают сомнений), что «для формирования нового человека в социалистическом обществе созданы все условия». И перечисляет их: «Во-первых, экономическая, социально-политическая и идеологическая общность советского народа; во-вторых, наличие единого социалистического сознания; в-третьих, громадный политический опыт трудящихся масс; в-четвертых, высокий общеобразовательный и культурный уровень населения; в-пятых, наличие многочисленных высококвалифицированных кадров воспитателей, педагогов, партийных и комсомольских работников; в-шестых, партия, весь народ имеют в своем распоряжении глубоко обоснованную, научную программу воспитания идейно закаленного человека».

Полно! Можно ли так категорично говорить об общности, когда страна раздираема экономическими, социально-политическими и идеологическими противоречиями? Разве верность коммунизму заключается в том, чтобы так высоко и легко парить над действительностью?

Наличие сознания отрицать не приходится, но является ли оно в самом деле «единым» и «социалистическим»? Не сон ли это, не утренний ли туман?

О каком таком «громадном политическом опыте» идет речь, когда повсеместно признано, что демократии мы только учимся? Десятилетиями народ был мертв в политике — уж не тогда ли наработывался опыт? И если у населения действительно высокий культурный

уровень, то о чем хлопочет академик Лихачев? Выходит, о пустом.

Не стану спорить: воспитывающих кадров у нас много, может быть, даже с лихвой. Но откуда взялась их «высокая квалификация»? Как-то так сложилось, что подавляющее большинство секретарей парткомов по идеологии принадлежат к лучшей половине человечества. Не знаю, чем это объяснить. Возможно, в ходе длительной эволюции и жесткого естественного отбора женский организм успешнее адаптировался к постижению таинств марксизма-ленинизма и практике демократизации. Трудно сказать, к счастью это или к несчастью для воспитательной работы, во всяком случае, на сегодняшних митингах, открывающих безбрежный простор для ваяния из несознательных неформалов «новых людей», голоса наших идеологинь не слышно.

А наше убогое, издерганное учительство, возглавляемое полунедоразогнанной Академией педнаук, на дух не переносящее шаталовых и щетинных, с беспечностью попки твердящее заду... И на его-то хрупких плечах может покоиться дело коммунистического воспитания? Посильно ли бремя?

Наконец позволительно спросить: все условия для классового воспитания налицо, а где его результаты? Предъявите, если можете. Ситуация своей парадоксальностью напоминает рассказанный Гейне анекдот про человека, который отправился посмотреть на чудовище, расписанное в газете и родившееся якобы от карпа и кролика. Когда он прибывает на выставку и спрашивает: «Где чудовище?», ему отвечают: «Мы его отправили в кустамеру. Но вот карп и кролик, можете убедиться сами».

Похуже, когда целина поднята, БАМы построены, а великие повороты рек не предвидятся, то есть обнаруживается отсутствие зримых результатов коммунистического воспитания, нам, как карпа и кролика, предъявляют его условия. За этими манипуляциями кроется затруднительный для прямого ответа вопрос: «Вы что, нам не верите?» Как-то так получается, что не кто иной, как «новый человек» (подозрительно смахивающий на «снежного»), придал земле своей сходство с лунным ландшафтом, поразил русскую деревню безлюдьем, города — смогом, магазинные полки — пустотой, души — апатией.

На Съезде народных депутатов СССР много говорилось о нападках на партию и вбивании клиньев между партией и народом. Желая быть правильно понятым, внимательно перечел написанное на предмет ненападения и невбивания, и вижу, что критике не хватает конструктива. В качестве такого хотел бы предложить: давайте отбросим комбольтовню о комвоспитании. Идея «нового человека» за десятилетия доказала свою бесполезность вполне. Более того, она опасна, ибо предполагает иерархию: мы «новые», а вы не вполне, сейчас мы вас доведем до кондиции.

Лучшее новое мышление «старых», как они есть, людей, чем старые предрасудки «нового человека». Отринем самонадеянную мысль, будто мы, коммунисты, уже в силу принадлежности к партии приобретаем право первородства и, стало быть, старшинства. Диалог, предполагающий равенство сторон, исключает дидактику.

Начнем движение заново, из другой точки и по направлению, как сказал бы поэт: «...От молодых еще воронежских холмов к всечеловеческим, ясенющим в Тоскане». Все вместе — без высокомерного разделения на слепых и поводырей.

Великой Французской революции — 200 лет. Перестройка, продолжая революционный процесс, наследует ее лучшие традиции, но отбрасывает мифы, замешанные на крови. «Новый человек» умер, удовлетворимся просто человеком.

НИКИТА СЕРГЕЕВИЧ ХРУЩЕВ ВОСПОМИНАНИЯ

XVII СЪЕЗД.

В 1934 году собрался XVII съезд партии — «съезд победителей». Никакой оппозиции уже не было ни в партии, ни на съезде. Это был первый съезд после смерти Ленина, где не было оппозиции. В то время начались пятилетки, дела пошли хорошо и все увлеклись хозяйственной работой. Это была главная деятельность. И это правильно. Она конкретно служит идеологии. Если идеология не подкреплена материально — она не укрепит, не прорастет в сознании людей.

На этом съезде я был избран членом Центрального Комитета. Вообще техника голосования в члены ЦК на меня произвела сильное впечатление своей демократичностью. Были выставлены кандидаты, их занесли в список, и бюллетени роздали делегатам съезда. Правда, возможностей для выбора и тогда было предоставлено мало. Кандидатов занесли в список ровно столько, сколько необходимо было избрать в состав членов и кандидатов в члены ЦК, членов Ревизионной комиссии. — ни одним больше. Каждому делегату только предоставлялась возможность выразить свое отношение к той или иной кандидатуре, то есть вычеркнуть или оставить в списке. После получения бюллетеней для голосования делегаты сейчас же разбредались, садились и штудировали списки, решая, кого оставить, а кого вычеркнуть.

Некоторые, я видел, довольно усид-

чиво занимались этим делом. Сталин же демонстративно на глазах у всех получил списки, подошел к урне и опустил бюллетень не глядя. Для меня это выглядело как-то по-особому. Потом-то я понял, что ни одной кандидатуры без благословения Сталина не было занесено в эти списки и поэтому читать их ему не было никакой необходимости.

Тогда один эпизод произвел на меня удручающее впечатление. Перед голосованием Каганович инструктировал нас, молодых, как относиться к спискам кандидатов. Все это делалось доверительно, но так, чтобы никто не знал. Он рекомендовал вычеркнуть из списков тех или иных кандидатов, в частности Ворошилова и Молотова. Это мотивировалось тем, чтобы не получилось, что Сталин получит меньше голосов, чем Ворошилов, Молотов и другие члены Политбюро. Говорилось, что все это делается из политических соображений, и мы отнеслись к таким призывам с пониманием. Но все-таки это произвело на меня плохое впечатление: «Как же так? Член Политбюро, секретарь Центрального Комитета и секретарь Московского комитета, большой авторитет для нас и вдруг рекомендует заниматься вот такой недостойной члена партии деятельностью?»

Одним словом, прошло голосование, потом подсчет голосов. Тогда техника была такая: объявлялось количество голосующих и количество голосов, поданных за каждого кандидата. Я считал тогда, что подсчет голосов соответствует действительности. Другие по нескольку десятков и даже, по-моему, по сотне получали «против». Порядок был

такой: получивший абсолютное большинство голосов считался избранным. Я помню, Сталин не получил всех голосов: шесть человек голосовали против него. Почему я хорошо это запомнил? Потому что, когда объявили: «Хрущев», — то у меня тоже шести голосов не хватало. Я чувствовал себя на седьмом небе — против меня голосовали только шесть делегатов, как против Сталина. А кто я в сравнении со Сталиным?

В период моей работы в Московском городском партийном комитете я довольно часто имел возможность общаться со Сталиным, слушать его и даже получал его непосредственные указания по тем или другим вопросам. Я был буквально очарован Сталиным, его предупредительностью, вниманием, его осведомленностью и заботой. Я всецело был поглощен обаянием Сталина и восхищался им.

В начале 30-х годов Сталин был очень прост и доступен. Когда я был секретарем горкома и секретарем МК и у меня возникал какой-нибудь вопрос, то я звонил прямо Сталину. Он мне почти никогда не отказывал и сейчас же принимал или же назначал время. Мои вопросы чаще всего касались резолюций, которые мы принимали, потому что Московский комитет всегда служил для других организаций авангардом и примером. Сталин нам так и говорил.

Бытовая сторона жизни Сталина мне тоже нравилась. Бывало, когда я уже работал на Украине, приезжаешь к Сталину, чаще всего на ближнюю дачу в Волынском. 15 минут ехать из города.

Прораб (Ягода, Хрущев и другие на строительстве канала Москва — Волга, 1935 г.)

Друзья и соратники (Сталин и Ворошилов с женами, дата неизвестна)

Приедешь, он обедает. Если это летом было, то он всегда обедал на воздухе, на веранде. Сидел обычно один. Подавали суп — русская похлебка, графинчик стоял с водкой, графин с водой, рюмочка была умеренная.

Бывало, заходишь, поздоровался, и он: «Хотите кушать? Садитесь, кушайте».

А садитесь — это значит, бери тарелку (тут же супница стояла), наливай себе сколько хочешь и кушай. Хочешь выпить — возьми графин, налей рюмочку, выпей. Если хочешь вторую, то это, как говорится, душа меру знает. Не хочешь (я подчеркиваю, что именно так тогда было), можешь не пить.

Мы потом вспоминали эти дни, как доброе, старое время. Потому что создалась такая ситуация, когда ты не только не хочешь, но тебя воротит, а тебя накачивают, наливают. Да-да, и это делал Сталин.

Правда, мне он не раз говорил: «Вот помните, когда Берия не было в Москве, у нас не было таких питейных дел, пьянства не было».

Я тоже видел, что Берия в этих вопросах был подстрекателем в угоду Сталину. Сталину это нравилось, а Берия это чувствовал. Когда никто не хотел пить, а он видел, что у Сталина есть такая потребность, то он организо-

выдвинуть на пост Генерального секретаря Центрального Комитета.

Содержание этого разговора стало известно комиссии Шверника, созданной нами после XX съезда, о чем она и доложила Президиуму Центрального Комитета. Что ответил Киров на это, я не знаю, но было известно, что Киров пошел к Сталину и рассказал об этом разговоре с Шеболдаевым.

Сталин якобы сказал Кирову:

— Спасибо. Я тебе этого не забуду. Заявление, характерное для Сталина: за этим «спасибо» нельзя разоблачать — благодарит ли он Кирова за сообщение или же угрожает. Этот эпизод, который стал известен гораздо позднее, приоткрывает занавес над причинами организации такой мясорубки.

Комиссия Шверника проявила интерес и к тому, как проходило голосование на XVII партийном съезде. Стали искать членов счетной комиссии. Некоторые из них сохранились в живых. Мы

нашли товарища Агреасьяна и некоторых других. Агреасьяна я знал хорошо, он работал секретарем райкома партии в Октябрьском районе Москвы в то время, как я был секретарем на Красной Пресне. Агреасьян был близок к Микояну: они вместе учились в духовной семинарии в былые времена. Товарищ Агреасьян тоже отбыл срок — не то пятнадцать, не то шестнадцать лет. Так вот, эти члены счетной комиссии XVII партийного съезда доложили о том, что количество голосов, поданных против Сталина, было не шесть, как это докладывалось на съезде, а не то 260, не то 160. Обе цифры очень внушительные, особенно принимая во внимание положение Сталина, его самолюбие и его характер. А на съезде было объявлено, что против Сталина голосовали шесть человек.

Кто дал счетной комиссии директиву фальсифицировать результаты выборов? Я абсолютно убежден, что без

Сталина никто бы на такое дело не пошел.

Если связать результаты голосования и беседу Шеболдаева с Кировым, о которой узнал Сталин, и учесть предупреждение Ленина, что Сталин способен злоупотреблять властью, то все становится на свои места.

Сталин был умный человек, и он понимал, что если на XVII съезде против него голосовали 260 или 160 человек, это означает, что в партии зреет недовольство. Кто мог голосовать против Сталина? Это могли быть только ленинские кадры. Нельзя было предположить, что Хрущев и подобные Хрущеву молодые люди, выдвинувшиеся при Сталине, которые его боготворили и буквально в рот ему смотрели, могут проголосовать против него. Этого никак не могло быть.

А вот старые партийцы, которые работали под руководством Ленина, хорошо знали Ильича, чье завещание всегда было в их памяти, конечно, не могли мириться с тем, что Сталин, после смерти Ленина, к XVII съезду набрал силу и перестал считаться с ними, стал проявлять черты своего характера, на которые указывал Владимир Ильич. Вот они, видимо, и решили поговорить с Кировым и проголосовать против Сталина.

УБИЙСТВО КИРОВА

С Кировым я близко знаком не был, как-то мы вместе с ним выступали на похоронах на Красной площади. Кого-то мы хоронили, не помню.

Тогда Каганович мне говорил:

— Сказали, чтобы вы выступили, но вы имейте в виду — там будет выступать Киров. Киров очень хороший оратор, поэтому вы подумайте хорошенько, иначе впечатление может быть неблагоприятным.

Я ответил, что, мол, не смогу больше, чем умею, а с Кировым мне не соревноваться, поэтому, может быть, другой выступит?

— Нет, сказали, чтобы вы выступили.

Ну, я и выступил.

Каганович сейчас, как я кончил, подошел ко мне:

— Замечательно! Блестяще! Блестяще выступили! Это отметил Сталин. Он сказал: с Кировым рядом выступать тяжело, а Хрущев выступил хорошо.

Насколько я помню, Киров был очень неразговорчивый человек. Сам я с ним не имел особых контактов, но потом Микоян расспрашивал о Кирове. О Кирове я слышал, что он мог голодных людей заговорить. Так он в Астрахани делал: есть нечего, так он им речи говорил, а люди слушали. Он, конечно, был человек умный и знал, что сказать. Трибун.

Я его слушал на съезде партии. Он говорил без текста, с отработанной жестиком. Оратор хороший.

Микоян его знал.

Он рассказывал мне:

— Ну, как тебе сказать? На заседаниях ни разу ни по какому вопросу он не выступал. Молчит. Не знаю я, что это значит...

Но авторитет у него, конечно, в партии был большой...

...Кончился XVII съезд.

Вдруг в декабре звонит мне Каганович.

— Приезжайте, — говорит, — в Кремль.

Я сейчас же приехал.

Он вышел с заседания Политбюро в приемную, очень взволнованный, голос дрожит, слезы на глазах:

— Убит Киров. Только что получили сообщение из Ленинграда, что убит Киров. Вы составьте московскую делегацию рабочих и во главе этой делегации поедете в Ленинград на похороны. Хоронить его будут в Москве, и вы будете сопровождать тело.

Говорю:

— Хорошо.

Каганович тогда сказал:

Киров с нами! (Кремль, 1930 г.)

вывал, выдумывал всякие предлоги, был затравщиком.

Об этом я говорю, потому что я обращаю внимание на то, что к концу жизни Сталина такое времяпрепровождение было убийственно и для работы, и даже физически. Спаивались люди, спивались, и чем больше напивался человек, тем больше получал удовольствия Сталин... Но, повторяю, так было позже.

Вернусь к XVII съезду. В то время в партии видное место занимал секретарь Северо-Кавказского краевого партийного комитета Шеболдаев. Шеболдаева я знал, но близко с ним знаком не был. В 1917 году он находился в царской армии на Турецком фронте и проводил среди солдат очень активную работу.

Как стало известно многие годы спустя, этот Шеболдаев — старый большевик с дореволюционным стажем — во время работы XVII съезда пришел к Кирову и сказал:

— Мируныч (так Кирова называли близкие люди), поговаривают старики о том, чтобы вернуться к завещанию Ленина, реализовать его, то есть перевести Сталина, как рекомендовал Ленин, на какой-то другой пост, а сюда выдвинуть человека, который бы более терпимо относился к окружающим. Народ поговаривает, что хорошо бы тебя

— Туда едут Сталин, Ворошилов и Молотов.

Сталина, Ворошилова и Молотова я не видел ни когда садились в вагоны, ни когда мы прибыли, потому что они ехали отдельно, в специальных вагонах. Ленинград (может быть, это мои личные переживания и я переносил их на всех) был в глубоком трауре. Мы видели переживания людей, секретарей городского партийного комитета, секретарей Ленинградского областного партийного комитета. Встретил я там и старых знакомых. Особенно я был в хороших отношениях с Чудовым — вторым секретарем Ленинградского областного комитета партии. Это был симпатичный и уважаемый всеми товарищ. Все мы развлеклись руками, ничего мы толком не знали, что происходит. Знали только, что убили Кирова Николаев. Нам сказали, что Николаев не то был исключен из партии, не то не исключен, но имел наказания за участие в троцкистской оппозиции, и поэтому это дело рук троцкистов. По-видимому, они организовали это убийство, и в нас это вызывало искреннее возмущение и негодование.

Не помню сейчас, сколько мы были в Ленинграде: один, два или три дня. Когда ленинградцы прощались с телом Сергея Мироновича Кирова, мы стояли в карауле, по-моему, даже по нескольку раз. Потом перевоз тела в Москву и похороны. Как переживали смерть Кирова Сталин и другие, я не могу сказать. Каганович, которого я видел, был потрясен и, по моему мнению, даже напуган. Сталина я видел, когда он стоял в карауле в Ленинграде, но он умел владеть собой, и лицо его было непроницаемо. Да и думать я тогда не мог, что он может быть занят чем-то, кроме переживаний о смерти Кирова.

После XX съезда была создана комиссия для детальной проверки дел всех осужденных. Председателем комиссии был утвержден Шверник. Я предложил включить в состав комиссии Шатуновскую, которая сама отсидела шестнадцать лет и которая была в моих глазах неподкупным, вернейшим членом партии. Привлекли туда и Снегова, который отсидел почти двадцать лет. Это была ответственная комиссия, которая должна была разобраться в этих делах и дать свое заключение: как же могло случиться, что такое количество людей погибло во времена Сталина как враги народа.

Естественно, в первую очередь решили проверить, кто такой Николаев, как он совершил это преступление, что его побудило.

Когда мы приступили к изучению дела Николаева, то оказалось, что Николаев незадолго до убийства Кирова был задержан чекистскими органами около Смольного института, где работал Киров. Он вызывал какие-то подозрения у охраны, его задержали и обыскали. У него обнаружили пистолет. Несмотря на эти улики — а в те времена очень строго относились к этому — и несмотря на то, что он был задержан в районе, который особо охранялся, поскольку член Политбюро и руководство Ленинградского обкома и горкома партии ходили и ездили там, Николаев, как докладывала комиссия, был освобожден.

Я особо обращаю внимание на то обстоятельство, что Николаев был задержан около Смольного института, то есть около обкома и горкома партии, и при обыске у него был обнаружен пистолет, и он был освобожден.

Через какое-то время Николаев убивает Кирова. Все это настораживало.

Николаев не на площади стрелял в Кирова. Нет. Он проник в Смольный, проник в подъезд, которым пользовался только Киров, и убил его на лестничной клетке, когда тот поднимался по лестнице. Это сразу рождало подозрения, что Николаев был подослан для совершения этого террористического акта какими-то людьми, занимающими высокое положение. Он был задержан нижестоящими чинами, которые не

были информированы. Это понятно. Они и не должны были быть информированы. Своим поведением Николаев показался им подозрительным, и они его задержали, но был отпущен по указанию сверху. Больше того. Этот Николаев получает доступ в Смольный, на лестничную клетку обкома партии, где работал Киров, там встречается Кирова и убивает его. Без помощи людей, обладающих властью, этого сделать вообще невозможно, потому что все подходы к Смольному охранялись, а особенно охранялся подъезд, которым пользовался Киров. Организовать это могли лишь те, кому был доступен вход в этот подъезд.

Все были потрясены. Стали разбираться дальше. Может быть, кое-кто из присутствующих и знал все обстоятельства, но молчал. Конечно, кое-кто знали Молотов и Ворошилов, которые ездили в Ленинград со Сталиным. Комиссия доложила, что она получила сведения о допросе Николаева Сталиным. Об этом рассказал кто-то из старых большевиков, но, конечно, никаких документальных данных на этот счет быть не могло. Якобы, когда к Сталину привели Николаева, он бросился на колени и стал говорить, что он сделал это по поручению и от имени партии.

Следует отметить, что до разговора со Сталиным Николаев отказывался отвечать на вопросы следователей. Он требовал, чтобы его передали представителю центрального аппарата ОГПУ. Он утверждал, что ни в чем не виноват, а почему он так поступил, знают в Москве.

Безусловно, он выполнил поручение, но чье это могло быть поручение — мне сказать трудно.

Конечно, не Сталин лично поручил Николаеву. Для этого Николаев слишком мал, но что по поручению Сталина кто-то его подготовил, у меня нет сомнения. Это убийство было организовано сверху. Я считаю, что оно было организовано Ягодой, который мог действовать только по секретному поручению Сталина, полученному, как говорится, с глаза на глаз.

Если принять такую схему рассуждений, то Николаев мог надеяться на какое-то снисхождение, но рассчитывать на это было слишком наивно. Не такой большой человек был этот Николаев. Он выполнил поручение и думал, что ему будет дарована жизнь. Глупец. Как раз при исполнении такого поручения для сохранения тайны требовалось уничтожение Николаева. И Николаев был уничтожен.

Тогда Ворошилов был жив, а Молотов и сейчас живет, но мы не были настолько наивны, чтобы спрашивать их об этом. И тот и другой с возмущением отвергли бы вопросы, потому что признавать — это значит признать свое соучастие в заговоре и в убийстве Кирова. Они не настолько глупы, чтобы с этим согласиться, а мы были не настолько наивны, чтобы их об этом спрашивать.

Во время пребывания Сталина, Молотова и Ворошилова в Ленинграде по расследованию убийства Кирова, как стало известно, Сталин потребовал привести к нему комиссара, который в тот день охранял Кирова. Тогда же активно было объявлено, что, когда этого комиссара везли в автомобиле на допрос, в результате неисправности рулевого управления машина ударила об угол дома, и он погиб. Везли его на грузовой машине.

Мы поручили комиссии Шверника допросить людей, которые везли этого комиссара, чтобы они рассказали, при каких обстоятельствах произошла эта авария и как при этой аварии был убит комиссар — начальник охраны Кирова. Стали искать этих людей. Их было трое, мне их фамилии называли. Двое сидели в кузове грузовой машины с комиссаром, охраняли его, а третий был в кабине с шофером. Всех троих не оказалось в живых: они были расстреляны. Это у нас вызвало еще большее подозрение, что все было организовано

свыше и авария этой автомашины была не случайная.

Я предложил:

— А вы поищите, не остался ли в живых шофер.

Я никаких надежд не питал, потому что видел, как дело было организовано, и считал, что шофера, видимо, чекисты тоже уничтожили, как свидетеля.

К нашему счастью, шофер оказался живым. Допросили его. Он подтвердил, что он был шофером на такой-то машине, и рассказал:

— Ехали мы. Рядом со мной сидел чекист и все время меня понукал, чтобы быстрее ехать, скорее доставить арестованного. На такой-то улице при повороте он выхватил у меня руль из рук и направил машину на угол дома, но я крепкий был человек, молодой, вырвал у него руль, вывернулся и только помял крыло у машины. Никакой аварии не произошло, но я слышал, как раздался наверху какой-то стук. Потом объявили, что при аварии погиб этот комиссар.

Таким образом, показания этого шофера еще больше раскрывали подробности заговора с целью убийства Кирова. Кирова нет, и тут рвались нити, которые могли как-то обнаружить, что это был заговор.

Все свидетели были убиты, а шофер остался. Я поражаюсь. Убийцы были довольно квалифицированные, а не предусмотрители. Всегда преступление оставляет за собой след, в результате чего и открывается преступление. Так и с шофером. Все предусмотрители. Чекисты этих троих уничтожили, комиссара убили. Комиссар, видимо, мог многое сказать. Очевидно, он имел какие-то указания, потому что комиссар отстал от Кирова, когда они вошли в подъезд и Киров стал подниматься по лестнице. Все предусмотрители, а о шофере забыли.

Потом мы стали искать Медведя, начальника областного ОГПУ Ленинграда. Он был, как говорят, ближайшим другом Кирова. Они вместе на охоту ходили и семьями дружили. Может быть, Медведь что-то скажет? Обнаружили, что Медведь был выслан на Север, а потом расстрелян. Это тоже прерывало след. Он, близкий к Кирову человек, видимо, имел свое суждение об убийстве.

Комиссия докладывала, что нашелся какой-то человек, который говорил, что есть женщина — врач из больницы, где лежал этот Медведь, и он ей что-то рассказывал, чтобы она передала его рассказ в ЦК в будущем.

— Я, — говорит, — не доживу, буду уничтожен.

Мы не нашли эту женщину, с которой беседовал Медведь, а сам Медведь был расстрелян. Так что его предположения оправдались. Мы нашли только ниточку, но и она оборвалась. Все это обнаружил Шверник через свою комиссию.

Теперь я подхожу к главному: почему же выбор пал на Кирова? Зачем Сталину была нужна смерть Кирова? Ведь Киров был человек близкий к Сталину. Киров был послан в Ленинград после разгрома зиновьевской оппозиции и провел там большую работу, а ленинградская организация состояла в своем большинстве из сторонников Зиновьева. Он повернул ее, и она стала опорой Центрального Комитета и проводником решений ЦК. Все это Сталин ставил в заслугу Кирову.

Киров был большой массовик. Я не буду касаться всех его качеств, которые высоко ценились в партии. Он был прекрасным оратором и как мог боролся за идеи партии, за идеи Ленина.

Кирова принесли в жертву, чтобы, воспользовавшись его смертью, встряхнуть страну и расправиться с людьми, неудобными Сталину, обвинив их в том, что они подняли руку на Кирова. О Николаеве тогда говорили, что он когда-то был троцкистом. Возможно, это и правда, но никакими документами подтверждено не было ни при жизни Сталина, ни после его смерти, хотя ко-

миссия Шверника и имела доступ ко всем документам. Она не обнаружила связи Николаева с троцкистами.

Вот, собственно говоря, истоки этой мясорубки, которую затеял Сталин. Тем самым он подтвердил беспокойство Владимира Ильича Ленина о том, что если Сталин останется на этом посту, он способен злоупотребить властью. Партия не послушалась Ленина и за это поплатилась. Уничтожались не только партийные кадры. Косили всех. Если кто под настроение что-то ляпнул, то этого было достаточно, чтобы попасть в списки, а потом быть высланным или уничтоженным.

ИСТОКИ XX СЪЕЗДА

Некоторые люди в беседах со мной говорят:

— Товарищ Хрущев, а как вы теперь считаете: следовало ли рассказывать о сталинском терроре, о том, что не было оснований для того, чтобы казнить этих людей, что это были честные люди? Может быть, можно Сталина понять и простить, принять это как историческую необходимость?

Я категорически против этого. Я поднял эти вопросы на XX съезде, я по поручению руководства партии делал доклад по этим вопросам на XXII съезде, на митингах и собраниях разоблачал и клеймил Сталина за то, что он учинил расправу над строителями партии и руководителями нашего Советского государства. Я горжусь этим, считая, что тем самым я что-то сделал полезное для партии и для своей страны. Зло, которое было причинено Сталиным, нанесло большой вред нашей стране и, как всякое зло, должно быть заклеено.

Нельзя уповать на то, что, мол, все уже в прошлом. Нет. История может в какой-то степени и повторяться. От разоблачения злоупотреблений не ослабло наше государство, не ослабло влияние нашей партии, мощь ее, наоборот, возросла, потому что мы очистились от преступлений, которые были совершены Сталиным, показали, что для утверждения Советской власти и идей марксизма-ленинизма не требовалось такого кровопролития.

Другое дело, когда совершилась революция, когда стоял вопрос о завоевании власти рабочим классом, тогда такие жертвы были неизбежны. В гражданскую войну четыре года сражались русский против русского, брат против брата, сын против отца. И это было оправдано: шла историческая ломка, капиталистический строй ломался, сбрасывался, и утверждались новые законы, новая идеология, к власти приходил рабочий класс, трудовое крестьянство. Это были оправданные жертвы: революционная целесообразность требовала их.

Но во времена Сталина в этом уже не было никакой необходимости. Гражданская война давно закончилась, вредительство тоже. Выросли новые кадры, промышленность была на подъеме, правда, сельское хозяйство еще не набрало силы, но не по причине вредительства, а из-за отсталости, мы слабы были в вопросах сельского хозяйства. Я очень обеспокоен, что сейчас притупилась борьба с этим и проскальзывают статьи, в которых стараются замолчать, забыть об этих фактах. Из истории ничего выбросить нельзя. Можно выбросить людей, которые настаивают на продолжении разоблачений злоупотреблений Сталина, но сам факт не может исчезнуть. Нельзя замолчать XX и XXII съезды.

Я встречаюсь с людьми, и многие мне выражают благодарность, присылают письма, открытки, где благодарят за то, что я поднял эти вопросы. Они пишут: вот у меня тот-то погиб, или я сама сидела, или я сам сидел, а теперь вернулся, восстановил свое имя, раньше я был братом «врага народа», женой «врага народа», а теперь я получил права гражданства. Ну что может быть приятнее, чем такое признание! Я это

Отцы города (Хрущев, Булганин, Каганович на параде московской милиции, 1933 г.)

охотно принимаю, потому что, да, я был инициатором этого процесса, я провел большую работу по разоблачению Сталина. Но тут я был не один, это сделал Центральный Комитет, это сделал XX съезд. Нельзя сказать: «Хрущев захотел, Хрущев сделал».

Можно захотеть, но не найти поддержки, и ничего не выйдет. Эти вопросы созрели, и их нужно было поднять. Если бы я их не поднял, их подняли бы другие, и это было бы гибелью для руководства, которое не прислушалось к велению времени.

Яркий пример тому Чехословакия. Я много раз советовал Новотному (он честный коммунист и преданный пролетарий): поднимите занавес, разоблачите злоупотребления, если они у вас были. А они были, я знаю, что они были. Я сам был свидетелем, как Сталин давал поручения чекистам, которые были посланы в Чехословакию советниками.

Методы уже были отработаны в 1937 году, и они их применяли во всех социалистических странах. Везде были наши советники.

Новотный сердился и говорил: «Товарищ Хрущев, у нас ничего подобного не было». Я ему говорил: «Если этого не сделаете вы, то это сделают другие, и вы окажетесь в очень незавидном положении». Новотный не послушался меня, и все знают, к чему это привело и его самого, и всю Чехословакию.

Если бы мы не разоблачили Сталина, то у нас, возможно, были бы более острые события, чем в Чехословакии. Мы бы этого не миновали. Надо было сказать народу и партии правду. Что же это, действительно были враги? Враги были и сейчас есть. Это вполне понятно. Но этот удар был направлен Сталиным не против врагов, с которыми тогда уже было покончено, от которых остались только какие-то остатки, прояв-

лявшие себя в тех или иных учреждениях, и борьба с которыми не требовала массового террора. Уничтожались члены партии и в первую голову верхушка партии. Люди, которые закладывали основы пролетарской ленинской партии. Против них был направлен удар, и прежде всего они сложили головы. Эти злоупотребления никак нельзя оправдать исторической необходимостью. Никакой исторической необходимости не было: эти люди сами были организаторами масс рабочих и крестьян.

Почему же тогда Сталин их уничтожил? Он их уничтожил потому, что созрели условия для замены Сталина. В жизни пролетарской партии, построенной на основах демократического централизма, надо использовать уставные методы. Всегда может быть поставлен вопрос на съезде или на пленуме Центрального Комитета о замене одного лица другим. Если не признавать за членами партии права менять людей по своему усмотрению, то я не знаю, во что превращается партия. Такая партия не может привлечь массы, потому что это уже не диктатура класса, а диктатура личности, что фактически и было при Сталине. Партия уже не могла высказывать свою волю, Центральный Комитет не работал, не созывались пленумы, не созывались съезды партии. На периферии она продолжала жить своей партийной жизнью, но руководством был уже не избранный партией Центральный Комитет, а Сталин, который что хотел, то и делал: хотел — казнил, хотел — миловал.

Мне запомнился один эпизод, который подтверждает характеристику Сталина, данную Лениным в его завещании.

Я вспоминаю такой очень характерный факт. Много раз мы смотрели кино-

фильмы вместе со Сталиным. Однажды это был фильм из жизни колониальной Англии. Я запомнил его содержание: надо было перевезти ценности из Индии в Англию, а путь, по которому шли корабли из Индии, контролировался пиратами. Тогда обратились к одному известному пирату, который сидел в Англии в тюрьме, и предложили ему взяться за это рискованное дело, а взамен я уже не помню, что ему было обещано. Он согласился, но поставил условие, что команду он подберет по своему усмотрению из тех, кто сидит с ним в тюрьме. Английское правительство согласилось. Он подобрал команду, ему дали корабль, он прибыл в Индию, погрузил ценности и отправился в обратный путь. По пути в Англию он начал уничтожать своих сторонников. Метод был такой: намечает жертву и ставит ее портрет к себе на стол. Так постепенно он уничтожил какое-то количество этих бандитов.

Кончился просмотр этой картины, и Сталин, как обычно, предложил поехать покушать к нему на дачу. Маленков и Берия сели в машину со Сталиным, а мы с Булганиным в моей машине поехали следом. Приехали мы на близкую, сейчас же пошли руки мыть. Как всегда, перебрасывались словами.

Берия говорит:

— Слушай, ты знаешь, что Сталин сказал, когда мы ехали: «А этот капитан — не глупый парень, он соображал, что делал».

Он стал меня подбивать, чтобы я эту тему за столом поднял и сказал, что это мерзавец. Я поколебался и согласился.

За столом я сказал:

— Товарищ Сталин, какой мерзавец этот капитан — ближайших своих друзей погубил!

Сталин посмотрел на меня и ничего

не сказал. Я тоже прекратил опасный разговор на эту тему. Тут видна параллель: он тоже, как этот пират, составил себе списки, фотографии ему были не нужны, и командовал своим подручным, чья пришла очередь. Куда до него этому бандиту! Этот младенец уничтожил там десяток или полтора десятка человек, а Сталин-то уничтожил сотни тысяч. Я не могу сказать точно, сколько, но, когда Сталин умер, в лагерях было до десяти миллионов человек. Там, конечно, были и уголовники, и наши военнопленные — огромное количество людей, которое и не снилось этому английскому пирату-бандиту.

Сталин называл себя марксистом, ленинцем, а допускал зверства против своих единомышленников, против своих друзей по партии, по подполью и по великой славной борьбе за переустройство общества на социалистических началах.

Когда Сталин разоблачал врагов, я считал, что он прозорлив: он видит врага, а я? Вокруг меня, оказывается, столько было врагов, столько арестовано людей, с которыми я ежедневно общался, а я не замечал, что они враги. Поэтому у меня сейчас еще больший гнев вызывают эти злоупотребления Сталина. Это были честнейшие, преданные люди. Сколько погибло моих друзей и сколько людей, которых я очень уважал. Такие, как Бубнов, Антонов-Овсеенко. Антонову-Овсеенко было поручено Лениным арестовать Временное правительство. Старый большевик Бубнов — нарком просвещения. Это был замечательный человек, доступный, простой. Мне он очень нравился. И вдруг он оказался «врагом народа»! Меня угнетало, что я к нему с уважением относился и не замечал, что это враг.

Неужели я и сейчас ошибаюсь, как тогда, когда я себя казнил за то, что плохо вижу врагов, а Сталин их видит и чувствует на расстоянии? Нет! Нельзя поднимать убийцу! Для мертвого все равно, но это нужно для будущего поколения, которое тоже может попасть в такое же положение, в каком мы были. Если мы будем прощать — «победителей не судят», — то может появиться большой соблазн для подобных Сталину чинить расправу над народом, прикрываясь высокими идеями.

Нашей страной пройден большой путь, многое сделано. Долгое время все заслуги приписывались одному лицу — Сталину. Сам Сталин много раз осуждал такую точку зрения: это эсеровский лозунг, где на первый план выдвигаются герои, а масса — это толпа. Народ — вот вечный герой.

Если сейчас не осудить злоупотребления, если не проанализировать наши ошибки, то существует опасность, что история может повториться. Народ должен знать все о своих победах и своих поражениях. Он должен знать своих героев и должен знать причины своих поражений. А причина — это сталинский деспотизм, это злоупотребления властью. Это Сталин, который нетерпимо относился к людям, к руководителям партии, своим же товарищам, с которыми когда-то он вместе работал под руководством Ленина. А когда эти люди стали претендовать на коллективное руководство, высказывать свое мнение, он их сперва сделал политическими врагами, а потом просто стал казнить.

Я считаю, что XX и XXII съезды приняли абсолютно правильные решения и, как бы кто-то ни хотел приуменьшить и заглодать их, ничего из этого не выйдет. Никто не сможет протащить идею, что Сталин ни в чем не повинен, а если повинен, то это не преступление, а ошибки, совершенные в процессе перехода из одной формы общественного уклада в другую: от капитализма к социализму. Нет! Нет!

Ни один коммунист не встанет на сторону убийцы своего народа. Поступить так — это значит подбадривать тех, кто мог бы это повторить. И это вообще не исключено, это возможно, если не проявить бдительности.

Боже мой! Что же мне теперь делать? Послезавтра я должен лететь во Францию. Вчера с ним весь вечер провел. Говорили обо всем, анекдоты рассказывали, смеялись, выпивали, партийную конференцию обсуждали — так весело было! А сегодня мне сказали, что он этот... Ну... который обо всех сведения собирает. Кошмар! Не могли позавчера сказать. Я бы хоть через раз в руках выливал. А так даже вспомнить не могу, что я ему говорил. — столько выпили. Помню только, он мне все время: «Какой ты остроумный! Расскажи еще чего-нибудь!». И снова подливал. А я снова выпивал. Вот дурак! Меня же теперь прямо с парижского самолета снимут и на сахалинский поезд пересадят.

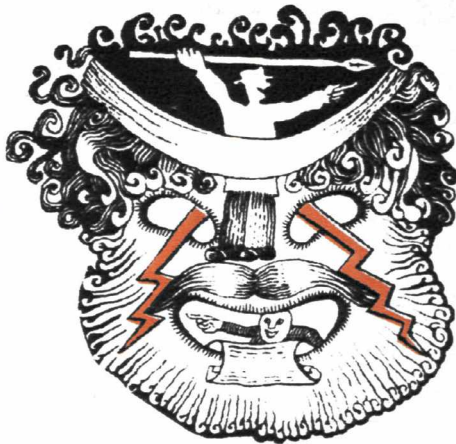
А с другой стороны, что я так испугался? Ну, наговорил и наговорил. Не то время сейчас. Гласность! Правда, если гласность, то почему до сих пор такие, как он, существуют? А может, меня разыграли? Может, он вовсе не такой? Да? А почему тогда, только встретились, он сразу: «Ты выпиваешь?». Провокатор! Понимает, что у пьяного на языке, то у трезвого на уме. А что у меня на уме? Да, что у меня на уме? У меня на уме... купить попугая, который живет триста лет, и усыновить его, чтобы хоть кто-нибудь из членов нашей семьи увидел, чем все это закончится.

Точно! Так я ему и сказал! А он еще говорит: «А ну, повтори, запишу, не понял».

Ну и пускай записывает! Ушло, ушло их время. Даже оформление за границу, и то стало проще проходить. Из анкет целую графу убрал. Одну. Теперь не надо больше писать, что я в плену не был! Потому что в стране перестройка! Гласность! Плюрализм. Правда, никто не знает, что это... Может, мой дед поэтому до сих пор по сторонам и оглядывается, когда пересказывает, что в журналах напечатано? Недавно шепотом на ухо говорит бабуле: «Осторожнее теперь надо быть. Повсюду СПИД свирепствует!». Что ни говори, а у деда чутье! Недаром и тридцать седьмой пережил, и сорок первый, и разруху, и кулуару, и застой... Теперь перестройку переживает.

Ай-яй-яй! Кажется, я ему и это сказал... Точно! А он говорит: «Извини, побегу позвоню, пока не забыл». Ну кто, кто меня за язык тянул? Сколько раз и дед, и отец говорили: не хочешь проболтаться — не думай вообще! Неужели они правы? Неужели они опять правы?!

Господи, да что же я так трясусь? Аж мурашки по коже побежали. В нашем

роду декабристы были, офицеры, революционеры, моряки... Из всех, правда, один дед выжил. И нам всем свой хромосомный набор передал. С мурашками в генах! Потому что все боролись, сомневались, колебались... А дед никогда не сомневался. А если колебался, только вместе с генеральной линией. Вон в тридцать седьмом врагов народа разоблачал, а теперь говорит: «Надо же, ошиблись, — не тех расстреляли. Ну ничего, на ошибках учатся. В следующий раз уж точно того, кого надо! Поэтому, внучок, имей в виду: гласность объявили, чтобы узнать, кто что думает, и в следующий раз не ошибиться и точно того, кого надо!»

Нет, нет... Надо взять себя в руки и успокоиться. Не может быть, не верю, не то время сейчас... И не надо так мучиться.

В газетах и журналах действительно всю правду пишут. И о Сталине, и о Хрущеве, и о Брежнев, и о Берия... А может, дед опять прав? Это и есть гласность, когда можно сказать всю правду: о Сталине, о Хрущеве, о Брежнев, о Берия... Ну еще об Иване Грозном. О Петре Первом тоже... Прямо к памятнику подойти и всю правду в глаза Медному всаднику! Мол, не первый ты был! У Екатерины!!!

Да что же это за время такое? Ничего не понятно. Если гласность, то в каких пределах, если демократия, то в каком смысле? Если все во имя человека, то какого человека имеют в виду? Что ни говори, а правильно я ему вчера на прощанье сказал: «Если их капитализм загнывает социально, то наш социализм — капитально!»

Как, я и это ему сказал?!! Ну, тогда меня даже с сахалинского поезда снимут и пешком отправят...

Нет, нет и еще раз нет! Не верю. Не то время сейчас. Перестройка!!! Даже дети, и те в перестройку играют. Сам видел, как один на другом верхом ездил. Нижний плачет: «Не хочу, не хочу больше быть Ельциным!» А верхний отвечает: «Борис, ты не прав!»

Так! Если я ему и это сказал... Выход у меня теперь один — пойти куда следует и самому во всем вчерашнем признаться. Мол, это он меня сам напоил! Причем самогонкой собственного изготовления! И это он сам со мной провокационные разговоры заводил. Каждый раз, подливая, приговаривал: «Сократим аппарат, удлиним змеевик!»

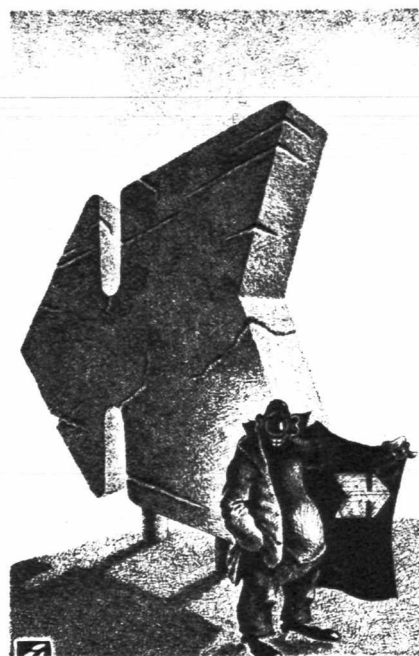
Да, но если действительно гласность, меня же за донос посадят. Нет, если гласность, могу думать, что хочу... Так что надо идти и докладывать! Зато потом точно поеду во Францию и куплю себе пуговицы для нового белого костюма!

А когда вернусь — не знаю я, о чем мечтали революционеры с декабристами, — из меня уже лишнего слова никто никогда не вытянет. Несмотря ни на гласность, ни на демократию... Зато даже, если вдруг на днях кому-то в голову взбредет у нас объявить коммунизм... Смогу все равно выехать в любую страну, чтобы купить себе все то, чего не будет у нас при коммунизме!

ОШИБКА

Степик возвращался в родные места из мест не столь отдаленных. До отправления электрички времени было вдоволь, и он тихо кайфовал среди забытой привокзальной суеты. Везде буйно гулял ветер перемен. Он рвал с забора предвыборные программы кандидатов, гнал по улице вместе с пылью страстные речи ораторов. Правда, Степик ветер перемен воспринимал просто как ветер — кулся в шарф. И вдруг на бумажных лоскутах забора он увидел свое изображение. Это были остатки плаката «Их разыскивает милиция». Ничего не осталось — только личность в галстук и подпись: «Степан Борисович Оклахонкин». Он по-новому взглянул на забор и удивился количеству листов с фотографиями. «Неужто все в бегах? Развернулись тут без меня!»

К нему подошел справный мужчина

в берете и уперся взглядом в лоскуты:

— Ты, что ли?

— Я, — нехотая признался Степик.

— Кандидат? А может, уже депутат?

«По фене ботает, — уловил Степик. — Депутатом обзывает».

— Угу, — промычал он неопределенно.

— Какая у тебя платформа?

— На Казанском вторая платформа, — не счел нужным скрывать истину Степик. — У меня всегда эта платформа.

— Мужики, — заорал своим друзьям берет. — Подождите. Интересный кандидат. Казанский. И платформа у него вторая.

— Из Казани? Татарин, что ли? Татары — они во где! Где татарин прошел, там еврей делать нечего!

Степика окружили.

— А ну, излагай платформу!

— Экологию как решишь? Заводы закроешь?

— Нет, пусть про Москву скажет! Лимитчиков выселишь? Космос запретишь?

— Пенсию дашь? Мясо обеспечишь? Атомные закроешь? Цены снижишь?

— И чтоб за самогонку не сажали! — крикнул мужичок в облезлой ушанке.

Толпа росла. «Че там? Че?» — спрашивали задние, напирая. «Встреча с кандидатом, — отвечали раньше подошедшие. — Профессор из Казани. Шпарит по второй платформе».

Степик, прижатый к забору, беспомощно оглядел плакатики. Острое профессиональное зрение вокзального «кидалы» и шулера четко ухватило нужные слова, и он все понял.

— Ребята! — подняв руку, как вождем известной фотографии, торжественно произнес Степик. — Не бойсь! Я дам вам все: мясо, мыло, автомобили, импортные кофты, галантерею, землю и, кто захочет, — дирижабли, летать в небо. Это ж надо, товарищи, до чего страну довели — самогонку гнать не с чего! Сахара — нет; картошки — нет; томат-пасты (первач — во!) — так нет; с шампуней гнали, с приятным запахом (хочешь пей, а хочешь мылись), тоже нет; только приспособились с кинескопов — сразу телевизоры кончились. Заводы ихние, весь этот дым и чад, я закрою, а зарплату сохраню. Выдадим удочки, иди на очищенную речку, лови вернувшуюся рыбку. А космические комбинаты я переведу на производство стирального порошка. Постираемся, помоемся, а там уже будем про космос думать. И экономисты у нас незрелые, резервы не там ищут, экономику не с той стороны развивают. Я водки выпущу по дешевке целые моря. Она — вечный двигатель экономики! Чем больше водки, тем больше денег в казне и в кармане. а с деньжатами, сами понимаете, такая житуха пойдет, только водку подавай.

— Пусть повторит, — кричали в хвосте. — Это ж наши мысли!

— Не обмани! — требовали недоверчивые.

— Да когда я обманывал! — клялся Степик. — И делить ядра для энергии я запрещаю! Нам, народу, они целые нужны.

— И запрети Горбачеву с женой ездить. Семья рухнет, — выскочил на перевернутый ящик двухметровый исполин. — Из-за такого примера моя Акулина везде за мной тащится, даже в домно.

— Заметано, — деловито согласился Степик. — Вставляю в программу пятым пунктом. После ядер.

— Степик, что ли? — ахнул, признав, протолкнувшийся к нему милиционер, их участковый из поселка. Его мобилизовали на предвыборные мероприятия. — Вышел, что ли?

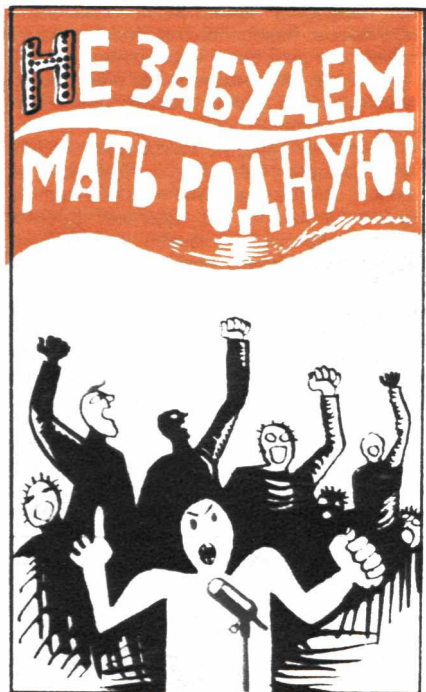
— Вышли мы все из народа, — не растерялся Степик.

— Это ошибка, — прокричал участковый собравшимся. — Это не кандидат!.. Это Степик... Шулер... Расходись!

— Милиция наших давит! Не трожь! — завопила толпа. — Это не твой кандидат.

Участкового стащили с ящика. Он плюнул и отступил. Только успел спросить:

— Когда отмечаться-то приедешь?

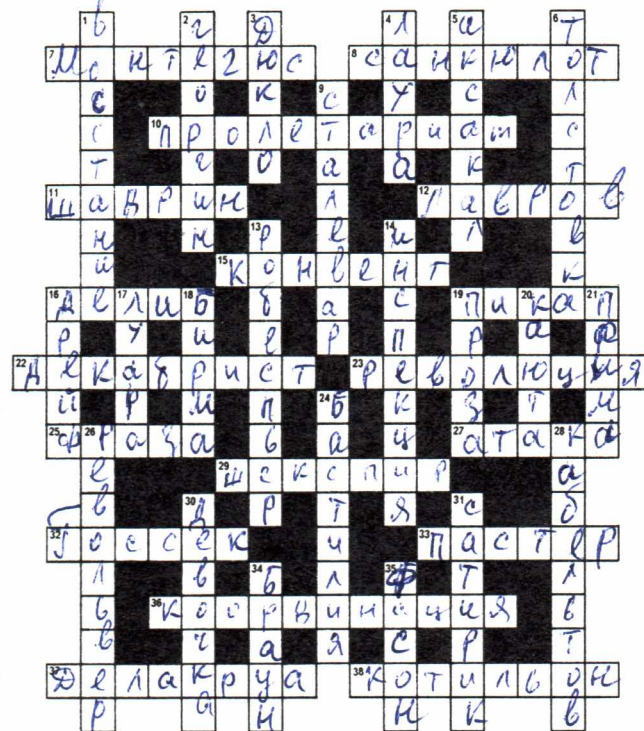
ИЗ
БУДУЩЕГО
ПИМЕНА

Григорий
КРУЖКОВ

...Аккурат об эту пору и возникло мужественно-героическое движение с неслабым названием «Волюшка». В уставе движения значились цели развития мужского досуга — рыбалки, городков, перетягивания каната и т. п., а также мужественно-героического воспитания. Однако уже на первых сходках досуг ушел куда-то в тень, а на первое место вышла борьба с феминизмом, борьба, как говорится, не на живот. Бородатые люди со слезами на глазах говорили о засилье феминизма, о мужефобии, распространившейся в мире, об упадке мужского духа. — Ура! — кричали в толпе и выкидывали лозунги: «БАБА С ВОЗУ — КОБЫЛЕ ЛЕГЧЕ», «КУРИЦА — НЕ ПТИЦА» и «ГДЕ ЧЕРТ НЕ СЛАДИТ, ТУДА БАБУ ПОШЛЕТ». По клубам и Домам культуры какие-то нервные личности читали лекции на тему: «ЗЛОВЕЩИЕ ПЛАНЫ ФЕМИНИЗМА». У слушавших волосы вставали дыбом. Оказывалось, что истинной целью феминизма является установление матриархата во всемирном масштабе и превращение всех мужчин в безропотных рабов и бесправных удовлетворителей разнузданной женской похоти, что к этой цели феминизм стремится на протяжении веков и тысячелетий с дьявольской настойчивостью и последовательностью, что первой феминисткой была Ева, изменявшая Адаму со Змием, что в бабах все зло, что они — сосуд мерзости и греха, что из-за них погибли Троя и Древняя Русь, что существует мировой заговор феминизма, финансируемый ЦРУ, что за спиной всех палачей и злодеев XX века стояли жены или любовницы-феминистки, преследовавшие свои далеко идущие цели, что женская губная помада — не что иное, как коварное средство химического воздействия на мужские нейроны и гены, ведущее к вырождению, что весь бюджет уходит на тряпки, что феминистки устраивают аварии и катастрофы, заблаговременно предупреждая своих сторонников об опасности с помощью зашифрованных схем — выкроек в журнале «Работница», и т. д., и т. д., и т. д. Народ, доведенный до ручки бескормицей, глухо роптал. Мужики собирались в скверах, чтобы потолковать о злых женах. Иные надевали на себя свитера с надписями: «ВЕРХ БУДЕТ ЗА НАМИ» и «ДАЕШЬ ДЕФЕМИНИЗАЦИЮ!». На робкие протесты в печати и упреки в женоненавистничестве идеологи «Волюшки» отвечали, что их борьба направлена не против женщин как таковых, а против феминисток, чья деятельность координируется зарубежными подрывными центрами. На провокационные вопросы, как отличить женщину от феминистки, они коротко отвечали: — Нюхом, и только нюхом! Стали принюхиваться, раздувая ноздри и потя от нетерпения. Запахло псиной...

Материалы
подготовил
И. ДВИНСКИЙ
Рисовали
В. КОВАЛЬ
и А. МЕРИНОВ.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Французский певец, которого слушал В. И. Ленин в Париже. 8. Название революционера в годы Великой французской революции. 10. Рабочий класс. 11. Герой пьесы Н. Ф. Погодина «Человек с ружьем». 12. Автор русского текста на мелодию «Марсельезы». 15. Высший законодательный и исполнительный орган Первой французской республики. 16. Французский композитор XIX века. 19. Грузо-пассажирский легковой автомобиль. 22. Участник восстания против русского самодержавия в 1825 году. 23. Поэт-хроника В. В. Маяковского. 25. Законченное высказывание, предложение. 27. Решительный момент наступательных действий войск. 29. Английский драматург и поэт эпохи Позднего Возрождения. 32. Композитор, дирижер оркестра Национальной гвардии Великой французской революции. 33. Французский ученый, основоположник современной микробиологии и иммунологии. 36. Согласование, взаимосвязь. 37. Французский живописец, автор картины «Свобода, ведущая народ». 38. Французский балетный танец.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Массовое вооруженное выступление. 2. Декоративное садовое растение с яркими соцветиями. 3. Деятели коммунистического движения, один из руководителей Движения Сопротивления во Франции. 4. Действующее лицо маленькой трагедии А. С. Пушкина «Каменный гость». 5. Почтенный человек в Средней Азии и на Кавказе. 6. Длинная мужская блуза с поясом. 9. Рабочий-металлург. 13. Деятели Великой французской революции. 14. Государственный орган, осуществляющий контроль. 16. Движение льда в море, вызываемое ветрами и течениями. 17. Самая длинная река Франции. 18. Государство в Юго-Восточной Азии. 19. Нестихотворное художественное произведение. 20. Отдельное помещение на судне. 21. Музыкальный интервал. 24. Крепость в Париже, взятая штурмом восставшим народом в начале Великой французской революции. 26. Индивидуальное многозарядное стрелковое оружие. 28. Морская мера длины. 30. Рассказ М. Горького. 31. Автор литературных произведений, обличающих отрицательные явления. 34. Австралийская общественная деятельница, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». 35. Покрой, образец, по которому шито платье.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 27

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Баликпапан. 5. Тандем. 6. Аренда. 8. Контракт. 11. Шасси. 12. Танкер. 14. Титан. 16. «Лето». 17. Кооператор. 18. Кипр. 19. Камин. 20. Нарзан. 23. Атолл. 24. Флагшток. 27. «Родина». 28. Капица. 29. Ассоциация.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Мичманка. 2. Сарасате. 3. Банк. 4. Нона. 5. Трансформатор. 7. Архитектоника. 9. Диккенс. 10. Штурвал. 11. Швейк. 12. Троян. 13. Ротан. 15. Непал. 21. Атанасов. 22. Автоклав. 25. Адда. 26. Милиа.

ИДЕТ ПОДПИСКА!

Дорогие друзья! По предварительным данным, к 1 июля на «Огонек»-1990 уже подписалось более трехсот тысяч читателей. Только подписавшись сейчас, вы будете иметь полную гарантию, что ваша семья обязательно получит журнал. Напоминаем: подписка на «Огонек» пока принимается без ограничений во всех отделениях связи. Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп., на полгода — 10 руб. 38 коп., на квартал — 5 руб. 19 коп.

Редакция благодарит наших многолетних друзей и приветствует тех, кто подписался на «Огонек» впервые. Спасибо за доверие, дорогие читатели! Давайте вместе, сообщая делать журнал ярче, интереснее, современнее. Ждем ваших советов и пожеланий.

Эти предметы — часть нашей истории. Отслужив свое на сцене, они навсегда поселились в Государственном музее детских театров для того, чтобы снова пригласить вас в радостный мир сказки.

Но Моссовет прочно запер на золотой ключик двери этого музея: с 1985 года он не может въехать в свой дом — памятник архитектуры XVIII века, занятый мастерскими Московского театра оперетты.

Хорошо быть большим и сильным. Захотел Моссовет — и принял решение «О мерах по улучшению охраны, содержания и использования памятников истории и культуры г. Москвы» и грозно повелел Театру оперетты, приведшему памятник в «крайне неудовлетворительное состояние», срочно его освободить. А захотел — сменил гнев на милость и «счел целесообразным» оставить там мастерские еще на несколько лет без всяких к тому оснований...

В результате памятник архитектуры продолжает разрушаться, у детей как не было, так и нет своего музея, в общем, хоть плачь. Но, как известно, Москва слезам не верит, а Моссовет?

Надежда ПОЛОСИНА,
директор Государственного музея детских театров.
Фото Александра НАГРАЛЬЯНА

ОГОНЁК

40 коп.
Индекс 70663

